

Одесское отделение
Украинского синергетического общества

И. В. Ершова-Бабенко, А. С. Селивёрстова

**Хаотизация психомерности социальной
реальности:
Социально-философский и
психосинергетический контекст**

монография

Одеса
2020

УДК 159.923:159.937
ББК 88.3в
Х 12

*Рекомендовано к изданию
Одесским медицинским институтом
Международного гуманитарного университета
(Протокол №1 от 01 сентября 2020 г.)
Одесским отделением Украинского синергетического общества*

Рецензенты:

Д. соц. н. *Бевзенко Л. Д.*, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины;
Проф., д. филос. н. *Добронравова И. С.*, зав. кафедрой философии науки Национального университета им. (Киев);
Проф., д. мед. н. *Пеклина Г. П.*, зав. кафедрой фармакологии.

Хаотизация психомерности социальной реальности: Социально-
Х 12 философский и психосинергетический контекст: монография /
И. В. Ершова-Бабенко, А. С. Селивёрстова. – Одесса : Бондаренко М. А.,
2020. – 192 с.

ISBN 978-617-7829-62-0

В монографии представлены исследования социальной реальности в двух аспектах, которые обнаруживаются при ее изучении с позиций синергетики и психосинергетики.

Психомерность социальной реальности показывает значимую роль социального субъекта в процессах самоорганизации социальных систем. Кроме того, на основании теории и философского концепта «brain-psyche-mind / consciousness» выявляются новые аспекты исследования гиперсистемы психики, мозга и сознания человека, ее гибридность, человекомерность и способность к хаотизации.

УДК 159.923:159.937
ББК 88.3в

ISBN 978-617-7829-62-0

© И. В. Ершова-Бабенко, 2020
© Селивёрстова А. С., 2020

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество живет в условиях нестабильности и риска, которые порождаются все возрастающей степенью неопределенности современного мира. Изменяются характеристики социальной реальности. Она характеризуется такими атрибутами, как пластичность («текучесть» З. Бауман), нелинейность, сложность и хаотичность. Образ и реализация социальной системы как установленной иерархичной структуры уходит в прошлое. На смену ей приходит сложный социум - социальная среда, которая находится в состоянии постоянного становления. Развитие и внедрение информационных технологий кардинально меняют социальное пространство. Теперь о нем говорят, что оно фрагментируется и дробится, становясь сетевым, лишенным ярко выраженных центров. Следует ли отсюда, что возможные последствия социального действия человека оказываются непрогнозируемыми, обнаруживают каскад альтернативных последствий? Позволяет ли это рассматривать социальную реальность только как пространство неопределенностей, бифуркаций и рисков?

В этих новых условиях акцент переходит не просто и не только на важность таких характеристик социальной реальности как ее хаотичность и психомерность, но демонстрирует их непрерывное потенцирование друг друга. Она показывает, что существование в непрерывно изменяющемся социуме увеличивает такие требования к человеку как психологическая лабильность и гибкость, выработка навыков социальной мобильности, способности адаптироваться к потоку социальных практик, которые постоянно меняются, наконец, относиться к хаосу просто как к норме и уметь жить в его условиях. Иными словами, возникает новая область исследований экология психики, рассматривающая ее как сложную открытую самоорганизующую систему/среду, выраженную гиперконцептом

«brain-psyche-mind/consciousness», включающую способность к хаотизации и к существованию в его условиях по определению. В условиях хаотизированного сложного социума не только формируются новые типы рациональности, переосмысляются пространственно-временные отношения, но и закладываются основания для возникновения человека нового типа. Действительно, сегодня социальная реальность – это не только структуры и функции, но и неопределенность, хаотизация себя и вокруг, заданные и поглощаемые субъективным осмыслением личностью своих собственных поступков, пространством человеческих отношений.

В этой работе с позиций синергетического и психосинергетического подходов затрагиваются проблемы хаотизации и психомерности социальной реальности, которые в настоящий момент являются актуальными как в психологии, так и в социальных науках. В Украине психосинергетические исследования были начаты в 1990-х гг. Продолжены научной школой и Одесским отделением Украинского синергетического общества под руководством проф. И. В. Ершовой-Бабенко с 2002 г. и по настоящее время. Данная монография является продолжением и развитием предыдущего этапа этих исследований, которые осуществлялись в философии и методологии науки, теории познания, в общей психологии и реабилитации. Их расширение реализовано в области социальной философии и социальных наук.

ГЛАВА I. ПРОБЛЕМА ПСИХОМЕРНОСТИ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОМ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

1.1. Постнеклассическое решение проблемы психомерности в свете гипертeории «brain-psyche-mind/consciousness»

Постнеклассическая наука формировалась в последние десятилетия XX века (В. С. Степин)¹. Ее развитию способствовал, в первую очередь, революционный переворот, касающийся хранения и получения научных знаний и любой информации с помощью компьютеров, т. е. происходила компьютеризация науки. Благодаря ей удалось выйти на новый уровень проведения и обработки данных научных экспериментов, существенно развить математизацию научного знания, изменить систему научной коммуникации и передачи информации не только в пределах одной научной дисциплины, но установить ее на качественно новом уровне. Оказалось, что решение целого ряда сложных и актуальных научных задач без использования междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований является в настоящий момент невозможным.

Таким образом, одними из главных тенденций постнеклассики оказались меж- и трансдисциплинарность. Междисциплинарность, которая означает, прежде всего, кооперацию различных научных областей в исследовании определенных научных объектов и явлений. Иными словами, исследование объекта с разных сторон и создание его целостного образа. Трансдисци-

1. Однако можно сегодня говорить о новом «цифровом» этапе развития науки. См. И.В. Ершова-Бабенко. 2020. Проблема новой научной картины мира. Мир «цифры» и «цифро-субъекта»// Norwegian Journal of development of the International Science. Vol.4, No.44 – с.60-67*.

плинарность, которая состоит в создании универсальной модели понятий и концептов, образующей единый тип описания сложных самоорганизующихся и саморазвивающихся объектов различной природы. Более того, теперь это не только человек, общество, природа, культура и под., но и «цифросубъекты». Трансдисциплинарность характеризует такие исследования, которые идут «через», «сквозь» дисциплинарные границы, выходят «за пределы» конкретных дисциплин, оказываясь в надпространстве над ними, а не только соединяя «рядоположенные». Подобные работы характеризуются уже не просто переносом когнитивных схем из одной дисциплинарной области в другую или разработкой на их основе совместных проектов исследования. Термин «трансдисциплинарность» «пришел» из французских научных центров по исследованию сложных самоорганизующихся систем и сложного мышления, в первую очередь, из Центра трансдисциплинарных исследований (социология, антропология, история), возглавляемого Эдгаром Мореном и Клодом Фишлером².

«Результаты развития сложности вскоре выйдут за пределы понятия системы. ... Теория систем, которую я предлагаю, является также антисистемной» [Морен Э., 2013. с. 194, 195].

Развитие постнеклассического этапа связывают с признанием статуса синергетики как общенаучной исследовательской программы (И. С. Добронравова). Действительно в настоящий момент принцип самоорганизации, позиции теории самоорганизации являются ключевыми, поскольку объ-

2. Автором термина является французский философ и психолог Ж. Пиаже (1972). Термин «трансдисциплинарность» используется в конце XX- начале XXI вв. для характеристики научных направлений, подобных нелинейной динамике сложных систем или синергетике, наряду с таким термином как «междисциплинарность». Эти два понятия близки друг к другу, хотя и имеют некоторые отличия. «Междисциплинарность» означает кооперацию различных научных областей, циркуляцию общих понятий для понимания некоторого явления.

ектами исследования в постнеклассике становятся не только саморазвивающиеся, но и самоорганизующиеся сложные среды (системы), природные комплексы, включающие человека. Основная особенность таких объектов обозначается термином «человекомерность» (В. С. Степин), а также человекомерность. Последний основан на мерности исследования объекта, что задает трансдисциплинарность. Исходя из этого к фундаментальным идеям постнеклассической науки относятся концепции нелинейности, коэволюции, самоорганизации, идею глобального эволюционизма, синхронистичности, системности и сложности. Именно эти идеи и концептуальные модели в рамках синергетики развивались как зарубежными, так и отечественными исследователями: И. Пригожиным, Г. Хакеном, Э. Янчем, У. Матураной, Ф. Капррой, С. П. Курдюмовым, Ю. А. Даниловым, В. Г. Будановым, Г. Г. Малинецким, С. П. Капицей, И. С. Добронравовой, И. В. Ершовой-Бабенко, Н. В. Кочубей, Л. Д. Бевзенко, М. А. Нестеровой, И. А. Донниковой, Д. С. Чернавским, Н. Н. Моисеевым, А. П. Назаретяном, Я. И. Свирским, Е. Н. Князевой, В. П. Бранским, Р. Г. Баранцевым, М. А. Басиным, и многими другими.

Становление постнеклассической науки не приводит к уничтожению методов и познавательных установок классического и неклассического исследования. Они продолжают использоваться в соответствующих им познавательных ситуациях. Постнеклассическая наука лишь более четко определяет область их применения, поскольку при изучении человекомерных объектов изменяется сам характер научной деятельности, возникают новые отношения с ними, учитывающие гуманистические и экологические аспекты управления ими и их преобразования. А при изучении человекомерности объектов изменяется ракурс ценностности научного взгляда.

Также в постнеклассической науке стала утверждаться парадигма целостности, согласно которой мироздание, биосфера

и ноосфера, общество и человек и т.д. представляют собой единое целое. Важным проявлением этой целостности является понимание того, что человек находится не вне изучаемого объекта и не внутри него, он не есть часть, познающая «целое», а вписан как целое/целостность в концептуальную модель отношений между целыми/целостностями – «целое-в-целом» / «целое в целом». «Сегодня основной круг поисков науки при постнеклассическом прочтении поведения сложных самоорганизующихся, саморегулирующихся и саморазвивающихся сред, процессов, систем включает исследование измененных форм субъект-субъектного и субъект-объектного единства как способов решения проблемы целостности, новой технологии рациональности, коммуникативной практики, совмещающей в себе различные формы технологии, габитуального поведения и многих других вопросов» [Ершова-Бабенко И. В., 2011, с. 30].

В связи с этим можно говорить о понятии «психомерности» как представленности человека и его психики в составе различных сложных самоорганизующихся объектов/субъектов. Термин «психомерность» был введен в широкий оборот в работе «Методологические проблемы разработки новой теории психики в свете постнеклассических практик» (2008) украинским философом и ученым, психологом И. В. Ершовой-Бабенко. С этим термином сопряжены и такие понятия как «психомерные среды/системы» (ПС), характеризующие человека и его деятельность: психическую, когнитивную, мозговую, социальную и др.

Эти понятия в аспекте «мерности» как основания восходят к новой постнеклассической макроклассификации наук того же автора [Ершова-Бабенко И. В., 2008]. Было предложено, исходя из растущей актуальности изучения сложных объектов исследования с позиций транс- и междисциплинарности, ввести макроклассификацию наук наряду с имеющейся дисциплинарной классификацией. Новая макроклассификация базируется

на макромасштабности рассмотрения объекта исследования с позиций его сложности и целостности в рамках отношений, вытекающих из концептуальной модели (философской категории, принципа) «целое-в-целом» / «целое в целом», включая нелинейность. Это позволяет привлекать к изучению необходимые дисциплины и теоретико-методологические средства из разных дисциплин, в т. ч. имеющих к настоящему времени разную степень математизации, разную сформированность способов анализа и, собственно, дисциплины. Автор предложила выделить по основанию мерности следующие группы наук: психомерные науки, человекомерные, социо- или гео-мерные, космо-мерные [Ершова-Бабенко И. В., 2008, с. 53-54; Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 23-26; 225-226].

Психомерные науки – это те, в объекте/предмете которых «в качестве управляющего параметра при исследовании соответствующих явлений обнаруживается влияние психики человека как гиперсистемы синергетического порядка в целом и как системы психической реальности, соответственно, и психических состояний». Психомерность как управляющий параметр может рассматриваться в разных масштабах, аспектах и формах проявления психики и ее продукта, продукта психической деятельности человека – искусство, наука, социальные и технические устройства, среды и под.

Социомерные – это науки, в которых в качестве управляющего параметра выступает человек социальный и социум, система социо-культурной реальности в целом.

Третий макроблок наук – природо- или геомерные, в которых Земля как планета выступает таким параметром, а четвертый – космо-мерные, опираются на Космос [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 226].

К настоящему времени очевидна необходимость выделения пятого макроблока наук, объект и предмет которого будет связан с исследованием «цифросубъекта».

В работе «Психомерные среды в контексте психосинергетики и их роль в постнеклассическом понимании социума – нелинейное целое в нелинейном целом» [Ершова-Бабенко И. В., 2009] подчеркивается, что понятие «психомерные среды/системы» (ПС) применено в сочетании с концептуальной моделью (философской категорией, принципом) «целое в целом» и связано с психосинергетикой [Ершова-Бабенко И. В. 1992; 2005]. «В рамках психосинергетического представления психики явление и понятие «психомерная среда» подразумевает продукт, результат психической/психомерной деятельности как отдельного человека внутри и вне себя, так и группы людей в разном масштабе пространства и времени, вплоть до гео- и космоцивилизации, культуры, и также результата психомерной деятельности этой группы внутри и вне себя» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 38-39].

Это позволяет при анализе ПС (психомерные среды) и их поведения, в т. ч. макростратегии, выйти за пределы дихотомии «часть-целое» и перевести концептуальный и теоретико-методологический акцент на уровень взаимодействия целых или целостностей, в т. ч. нелинейных, что дает принципиально качественно новый научный результат и высокую степень актуальности исследований. Примером последнего стали работы по исследованию психомерности социальной реальности с позиций теории самоорганизации [Козобродова Д. М., 2019, 24 с.] и теории хаоса [Селивёрстова А. С., 2018; 2019]. По мнению автора, это «подразумевает проявление друг в друге таких нелинейных целых, сложных целостных сред как система психики, система внутреннего мира личности, система организма человека и система собственно человека, система социума, система природы и система Космоса» [Ершова-Бабенко И. В., 2009, с. 317-318]. Важным моментом, порождаемым данной позицией, становится выход на исследование этих сложностей в их единстве, разноуровневых взаимоотношениях. Опре-

деленным шагом автора в реализации этого стала гипертеория «brain-psyche-mind/consciousness» [Ершова-Бабенко И. В., 2019] и обоснование ее гибридности, которая не исключает образования единств и разного вида организации. Например, параллельно с уровневой организацией материи, принятой в эволюционной теории, внутри этой организации существует и действует принципиально по другим принципам «коридор» самоорганизации [Ершова-Бабенко И. В., 1993].

Как утверждает автор, переход на позицию принципа «целое в целом» / «целое-в-целом» становится модельным выражением того, почему человек может быть сложнее общества, или психика человека – сложнее самого человека, или ее продукт – мысль может быть сложнее психической деятельности или устройства мозга. Место «целого»/ «целостности» не определяет уровень его сложности. То «целое», которое внутри другого «целого» вполне может быть сложнее его, а уровень сложности среды/процесса/системы в этом случае определяется как способность к созданию того, что сложнее ее самой. Нелинейный характер процессов и отношений в такой модели/системе как «целое в целом» / «целое-в-целом» приводит к пониманию качественно иных результатов в поведении и состоянии названных сред/систем и их отношений» [Ершова-Бабенко И. В., 2009, с. 319-320].

Следовательно, речь идет о понятии «психомерная среда» (ПС) на нескольких уровнях понимания. Прежде всего, это внутриспсихическая исходная среда (ВПС), которую мы порождаем, потенциально способная становиться системой разного масштаба, типа и профиля, параллельно сохраняя средовость, способная переходить из состояния системы в состояние среды и вновь системы другого уровня, масштаба, типа. Это сложная самоорганизующаяся нелинейная среда, она сама себя достраивает, видоизменяет, развивается «изнутри». Фактически все, что выходит за пределы внутриспсихической среды чело-

века (ВПС) – не просто является ее продуктом, а зависит от характера, состояния, особенностей продуцирующей среды на разных этапах ее существования. Поэтому особенно важно концентрировать внимание на состоянии и этапе, фазе ВПС человека, на реальных возможностях влияния на нее с целью ее трансформации, обеспечивая уменьшение ее стрессовости и хаотизации, удерживая достаточную и необходимую.

В авторском понимании в ПС «определяющую, принципиальную роль играют самоорганизующиеся структуры и сильно (крайне) неравновесные состояния, которые могут становиться и становятся параметром порядка, системо-, средо- и переходоформирующим фактором» [Ершова-Бабенко И. В., 2009, с. 320]. Это положение как раз и выражает позиции постнеклассического этапа развития науки. Именно этот аспект позволил автору в работе «Методология исследования психики как синергетического объекта» (1992) показать ограниченность традиционной отражательной концепции понимания психики, а также актуальность формирования новой научной области – психосинергетики.

В настоящее время в психосинергетике разработаны технологии, синхронизированные с особенностями стратегий психомерных сред (ПС), что обеспечивает способность ПС к новому типу адаптации, который фактически укладывается в понятие «информационно-эмоциональная среда», среда эмоционального интеллета. Выделены информационные, ценностные, эмоциональные потоки, которые могут приводить к травмированию тела/организма, психики и личности, а также их единств. Это также можно выразить синергетически. В работах И. Пригожина и Г. Хакена присутствуют два идентичных понятия – это «критический порог» и «критическая разность». При возникновении критической разности двух ипостасей человека, биологической и интеллектуальной, мы получим либо скачок в плюс, либо скачок в минус; можно получить и потерю

вообще системы как таковой. Многие из позиций представлены в работах И. В. Ершовой-Бабенко «Психосинергетические стратегии человеческой деятельности» (2005), «Психосинергетика» (2015), в соавторстве с Козобродовой Д. «Психомірність соціальної реальності в аспекті самоорганізації як предмету соціально-філософського і психосинергетичного аналізу» (2019) и др.

На сегодняшний день также удалось разработать такую технологию, которая обеспечивает в краткие сроки оснащение ВПС человека такими средствами, которые соответствуют специфике психического мира человека и не являются для нее чужими, т.е. органичны ей и резонируют с ней. Они могут быть произведенными ею, или привнесенными в нее, но по характеру своему, по сути своей, по принципам организации они ей соответствуют, а не противоречат. Точка зрения психосинергетики и теоретическая, и практическая такова, что избежать травмы тела (и других целостных составляющих человека) и обеспечить телу возможность выдерживать то, что происходит в информационном эмоционально нагруженном мире, можно лишь на основе изменения мировоззрения, мышления, навыков оперирования информацией (авторская методика «Удаление лишнего»), личностных компетенций, отношения.

Здесь позиция психосинергетики такова: известный всем принцип удаления лишнего в информационном поле, с которым взаимодействует человек и в котором живет человек. Удаление лишнего не как выбрасывание, не как эгоистичность и безразличие, а как временное высвобождение центрального поля внимания для свободного оперирования ресурсами в энергосберегающем режиме. Все, что выведено в поле лишнего, может быть со временем вновь введено в актив. Речь идет о том, что соответствует характеру этой психомерной среды. Это изменение отношения. Вопрос: как достичь того, чтобы человек действительно умел быстро изменять свое отношение

к происходящему для сохранения стабильности состояния. И здесь ключом является, сформулированная И. С. Добронравовой в работе «Синергетика: становление нелинейного мышления» (1990), характеристика нелинейного мышления как способности к восприятию нового, потенциальная готовность к новому. Это очень важный момент, который можно обосновать как характеристику внутриспсихической среды/системы. Таковы взгляды, которые развивает Психосинергетика как новая научная область и как одесская научная школа психосинергетики [Ершова-Бабенко И. В., 1993; 2005; 2009; 2010].

В психосинергетике при исследовании ПС возникает новое решение этой проблемы, связанное с ее выдвиганием на принципиально новый уровень, а именно на уровень представления о мозге, психике и сознании человека как о гиперсистеме «brain – psyche – mind/consciousness», концепте, являющейся философской категорией и концептуальной моделью «целое в целом/целое-в-целом» [Ершова-Бабенко И. В., 2019, с. 45]. Эта познавательная модель дает нам возможность рассматривать подобную постановку вопроса с позиции отношений целых/целостностей в самом человеке как гиперцелом/гиперцелостности – это гипертеория и одноименный концепт И. Ершовой-Бабенко «brain – psyche – mind/consciousness» («мозг – психика – ум/сознание»)³. «Одной из наиболее актуальных задач современности можно считать поиск общего решения проблемы исследования мозга и психики человека, его сознания... Можно предложить постнеклассическое общее решение данной проблемы, включив в поле внимания явление «психомерные среды/системы»: личность и познавательную деятельность (восприятие, мышление, память), социум и информацию, искусство и др. В качестве основания рассматривается

3. Также мы предполагаем реализовать концептуальную модель (философскую категорию, принцип) того же автора «целое-в-целом» [Ершова-Бабенко И. В., 2005].

методология исследования психики и ее составляющих, сознания, мозга в статусе «синергетический объект»...» [Ершова-Бабенко И. В., 2019, с. 45-50].

Основным механизмом, действующим в ПС и влияющим на ее функционирование и развитие, является процесс самоорганизации: «специфичность психики выражена в данном понимании тем, что процессы самоорганизации рассматриваются с позиции их внутриспсихического (внутреннего психомерного) характера и зависят от состояния психики, от нахождения в «точке» потери устойчивости или в ее окрестностях, где под влиянием состояния и других факторов происходит потеря устойчивости с изменением качества. Следствием становится изменение, переход психики, системы/среды психической реальности в качественно новое состояние: «положительное», «отрицательное» (хаос), зависание («плато»))» [Ершова-Бабенко И. В., Козобродова Д. М., 2019, с. 57].

В таком случае нам необходимо также прояснить вопрос соответствия представления о механизмах, характеристиках и поведении явления самоорганизации в каждом из перечисленных целых в условиях их совместного фигурирования в рамках названного соединения целых, включающего и гиперцелое или гиперцелостность «brain – psyche – mind/consciousness». Возможность такой постановки вопроса обусловлена также и тем, что по определению и результатам предыдущих исследований разными авторами перечисленных целых они отнесены к типу самоорганизующихся открытых нелинейных сред/систем синергетического порядка [Ершова-Бабенко И. В., 1992].

Так, например, Г. Хакен в своих работах «Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности» (2001) и совместно с М. Хакен-Крелль «Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу» (2002) показал, что человеческий мозг является самоорганизующейся системой – самой сложной из всех

известных нам, но все же соответствующей принципам синергетики. Вопросы исследования психики и ее производных (сознания, личности, познавательных процессов) исследованы в работах И. В. Ершовой-Бабенко и основаны также на идеях И. Пригожина, что позволило представить синергетическую модель психики человека. Таким образом, новые позитивные перспективы обнаруживаются при попытке обобщения разрозненных теоретических знаний с единых позиций и синтезировании их на основе модели гиперцелостности «brain – psyche – mind/consciousness», которая основывается на нелинейности целостности. И это «нелинейное целое в нелинейном целом» в аспекте понятия «психомерные среды/системы», по мнению И. В. Ершовой-Бабенко, приближает к новой логике – «постнеклассической». «Это логика, в которой присутствуют как минимум четыре вида операций: анализ – синтез – нелинейный синтез – синергиз, а их сочетание выводит на уровень анализа в рамках категории «поле путей развития», требуя учитывать уровни и характер окрестностей точки бифуркации, т. к. окрестности могут накладываться друг на друга и тем самым принципиально менять условия, а соответственно, характер протекания процессов, трансформации/переходов структур/сред из одного состояния в другое» [Ершова-Бабенко И. В., 2011, с. 25].

В то же время и сам по себе процесс становящегося и преходящего существования названных нелинейных целых – процессов/структур/сред/ систем человеческой деятельности (нелинейного целого), психики человека (гиперсистемы синергетического порядка, нелинейного целого), его внутреннего мира (информационно-эмоциональной, ИМДЭС синергетического порядка, нелинейного целого) и социума (самоорганизующейся среды, нелинейного целого), а также единого макроцелого, в разных сочетаниях и проявлениях образуемого ими как результата определенного вида нелинейного синтеза,

приравнивается автором «к некоей целостности как единству многообразного» [Добронравова И. С., 2017, с. 198]. «Синергетическое понимание целостности весьма диалектично, поскольку рассматривает целое как единство многообразного процессуально. Это может быть процесс самоорганизации как становления нового целого, создающего себе части из наличных элементов среды (появление параметров порядка). Это может быть динамически устойчивый периодический процесс воспроизведения ставшего целого (формирование предельного цикла в фазовом пространстве, образованного двумя периодически изменяющимися параметрами порядка). Это может быть процесс перехода параметров порядка к хаотическому поведению» [Добронравова И. С., 2017, с. 198]. Таким образом, эта нелинейная целостность является «разновекторной во времени, пространстве и других измерениях» психического, поскольку «на разных фазах имеет разные, подчас противоположные свойства», а также направленность, скорость и масштабность. И. В. Ершова-Бабенко также подчеркивает, что предметом рассмотрения в таком контексте становится фундаментальная целостность, условия ее распада/ трансформации/ возникновения, а также фазовость и стадийность.

В своих работах автор отдает предпочтение термину «среда», аргументируя тем, что контекст термина «система» не соответствует концептуальной модели «целое в целом». Отмечая, что если отталкиваться от определения Л. Фон Берталанфи (30-е гг. XX в.), то термин «система» по-прежнему сохраняет значение целого и его части. В то время как система психики в психосинергетике рассматривается с позиций «нелинейное целое – в – нелинейном целом». «Употребление двойного термина система/среда или среда/система подразумевает исходную средовость психики у человека при рождении, так как она не является строго организованной, в ней нет заданной структуры. (Не до конца заданной является и структура

мозга). По мере взросления человек формирует у себя то, что обретает структуру, системное качество «mind», «раазум». И таким образом, в пользовании человека, человеческой психики возникает качество системности у тех психических процессов, которыми человек оперирует. Но дело в том, что человек как познающий субъект непрерывно обновляет свою познавательную базу. В результате та системность как качество, которое возникает в какой-то период развития человека, вновь становится средовостью, теряя при переходе в новое знание системность, т.е. она становится средой, так как системе приходится изменять свое качество структуры и саму структур для того, чтобы впустить в себя «новое» [Ершова-Бабенко И. В., 2019, с. 47]. Таким образом, периодически человек сталкивается с демонстрацией психикой качества среды, а периодически качества – системности.

Это понимание двойственности ПС (а точнее, тройственности, поскольку есть и переходные состояния) имеет важные следствия для тех сфер знания и человеческой деятельности, в которых психика оказывается переходоформирующим фактором. Это такие сферы как социальная, социотехническая, социокультурная, образовательная, человекотехническая и др. В них ПС может проявлять как качества среды, так и системы, сложности, неустойчивости и т.д. Эта модель нелинейной целостности подчеркивает возможность различных вариантов, выходящих за традиционные рамки холистических представлений «целое-часть». Таким образом, философская категория «brain – psyche – mind/consciousness», описывающая гиперцелостность человека, может быть одновременно и становящимся (средой), и ставшим (системой), в зависимости от стадии, в которой она находится или рассматривается. «Психосинергетическая трактовка подобного явления расширяется через разнообразие мерностей психического и, соответственно, разнообразие психомерной среды. Это могут быть информацион-

ные и энергетические мерности, индивидуального и трансличностного, коллективного бытия и становления, субстратные и процессуальные, соотносимые с уровнями живого, неживого и виртуального» [Ершова-Бабенко И. В., 2019, с. 47].

Явление и понятие психомерные среды/системы (ПС) изначально и до сих пор вот уже на протяжении почти 30-ти лет рассматриваются в психосинергетике [Ершова-Бабенко И. В., 1993]. В границах этого научного направления автор подчеркивает, что «система психики человека, ее фаза, состояние и структура, определяются граничными условиями, возрастом и скоростью составляющих и возникающих в ней субъединиц разного уровня и измерения, их отношениями, связями (характер) и др.» [Ершова-Бабенко И. В., 2011, с. 25]. В описании характеристик ПС подчеркиваются их существенные качества: состояния (1), изменения (2), развития (3), деградации (4) или остановки/зависания, т. е. «плато» (5)⁴.

С точки зрения иерархичности это выглядят следующим образом: есть равновесное состояние, которое может быть долговременным, по С. П. Курдюмову, или кратковременным, по И. В. Ершово-Бабенко. Так, С. П. Курдюмов считает, что «процессы в режимах с обострением неравномерно... Достаточно длительное время структуры развиваются медленно. Они существуют метастабильно. Иными словами, режимы с обострением имеют длительную квазистационарную стадию... Далее, когда структуры уже выросли настолько, что перешли порог медленного роста, то эти структуры начинают развиваться сверхбыстро в режиме с обострением. На стадии вблизи мо-

4. Термин «плато» применяется автором при рассмотрении характеристик ПС в значении, употребляемом С. Курдюмовым и Е. Князевой в работе «Законы эволюции и самоорганизации сложных систем» (1994). По Курдюмову, плато – это ожидание «развитие процесса с обострением, в основе механизма которого лежит нелинейная положительная связь» // Курдюмов С.П., Князева Е.Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994., с. 33.

мента обострения (на стадии неограниченного возрастания характерных величин) сложные локализованные структуры становятся неустойчивыми и распадаются из-за влияния малых флуктуаций» [Курдюмов С. П., Князева Е. Н., 1994, с. 30-31].

К следующей характеристике ПС автор относит потенциальную возможность «перехода в состояние, далекое от равновесия или в «нелинейный» динамический режим». В предыдущих работах автора было показано, что к подобным системам относятся и те среды, в которых и по отношению к которым система психики человека, ее состояние, может становиться и становится переходоформирующим, системообразующим или в терминах синергетики управляющим параметром⁵, параметром порядка [Ершова-Бабенко И. В., 1992; 2005]. ПС «совершает выбор необходимой интенсивности всплеска, в т. ч. и за счет резонанса». Как обосновано в других работах автора, исследования подобных режимов и состояний системы психики человека показали возможность нарушения принципа суперпозиции. В отличие от позиции И. Ершовой-Бабенко, состояние системы по Г. Хакену, может быть описано как суперпозиция всех, т. е. нарастающих и затухающих, конфигураций [Хакен Г., 2001, с. 50]. А соответствующую роль берет на себя «схождение», наложение эмоциональных всплесков. В определенных случаях это приводит к «срыву» [Ершова-Бабенко И. В., 2011, с. 26]. Все эти состояния перемежаются обычно, но может быть и состояние «зависания»/плато.

Такая постановка вопроса позволила автору сделать первые «постнеклассические шаги» в философии и методологии исследования и моделировании стратегии сверхсложных ПС.

Действительно, определяющую, принципиальную роль в психосинергетическом понимании ПС играют самоорганизую-

5. По Г. Хакену, управляющий параметр – это амплитуды нарастающих конфигураций, а также фазы, которые описывают макроскопический порядок, макроскопическое состояние системы [Хакен Г., 2001, с. 50].

щиеся структуры и сильно (крайне) неравновесные состояния, которые могут становиться и становятся параметром порядка, системо- и переходоформирующим фактором, управляющим параметром. Таким образом, последний не всегда задан, в определенных условиях он формируется «композиционно», в т. ч. и «на месте».

ПС «подвержены влиянию потоков информации, энергии/эмоций, вещества/обмен, времени и др., не только поступающих извне, но, прежде всего, производящихся самими этими системами/средами внутри себя по отношению к себе, к своим внутриспсихическим – внутриличностным маркерам. (Если средой выступает группа людей, коллектив, партия, любое сообщество, то это могут быть и внутригрупповые, культурологические, идеологические и подобные маркеры)» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 40].

Существенность выделенных характеристик ПС И. Ершова-Бабенко определяет тем, что «внутриспсихическое влияние названных потоков на самих себя может при определенных условиях/ факторах (1-12) сопровождаться действием нелинейной положительной обратной связи (НПОС), что выражается в возможности усиления потоками самих себя и друг друга посредством ими же производимой продукции (в соответствии с внутриспсихическими маркерами, становящимися аттракторами), а также создаваемой ими/возникающей композицией, т.е. без внешнего воздействия» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 40]. Активизация ПС возникает в точке потери устойчивости и в ее окрестностях, где особый статус получает «наложения поля» окрестностей точки. Важным моментом становится то, что точка потери устойчивости и ее окрестности может характеризовать одновременную работу головного мозга, психики как системы/среды психической реальности и сознания как психической среды.

Автор подчеркивает, что «находясь в сильно неравновес-

ном состоянии, ПС или структура может менять и/или меняет направление своего движения и характер своего изменения», ... «в каждую следующую секунду под влиянием внутри- и внешнепсихических флуктуаций и других условий, которых к настоящему времени выделено 12 – ценности, убеждения, мода и под.», ... «выбирая флуктуацию, резонируя с ней по собственному выбору вида резонанса, его продолжительности». Это может привести к тому, что в определенный момент времени ПС в своих состояниях окажется не там, где ее ожидают, исходя из начальных данных, а совсем в другом месте, вплоть до самого неожиданного. Например, это может быть даже точка, из которой система стартовала. В терминах времени такая точка окажется, фактически, прошлым данной психомерной системы или среды, прошлым, в которое она вроде бы попадает в настоящем. Но система теперь сама уже другая, не соответствующая этому прошлому. (ПС1, ПС2, ПС3... ПС-энная ...возвращающаяся). Поэтому обращение внимания просто на эту точку не дает исследователю адекватной информации» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 85].

К факторам или условиям сильно (крайне) неравновесного состояния психомерной среды, к которым может приходиться и приходит психомерная среда, отнесены следующие. Выделено три блока факторов: первый блок взят из неравновесной динамики И. Пригожина:

- 1) дефекты, например, врожденные;
- 2) граничные условия, например, родовая травма;
- 3) случайности;
- 4) неоднородности;
- 5) флуктуации.

Следующий блок факторов взят из концепции синергетики Г. Хакена:

- 1) принцип круговой причинности;
- 2) принцип подчинения.

Наконец, третий блок факторов – взят из психосинергетики:

- 1) консенсус между целыми/целостностями;
- 2) принцип «удаление лишнего» как вывод из центра поля внимания на периферию;
- 3) принцип «вешалки»;
- 4) принцип «вывернутой vareжки»;
- 5) принцип «обнуления», или перехода в новое качество отдаленного уровня;
- 6) принцип наложения поля окрестностей точки потери устойчивости.

«Эти факторы относятся в психике и ПС как к собственно информации/смыслу/энергии/эмоциям, веществу/обмену, времени/пространству и др., так и к разнообразным и разностепенным их сочетаниям, выражающим стадии динамики и фазы исследуемых объектов» [Ершова-Бабенко И. В., 2019, с.48].

Таким образом, ПС трактуются И. Ершовой-Бабенко как такое целое, которое представляет собой «сверхсложную открытую нелинейную самоорганизующуюся (ОНС) среду, существующую и образовавшуюся в другой ОНС (но может быть и попавшую в нее уже в сформированном виде)». Это и есть явление «целое в целом» или «нелинейное целое в нелинейном целом», реализованное в ПС.

Как выражение внутреннего мира человека такая среда получила в работах рассматриваемого автора название «внутренняя психомерная среда» (ВПС), внутриличностная или внутриспсихическая или информационно-ментально-духовно-эмоциональная среда – ИМДЭС, сокращенно ИЭС – информационно-эмоциональная среда. По определению она является сверхсложной ОНС [Ершова-Бабенко И. В., 1992]. И мыслительные, и духовные, и ценностные, т. е. аксиологические, процессы, по сути своей являются для ПС информационными, временными, пространственно-временными, а также такими,

которые провоцируют ее энергетические – мозговые и эмоциональные, всплески. Провокация всплесков происходит за счет соответствия/несоответствия или рассогласования, нарушения баланса по определенным параметрам – интенсивности, частоте всплесков, возможностей ПС и других ее качественных характеристик. (Вероятно, к ним можно отнести и параметрические, характеризующие организованную сложность). Например, степень концентрации информации, времени, энергии/эмоций в единице измерения, скорость поступления, преобразования информации, смысла, степень согласованности, масштабность и др.

Как видно из приведенного определения ПС и разъяснения авторских позиций в понимании этого явления, а также проведенных им исследований как теоретического, так и практического характера, явление «психомерная среда» оказывается имеющим прямое отношение к социальной реальности в аспекте ее психомерности. Это позволяет расширить сферу исследований психосинергетики на такие области как социальная философия, социология, культурология, политология, подготовка лидеров и т.д. вслед за шагами, предпринятыми в философии и методологии науки, в психологии и педагогике.

В работе Д. М. Козобродовой «Самоорганизация как предмет социально-философского анализа» (2019) была исследована психомерность социальной реальности, в которой нелинейным целым (в значении ставшего), или нелинейной целостностью (в значении становящегося) выступает человек как действующий субъект общества – автор и исполнитель. Основанием для анализа психомерности социальной реальности стало развитие и распространение социальной синергетики как направления, в котором представлен синергетический подход к исследованию общества, человека и культуры. В социальной синергетике, получившей свое развитие в 2010-х гг. в Украине, ведущими стали синергетические концепты – само-

организация, хаос, бифуркация, аттрактор и др., которые были использованы для решения проблем социального изменения, трансформации и социальной динамики. Понятие и явление социальной самоорганизации стало ключевой концептуальной моделью, которая позволила описать и объяснить переходные периоды кризисов, трансформаций и изменений социальной реальности.

Психосинергетика – подход, высвечивающий психический и когнитивный, психологический и поведенческий аспекты человеческой деятельности, позволяет представить общество как психомерную систему, в которой решающая роль отводится человеку как субъекту социального действия и социального развития. В этом смысле социальная самоорганизация может пониматься как принцип жизнедеятельности субъекта, предполагающий использование им механизмов спонтанного развития. При этом «социальная самоорганизация представляет собой спонтанно, несогласованно возникающие в точке бифуркации социальные согласованности – социальные общности, объединения, ассоциации...» [Бевзенко Л. Д., 2004]. Существуют разные мнения по поводу механизмов социальной самоорганизации, которые, однако, безусловно, являются человекомерными. Так, часть исследователей (Л. Д. Бевзенко и др.) считает, что эти механизмы носят бессознательный характер и связаны с переживаниями, эмоциями, неосознанными игровыми и мифологическими мотивами индивидов, которые в моменты социальных потрясений и революций следуют за харизматичным лидером, толпой, или руководствуются подсознательными импульсами («коллективные представления») [Бевзенко Л. Д., 2002].

С другой стороны, исследователи (И. А. Донникова и др.) отмечают, что в моменты нарушения социальной стабильности (порядка), индивиды осуществляют сознательный социальный выбор, который предполагает реализацию тех или иных при-

емлемых сценариев выхода из кризисных или противоречивых ситуаций.

Как мы видим, и в том, и в другом случае речь может идти о психомерности социальной реальности, поскольку в социальной самоорганизации задействованы психические процессы, проходящие на сознательном или бессознательном уровне.

Более того, автор отмечает, что на уровне повседневной жизни любой человек осуществляет те или иные выборы в точке жизненных бифуркаций. В связи с этим она предлагает интерпретацию социальной самоорганизации как культурогенной, т. е. реализующей культуротворческую деятельность индивида [Донникова И. А., 2011]. В этом случае социальная самоорганизация определяется как «человекомерный» способ самоорганизации общества, направленный на созидание и утверждение смысловых констант человеческого существования. Таким образом, в работе Д. Козобродовой был выявлен «эвристический потенциал теории самоорганизации в современных социальных исследованиях социальной реальности и человека, что позволило ввести в научный оборот понятие «психомерность социальной реальности» [Козобродова Д. М., 2019, с. 4].

Очевидно, что именно психомерность социальной реальности играет все большую роль в происходящих социальных и социально-культурных процессах, особенно в кризисных состояниях (поэтому можно говорить о *хаотизации психомерности социальной реальности*. См. далее). И не только их, но и собственно человека. В этом аспекте необходимо ввести такой критерий как *степень субъективности* в психомерности социальной реальности. Однако проблема психомерности социальной реальности является еще в целом малоисследованной и нуждается в дальнейшем изучении и углублении. Особенно это касается вопросов психологических механизмов, принимающих участие во взаимодействии социальных субъектов между собой (интерсубъективности) в периоды социальной

нестабильности и нарушения деятельности (дисфункции) социальных институтов. Также еще малоисследованы вопросы, относящиеся к влиянию социальной среды как ПС на психомерную систему субъекта и вопросов создания механизмов их взаимодействия и функционирования как нелинейного целого в нелинейном целом.

Таким образом, понятие «психомерность», предложенное в рамках психосинергетики, включает следующие аспекты:

- психомерность социо-гуманитарных процессов и методологию исследования психомерности, психомерных сред/систем, относящихся к социальной, психической, культурной и др. реальностей;
- общность подхода исследования в контексте гипертеории «brain-psyche-mind/consciousness» – синергетического и психосинергетического, соответственно, исследование составляющих одноименного концепта и самого гиперцелого в статусе «синергетический объект», «система/среда синергетического порядка»,
- поведение концепта «brain-psyche-mind/consciousness», одноименного названной теории, с позиций гиперцелого в значении ставшего или гиперцелостности в значении становящегося;
- отношения между составляющими концепта как отношения между целыми или целостностями на основании в рамках концептуальной модели «The Whole – in – The Whole» [Ершова-Бабенко И. В., 2019].

Основанием для изучения психомерности и ПС является утверждение, что необходимо соответствие представления о механизмах, характеристиках и поведении явления самоорганизации в условиях деятельности гиперцелого или гиперцелостности, представленных, с одной стороны, в названной гипертеории, а с другой, в жизни человека, в психомерности социо-гуманитарных процессов и ее хаотизации.

Особое внимание уделено неравновесности социо-гуманитарных процессов за счет хаотизации на уровне психомерности этих процессов в контексте гипертеории «brain-psyche-mind/consciousness». Эти вопросы будут рассмотрены далее в социально-культурном и научнотехническом аспектах.

1.2. Гибридность гиперсистемы «brain-psyche-mind/consciousness»: человекомерный аспект

Постнеклассическая наука ставит ряд новых вопросов, связанных с изменением роли человека при изучении новых самоорганизующихся и саморазвивающихся систем/сред. Для фиксации этого «антропологического поворота» в естественнаучном знании В.С.Степин ввел новый термин «человекомерность» [Степин В. С., 1989, с. 18]. «Человекомерность – понятие постнеклассической науки, раскрывающее отношения между субъектом и объектом познания, актуализирует следующие вопросы:

1 – как познавать самоорганизующиеся системы (познавательный аспект, предлагающий междисциплинарный подход);

2 – как использовать знание о них, как управлять ими, не теряя «собственно человеческое в человеке», как управлять человекомерными системами, чтобы сохранить человека и Природу (технологический аспект)» [Ершова-Бабенко И., Гончарова О., 2015, с.246]. Действительно, эти вопросы сегодня являются еще более актуальными, поскольку развитие компьютерных технологий (IT-технологий), биотехнологий, нанотехнологий и робототехники вышло на достаточно высокий уровень, который все больше и яснее открывает роль «человеческого» в таких сложных и гибридных современных системах, которые уже существуют в автомобилестроении, авиастроении, робототехнике и искусственном интеллекте (ИИ), медицине и т.д.

Можно сказать, что другой термин – человекомерность («наличие человеческого») имеет два основных аспекта: первый – онтологический – «мир является человекомерным», т.е. в нем выполняются условия существования человека и человек в его специфике является условием существования мира. Второй – аксиологический – «человекомерность означает привнесение в природу и общество смыслов/ценностей человеческого бытия, и в соотношении с бытием природным и социальным... выражает не столько место человека в бытии, сколько специфике (способ) его ценностного, морального, духовного становления в самоорганизующемся мире, его окружающем и им же создаваемом» [Ершова-Бабенко И., Гончарова О., 2015, с. 249].

В постнеклассическом понимании человекомерность – это способность человека к разновекторной самореализации (качественная характеристика), а не только к многовекторной (количественная характеристика), в процессе которой высвобождаются его творческие и деструктивные потенции. В таком понимании человекомерность предполагает активизацию творческого потенциала человека, несущего ответственность за мир с признаками человекомерности, в котором он самоорганизуется и самореализуется на основе принципов самоорганизации, хаотизации и диссипативности (возникновение диссипативных структур как нового порядка). В рамках предшествующих научных парадигм понятие «человекомерность», восходящее к античному антропоцентризму, традиционно связывалось с гуманистической тенденцией в европейской философии, с приоритетом индивидуально-личностного начала во взаимодействиях человека и мира [Донникова И. А., 2011, с. 76], мира и человека, если учитывать векторность этих отношений, человека и человека, мира и мира [Ершова-Бабенко И., 2009].

Однако сегодня существуют новые измерения человекомерности, которые раскрываются во взаимодействии человека

и техники, реального человека и искусственного, человеческого и технологического аспектов, которые соединяются и переплетаются между собой. В этом значении возникают новые поля и проблемы человекомерности. Речь идет о рассмотрении проявления гибридности в реальном человеке – мозг и психика, например, а также о появлении другого типа гибридных систем, т.е. смешанных систем человеко-роботизированного типа.

Понятие «гибрид» с лат. *hibrida, hybrida* означает «смесь, помесь» часто использовалось в биологии (ботаника, зоология), но сегодня является широко распространенным в разных областях знания, включая соцо-гуманитарные науки: «гибридная система», «гибридная война», «гибридность» современного искусства, «гибридные образования», т.д. Последние могут относиться и к области теоретического знания. Так, к «гибридным образованиям» В. С. Степин относит «специальные научные теории», если в их основании лежат фундаментальные теоретические схемы, по меньшей мере, двух теорий. «Примерами такого рода гибридных образований может служить классическая модель абсолютно чёрного излучения, построенная на базе представлений термодинамики и электродинамики. Гибридные теоретические схемы могут существовать в качестве самостоятельных теоретических образований наряду с фундаментальными теориями и негибридными частными схемами, ещё не включёнными в состав фундаментальной теории» [Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А., 1999, с. 342].

Также современное образование существенно изменяется под влиянием повсеместно проникающих в него цифровых технологий, различных методов визуализации и т.д. В нем становятся популярными ранее невозможные формы организации учебного процесса. Например, сегодня возникает концепция «гибридного обучения», поддержка которого стала возможной повсеместно благодаря глобальному распространению и

конвергенции телекоммуникационных технологий, а также созданию облачных информационных систем учебного назначения. Кроме того, цифровые технологии приносят не только видимые прелести автоматизации рутинных операций, но и становятся причиной переосмысления и трансформации ставших привычными процессов не только в преподавании, но и в управлении современным образованием. «При этом американские исследователи Б. Томлинсон (Tomlinson B.), С. Уитттекер (Whittaker C.) рассматривают «гибридное или смешанное обучение» не как абсолютно новый феномен, а, скорее, как логичное, последовательное развитие традиционных форм в условиях изменения среды обучения с применением сети Интернет» [Кизилова А. С., Фадеев Г. Н., Волков А. А., 2018, с. 14].

По их мнению, почти любую систему обучения можно считать в определенном смысле «гибридной» («смешанной»). Они считают, что вопрос заключается не в сущностных характеристиках понятия «гибридное или смешанное обучение», а, скорее, в том, что именно смешивается в современных педагогических системах. Поэтому они предлагают следующие виды «гибридного обучения», т.е. обучения с применением компьютерных технологий, в которых основой является продолжительность обучения в режиме он-лайн:

- 1) обучение с применением сети Интернет, в котором речь идет о размещении программ, заданий и т.д. в сети Интернет;
- 2) гибридное обучение, когда учащиеся проводят в он-лайн режиме до 45% времени занятий;
- 3) гибридное обучение, в котором учащиеся проводят в режиме он-лайн от 45-до 80% времени;
- 4) дистанционное обучение – свыше 80% времени, т.е. практически все время занятия проходят в режиме он-лайн [Кизилова А. С., Фадеев Г. Н., Волков А. А., 2018, с. 15].

Таким образом, говоря о гибридности в различных областях научной, образовательной, производственной, культур-

ной и т.д. видов человеческой деятельности в общем случае подразумевается, что происходит смешение, или смешивание различных видов, объектов, элементов и т.д., которое происходит в первую очередь под влиянием цифровых технологий. Иными словами, понятие «гибридности» входит уже в арсенал после-постнеклассического знания, которое имеет свою специфику и новые методы развития, в т.ч. большего развития, вплоть до выведения в самостоятельный субъект интеллектуального продукта цифровых технологий. «На рубеже 2021 года XXI века... совершенно очевидно, что формируется совсем другая, новая научная картина мира. В ней не ставится вопрос о модели природы. В эту картину мира она не включена, также как не включены человек и общество. В нее стремительно вошла принципиально качественно иная составляющая – «цифра», символизирующая неживое, небиологическое» [Ершова-Бабенко И. В., 2020, с. 60].

Если выразить эти идеи в более обобщенной форме, то можно сказать, что речь идет о смешении «живого» (человек, субъект – реальный человек) и «неживого» (цифра, но не в человеке, а как самостоятельный цифросубъект).

Это новый и постепенно ускоряющийся процесс «гибридизации» начался, как считает М.В. Ковальчук, «еще в XIX–XX веках, создавая новые технические системы, мы, прежде всего, копировали себя, пытались усовершенствовать то, что дано нам природой. Например, подъемный кран – это фактически имитация руки, в оптических приборах мы имитируем и совершенствуем человеческое зрение, в акустических – слух и т.д. Когда началось развитие полупроводниковой микроэлектроники, компьютеров, образец для подражания был очевиден – человеческий мозг» [Ковальчук М. В., 2011, с. 18].

Двигаясь по этому пути, человечество создавало все более совершенные технологии, как, например, молекулярно-лучевая эпитакия, которая используется для получения тонких

структур порядка размеров атомов, и новые структуры – так называемые «структуры с квантовыми точками», образование и поведение которых подчинено принципам самоорганизации, хаотизации и диссипации. Благодаря достижениям фундаментальной науки, использующей в первую очередь рентгеновскую физику, рассеяние синхротронного излучения и нейтронов, ядерно-магнитный резонанс, суперкомпьютеры, стала очевидна структура биологических объектов. И многое другое, что показывает собственно основное направление развития современной науки – в сторону синтеза «живого» и «неживого». Но и этот этап становится или уже стал пусть и ближним, но прошлым.

Действительно, можно согласиться с утверждением, что в понятийное поле современное «цифровой» постнеклассической науки «включены сегодня такие вопросы как:

- изменение парадигмы науки,
- необходимость конвергенции наук, новой философии и синергетически единой технологии при сборке NBIC,
- ожидание революции в науке и понимание, что «мы делали не то», – изучение сознания и когнитивных процессов как единого целого и «создание гибридных органика-неорганика антропоморфных похожих на живое технических систем» [Ершова-Бабенко И. В., 2019, с. 59].

Таким образом, наука движется по пути взаимодействия, а порой и синтеза целого ряда передовых нано-, био-, информационных и когнитивных технологий, развитие которых возможно только на широкой трансдисциплинарной основе биологических, компьютерных, технических и гуманитарных наук. Развивая этот новый подход, М. В. Ковальчук отмечает тесное сотрудничество между естественными и гуманитарными науками: «С одной стороны, мы изучаем процессы сознания с помощью нейрона, физиологии и молекулярной биологии, а с другой стороны, одновременно привлекаем гуманитариев раз-

личных специальностей: философов, психологов, социологов, лингвистов, этнографов и др. Поясню, что, изучая поведение человека или животного в момент принятия решения, мы смотрим на распространение сигнала по нейронным сетям, возбуждение различных отделов мозга с нейрофизиологических позиций, далее опускаясь на молекулярный уровень. С другой стороны, одновременно мы можем исследовать этот же процесс с помощью гуманитарных технологий, например, изучая поведенческие, речевые, психологические и другие особенности» [Ковальчук М. В., 2011, с. 21].

Кроме того, человекомерность в постнеклассической и после-постнеклассической науке уже не ограничивается только акцентом на развитии гуманитарных наук и их взаимодействии с естественными в решении общих глобальных проблем. Как отмечает Е. М. Бабосов: «...человекомерность науки воплощается не только в развитии гуманитарных знаний. Она находит свои впечатляющие свидетельства во всех спектрах современного научно-технического творчества, в том числе и в стремительном обновленческом движении естественно-научного познания мира. Особенно рельефно человекомерность современной науки проявляется в выдвинутом и обоснованном в конце XX – начале XXI в. антропном космологическом принципе, который фиксирует связь между крупномасштабными, метагалактическими свойствами Вселенной и существованием в ней человека» [Бабосов М. В., 2015, с.5]. Этот принцип показывает соизмеримость и соотносимость человека и объективно существующего вне его мира. И хотя, безусловно, эта соизмеримость скорее выражается не какими-то конкретными возможностями человека, но она становится вектором, указывающим направленность развития мира и человека. Как указывал немецкий философ М. Хайдеггер, она является «ускользающей вперед», нацеленной на перспективу дальнейшего развития. Она носит характер опережающей адаптации человека к изменяющейся

реальности. Именно эта «опережаемость» человекомерности по отношению к окружающему миру позволяет человеку быть свободным, открывает ему возможность конструировать новые меры миропреобразования и активно использовать их в своей жизнедеятельности [Хайдеггер М. 1993, с. 73-74]. Однако, стремительное развитие цифровизации, создания и совершенствования «цифросубъекта» уже не как подобия человека, а как самостоятельного социального субъекта со своим «цифро-социумом» и «внутренним цифромиром» делает нас не столь оптимистичными как процитированные авторы.

В русле сказанного, еще один аспект соизмеримости человека и мира, который на наш взгляд заслуживает внимания, мы находим в синергетике. Им является связь между необратимостью явлений и процессов окружающего мира, так называемой «стрелой времени», введенной И. Пригожиным в его неравновесной термодинамике, с одной стороны, и человеческим (историческим) существованием, с другой. «Человек, – пишет И. Пригожин совместно с И. Стенгерс в книге «Время, хаос, квант. К решению парадокса времени», – отвечает и за стрелу времени и за переход от квантовой «потенциальности» к квантовой «актуальности», то есть за все особенности, связанные со становлением и событиями в нашем физическом описании» А этот постулат приводит к суждению о том, что «существует неотделимость проблемы реальности от проблемы человеческого существования» [Пригожин И., Стенгерс И., 2000 с. 10, 46].

Также в идее И. Пригожина о нестабильности мира выражена связь между человеческой деятельностью в окружающем его социальном мире и новейшими представлениями космологии и физики, исследующими хаотичность и нестабильность развития Вселенной. В работе «Философия нестабильности» И. Пригожин утверждал, что «универсум художественного творчества» весьма отличен от классического образа мира, но

он легко соотносим с современной физикой и космологией, а в философии нестабильности «универсум открывается как нечто многовариантное, подобное сфере человеческого бытия», вследствие чего «человечество... оказывается в самом центре законов мироздания» [Пригожин И., 1991, с. 47, 51].

Таким образом, можно согласиться с утверждением о том, что в постнеклассический период развития науки ведущим тезисом был тезис о ее человекомерности: «суть состоит в утверждении о наличии в современном обществе человекомерности всего обширного, фактически беспредельного мира целенаправленной интеллектуальной и предметной деятельности человека, в первую очередь деятельности научно-исследовательской. Именно человек становится основным мерообладателем и мероизмерителем всех вещей, явлений и процессов нашего жизненного пространства и времени Как раз в данном процессе проявляется и утверждается соразмерность микрокосмоса (человека) и макрокосмоса (космоса). Идущая от человека как меры всех вещей многомерность окружающей реальности преобразуется в активной миропреобразующей деятельности в мирозидание, в котором окружающий социальный мир из хаотического состояния благодаря активному созидательному, свойственному только человеку действию превращается в иерархический структурированный феномен, сообразный, соразмерный человеку» [Бабосов Е. М., 2015, с. 12].

В украинской философской мысли идея о человекомерности постнеклассической науки отстаивалась Ю. А. Мелковым [Мелков Ю. А., 2014]. Он определяет три аспекта феномена человекомерности. Первый аспект – это человекосоразмерность (англ. *human-commensurability*, укр. *людиносумірність*). Мир предстаёт перед нами миром человека, «горизонтом событий, доступных его осмыслению». Парадигма единства постнеклассической науки выдвигает вопрос экологии в самом широком понимании, отношение к миру как к своему дому, а не эгоис-

тически-потребительское. Второй аспект в собственном смысле этого слова (англ. *human-dimensionality*, укр. *людиновимірність*) – это понимание человека как меры, а не как исключительно рационального «субъекта познания», что предполагает включение целей, ценностей (культурных, социальных и др.), личных качеств и чувств человека в предмет исследования. Третий аспект человекомерности – это именно личностное осознание и освоение идеалов научной истины, включая принятие личной ответственности за следование этому идеалу и освоение ценностей наивысшего уровня [Ершова-Бабенко И., Гончарова О., 2015, с. 251].

Кроме того, Ю. Мелков считал, что в тех этапах развития науки, которые сегодня являются широко принятыми, благодаря работам В. С. Степина, этап классической науки, неклассической и постклассической, по-разному проявляется отношение к человеку с точки зрения его включенности в процесс познания. В классической науке человек отсутствовал и научное познание было направлено только на объект исследования, которое в силу этого считалось строго объективным. В период неклассической науки происходит осознание того факта, что исследование объекта зависит от используемых средств познания, но человеческий фактор также исключался. И только в постнеклассический – было установлено, что в состав научного знания включается объект исследования, способы исследования и человек как субъект познания. «На мой взгляд, как раз акцент на учете ценностей свидетельствует о том, что человек в свете постнеклассической науки больше не сводится как к единственной своей ипостаси к субъекту в традиционном понимании, т.е. только как субъект познания, поскольку теперь он должен рассматриваться во всей полноте своих человеческих качеств, – что включают в себя не только чисто познавательные цели и ценности, но также и общекультурные» [Мелков Ю., 2015, с. 228].

Иными словами, речь идет о целостности человека и его психики, ценностей, целей, поведения и деятельности как субъекта познания, но не пассивного «наблюдателя», а автора, действующего и активно влияющего на научное познание, становящегося как бы его необходимой и неотъемлемой частью. В этом смысле Ю. Мелков определяет человека не просто как субъекта познания, а «метанаблюдателя». «Понятие «наблюдатель» было вполне корректным для описания статуса субъекта классической науки. Неклассическая парадигма научного мышления трансформирует субъект, превращая его в деятеля, актера, – даже если сам он, по-прежнему остается вне результатов познания, то, тем не менее, такие результаты выявляются однозначно детерминированными средствами его деятельности. Наконец, в постнеклассической науке субъект познания приобретает статус метанаблюдателя, который творчески осмысливает наблюдаемое – и создает на его основе целостный образ мира. Если наблюдатель в классическом смысле этого слова отчужден от того, что он наблюдает, выступает как сторонний зритель действий, которые разворачиваются кроме его воли и не затрагивают его жизненных интереса, то метанаблюдатель сочетает позицию внешнего наблюдателя с внутренней включенностью, заинтересованностью, с оценкой тех событий, которые он наблюдает. Прежде всего, метанаблюдатель – это человек, который оценивает, взвешивает все возможные риски – одним словом, наделяет смыслами то, что он наблюдает. И только потом, согласно этим смыслам, – действует» [Мелков Ю., 2015, с. 232].

В аспекте цитируемого, с одной стороны, и сверхбыстрых изменений в роли «человека реального», вызванных цифровизацией, сферой ИИ, многие обозначенные вопросы теперь нуждаются в теоретическом доосмыслении специалистами, методологами, философами, особенно социальными.

Определенные аспекты проблемы человекомерности так-

же затрагиваются в инженерно-психологических исследованиях взаимодействия человека и техники в последней четверти XX в. Имеются в виду: антропоцентрический подход, разрабатываемый А. Н. Леонтьевым, Н. Д. Заваловой и др. (60-70-е гг. XX в.); идеи проектирования деятельности человека-оператора, сформулированные Б. Ф. Ломовым (1984); концепция включения А. А. Крылова (1972); структурно-психологическая концепция анализа и многоуровневой адаптации человека и техники В. Ф. Венды; концепция социальной организации деятельности человека в сложных системах В. Я. Дубровского (1988) и Г. П. Щедровицкого (1967) и др.

Важную роль в утверждении человекомерности играет «нелинейное мышление», обоснованное в синергетике [И. С. Добронравова, 1991] и психосинергетике. Но новое постнеклассическое «нелинейное» мышление не только сближает естественные и гуманитарные науки, активизируя меж- и трансдисциплинарный диалог, вопросы гуманистических нравственных ценностей. Более того, можно утверждать, что «этот диалог все более смещается в эпистемологическое поле социально-гуманитарного знания, предметом которого являются человекомерные объекты исследования – объекты, принадлежащие миру культуры, выражающие смысловое, ценностное содержание человеческого бытия и становления. В постнеклассике выявляется взаимозависимость человекомерности и человекомерности, познавательных, производственных, технологических аспектов человеческой деятельности и культуры, в контексте которой эта деятельность осуществляется» [Ершова-Бабенко И. В., 2019, с. 61].

Таким образом, многомерность и многоаспектность участия человека в постнеклассической науке в разных ипостасях дает основание и фундамент для исследований феномена психомерности как такового. В тоже время он является одним из составляющих человекомерности, но делает акцент на других

более тонких и сложных механизмах психической, когнитивной, эмоциональной, информационной и прочих компонентов психики человека в ее внутренних и внешних проявлениях. В понятии «психомерность» выражены такие тенденции постнеклассической науки как исследование и изучение средовых, нелинейных системных, самоорганизующихся и хаотизирующихся человекомерных объектов/субъектов. Это требует новых стратегий изучения и деятельности. Психосинергетический подход предполагает, что определяющую роль в таких средах/системах играют ненасильственные малые действия, а теория бифуркаций предусматривает возможность нескольких сценариев поведения такой среды/системы. Также методология психосинергетики [Ершова-Бабенко И. В., 1993] в исследовании психомерных сред (ПС) как открытых нелинейных самоорганизующихся систем (ОНС) и возможности ее практического применения, показывает продуктивность новой концепции для исследования и моделирования сложных сред/систем, в функционировании которых присутствует (участвует) человек. Это концепция «целое в целом» / «целое-в-целом» (или «среда в среде»), каждая из которых или одна является нелинейной, а следовательно самоорганизующейся того или иного типа, хаотизированной, хаотизирующей и хаотизирующей.

Некоторые из вопросов были рассмотрены нами частично в рамках конкретных научных разработок, описанных в работах «Методология исследования макросистемы типа «водитель-автомобиль-среда» в русле постнеклассики» (2011), «Нечеловекомерные составляющие поля человекомерности» (2016), «Методология психосинергетики в постнеклассическом исследовании эргатических транспортных систем» (2010), «Макромодель «водитель-автомобиль-среда» и проблема взаимодействия систем разного класса в аспекте концептуальной модели психосинергетики «целое в целом»» (2015) и др.

Мы начали исследование проблемы человека и роботиза-

ции, ИИ, цифровизации в аспекте роли психомерности и степени сохраняемой человекомерности их соединений в конце нулевых. Первые модельные шаги были сделаны на модели «реальный человек-транспортное средство-окружающая среда».

Как показали результаты этих исследований, например, относительно системы «водитель-автомобиль-среда», то водитель как человеко-, психомерная среда/система по определению принадлежит к открытым нелинейным самоорганизующимся системам, для которых в постнеклассике показаны принципиально иные принципы и особенности поведения. В то же время автомобиль как автоматизированная система по определению принадлежит к закрытым, линейным, замкнутым системам. Окружающая среда по определению принадлежит, как и человек, к открытым нелинейным самоорганизующимся системам. В итоге получаем макромодель (O–3–O), в которой преобладает открытость и самоорганизация, саморазвитие [Ершова-Бабенко И., Гончарова О., 2015, с. 253-254].

Новизна постановки проблемы, таким образом, выступает в том, что акцентируется и методологически раскрывается определенная несовместимость в рамках макросистемы (O/водитель–3/автомобиль–O/среда) входящих в нее систем по показателям принадлежности к подклассу самоорганизующихся и критической разности в поведении сложных систем разного класса, например, автомобиля. Это позволяет рассматривать изучаемую проблему на более общем уровне: как соотносятся различные целые – «искусственное» (техника, робот, автомобиль и под.) и «естественное» (реальный живой человек).

Психомерные объекты/среды характеризуются обменом как с внешней, так и с внутренней средой, в т.ч. с внутриспсихическим, внутриличностным миром человека. Они являются одновременно и саморазвивающимися, и самоорганизующимися становящимися системами, и их исследование требует трансдисциплинарного подхода.

Автомобиль может рассматриваться как саморегулируемый, обменивающийся энергией, но, тем не менее, это объект другого класса, критически противоречащего человеку, особенно, если это автопилот. Он включен в модель [В–А–С] как и другие ее участники в рамках концептуальной модели «целое в целом»: человек/водитель – автомобиль – экологическая система плюс культурная среда, принимающая новую технологию. Человеческое действие внутри такой системы не является чем-то внешним, а включается в нее, оказывая влияние на процесс трансформации себя, каждого из участников и макросистемы в целом.

Как известно, для человекомерных сред в системах такого класса сложности на этапе фазовых переходов в точках бифуркации возникает поле возможных сценариев развития/трансформации системы. Какой из сценариев реализуется, зависит от условий взаимодействия системы со средой и/или с другими системами внутри макросреды.

С методологической точки зрения в нашем случае это не только внешняя и/или внутренняя, но и их соединение по типу «целое в целом»/ «целое-в-целом».

Система данного типа меняет среду в процессе своего развития/изменения в разных границах, масштабах, в разных стадиях соединения сред. Если действие человека создает условия, при которых обменные процессы со средой порождают странные аттракторы, которые втягивают систему в определенное русло развития, то можно считать, что мы сконструировали эти процессы своей деятельностью. Но можно эти же процессы рассматривать как естественные, ведь реализация одного из возможных сценариев развития выступает как условие и характеристика существования системы, как выражение ее природы. Тем самым, если человек своим действием направил развитие системы по определенному сценарию, то это одновременно и искусственное, и естественное. Жесткие

границы между ними стираются. Искусственное выступает как вариант естественного [Степин В. С., 2009, с. 283]. И все бы ничего, если бы в современных условиях искусственное не стало «цифросубъектом», отделившимся от естественного, реального человека и претендующим на свой «цифросоциум» и «цифроязык», не предусматривающий включенность человека как исходно естественного.

С. П. Курдюмов отмечал, что если в точке перехода навязывать системе определенного класса путь развития, давить на систему, то она вернется к старому варианту, а если найти нужное минимальное воздействие, то оно может изменить тип самоорганизации [Князева Е. Н., Курдюмов С. П., 1994, с. 124]. «Становится очевидным, что сложноорганизованным системам нельзя навязывать пути их развития. Скорее необходимо понять, как способствовать их собственным тенденциям развития, как выводить системы на эти пути... Важно понять законы совместной жизни природы и человека, их коэволюции. Проблема управляемого развития принимает, таким образом, форму проблемы самоуправяемого развития» [Князева Е. Н., Курдюмов С. П., 1992, с. 16].

Однако в связи с этим возникает важный вопрос, требующий внимательного рассмотрения и исследования. Что будет происходить в такой системе, которая, по сути, является гибридной, если роль и функции человека будут не просто уменьшаться, но и вовсе исключаться? И наоборот, роль искусственного интеллекта, роботов, технической и технологической составляющей будет увеличиваться до уровня потери необходимой и достаточной степени человекомерности? Каким образом такая система будет развиваться, и какими по сути будут последствия «нечеловекомерности»? Ответы на эти вопросы несомненно являются актуальными и востребованными сегодня, поскольку тенденция возрастания «нечеловекомерности» все более очевидна и становится более разнообразной, поскольку

относится уже к довольно широкому кругу феноменов, начиная от технических (автомобилей) и заканчивая биологическими (искусственное тело), компьютерными (внедрение информационных устройств в мозг человека и т.д.) разработкам, в которых создается некоторая «гибридная» система, состоящая из биологического и внебиологического компонентов.

В современном мире постепенно уже стали реальностью спутники без пилотов, ракеты с автоматическим управлением, автомобиль без водителя, автопилоты, беспилотники, дроны и т.д. Но на этом научный прогресс не останавливается, в новой «цифровой» реальности происходят весьма значительные сдвиги в понимании человеческого, поэтому проблема «нечеловекомерности» приобретает существенное значение. Как справедливо указывает Е. И. Ярославцева: «... создаваемый объект, инструмент или аппарат не предполагает соприкосновение с человеком, а заточен на коммуникацию «техника – техника». Человек здесь может оказаться только своеобразным вложением, которое по своим параметрам должно соответствовать техническому регламенту, элиминируя из себя все нетехническое. В этих случаях не учитывается фактор вариативности событий, что воспринимается в жестком стандарте как ошибка» [Ярославцева Е. И., 2019, с. 214-215.]. Таким образом, понятие «нечеловекомерности» раскрывает проблему границы того поля деятельности человека, которое действительно нужно сделать нечеловекомерным из-за ненужности присутствия там человека, признавая целесообразность автоматизации этого поля человеческих функций и сохраняя при этом безопасность для человека (коэффициент/критерий человекомерной безопасности) [Ершова-Бабенко И., Гончарова О., 2015, с. 244].

Очевидно, что увеличение доли навязывания человекомерной среде со стороны ее нечеловекомерного сегмента – робота, автоматического устройства, устроенного принципиально иначе, чем человек, требует разработки адекватных сцена-

риев будущего. Действительно, разработка новых стратегий коммуникации между людьми и искусственным интеллектом, техническими средствами, роботами требует философского осмысления и нового мышления, которое основывается на синергетическом миропонимании – т.е. открытости, сложности, нестабильности, самоорганизации, хаотизации как разновидности порядка и т.д. В современной ситуации «цифровизации» возникают принципиально новые вопросы: «человек в какой-то степени «технизмуется», но и природа, и создаваемая человеком искусственная среда обитания, обладающая искусственным интеллектом, «гуманизируются». Этот момент заслуживает более серьезной разработки и обсуждения, чтобы придать иные акценты экологическим проблемам и многим другим. С электронной начинкой самолета, например с автопилотом, надо уметь общаться и понимать его. Он может «ответить», и не всегда так, как бы человеку хотелось. Речь не идет о нашем отношении к роботу, нами созданному и подчиняющемуся программам, которые мы для него задали. Граница между нами стирается, она пролегает не между «мы» и «роботы», а между «трансгуманными» и «транстехнизированными» существами. Совокупность взаимодействий между ними создает общество принципиально иного рода» [Маркова Л. А., 2019, с. с. 40-41].

Таким образом, вопросы человекомерности постнеклассической науки, техники и технологий сегодня актуальны как никогда ранее, и особенно в психическом аспекте, т.е. учитывая психомерность как существенную характеристику человека и социальной реальности. Иными словами, «человекомерность» и «человекомерность» как понятия постнеклассической науки связано с актуализацией вопросов: как познавать самоорганизующиеся системы, как использовать знание о них, как управлять ими, не теряя «собственно человеческое в человеке» [Ершова-Бабенко И. В., 2019, с.61], поскольку вызовы «нечеловекомерности» довольно ощутимы в настоящий момент раз-

вития и формирования «цифровой культуры», конвергенций нано-, био-, техно- и когнитивных технологий и т.д. Действительно, современное социальное пространство обогащается сетями цифровых коммуникаций, создается творческими усилиями человека (как отдельного, так и социальных групп) по освоению и использованию IT-технологий, ИИ и Интернета. Все это показывает одновременно и расширение горизонтов свободы, и границы актуальных возможностей человека. Но эта ситуация создает и определенные риски и вызовы для человека и социума: ему необходимо не только овладеть своими собственными биосоциальными ресурсами, но и нести ответственность за использование цифрового потенциала, рисков техно-, цифросреды.

Глубинные пересечения биологического, организменного с новейшими возможностями современных цифровых технологий можно считать, с одной стороны, потенциалом расширения человека, что позволяет реализоваться ему как сложной системе микрокосма в сетевом социальном пространстве. Современные варианты цифровых коммуникаций и оборудования, еще не будучи совершенными, стали, тем не менее, важнейшим инструментом, который необходим для саморегуляции человека в его психической и социальной жизни. «Динамичность цифровых технических систем пробуждает в человеке тягу к творчеству, развитию навыков конструирования, дополнительно усиливая многообразие и степень усложнения мира. Через цифровой формат технологий и человек, и каждое новое поколение оказываются перед необходимостью вырабатывать новые формы саморегуляции Человек постоянно ищет: для достижения новых целей он создает технические решения, которые расширяют пространство и формы его существования, стремится получить результат не только для себя, но и для социума» [Ярославцева Е. И., 2019, с.210].

Но не все так однозначно позитивно и обнаруживаются

новые проблемные моменты, которые ранее не попадали в зону внимания исследователей. Оказавшись в мире «цифры» и цифровых технологий человек начинает терять привычное «сознание», с которым соотносился его интеллект, он теряет различие естественного и искусственного, природного и техногенного. «И это тоже – потенциальный риск, поскольку отсутствие в массовом сознании четкого различия представлений о естественном и искусственном интеллекте создает основу заблуждения. От машинной программы можно требовать только хорошо просчитанных на основе больших баз данных решений. Робот не может быть этичным – эту проблему должны решать на уровне цифровой архитектуры, программ. Последние достаточно быстро обнаруживают границы возможностей, особенно при нарастании сложности задачи. В социуме часто не осознают, что работа искусственного интеллекта высокочрезвычайно затратна: качественная сложность требует принципиально иного количества энергии, а также устойчивости машинного интеллекта к перегрузкам» [Ярославцева Е. И., 2019, с. 210].

Оказавшись в зоне цифровизации, мы уже не можем считать, «что находимся на пути к новому синтезу, новой концепции природы». Потому что «цифра» – это и неприродное, а не только «неживое». Потому что «новая картина мира цифры» – это, фактически, картина мира, подразумевающая в будущем только цифру, только саму себя, т. е. «отдельно от природы» и «отдельно от человека», «после природы», «после человека и социума», «после союза природы-человека» и «после диалога человека с природой», символизировавших до недавнего времени постнеклассическую картину мира. «В рамках идеологии, смысла слова «цифра», а в его контексте и слова «цифровизация» – это зона обнуления предыдущего. (Отметим, что данное утверждение не подразумевает ни «плюс», ни «минус», т. е. мы не рассматриваем вопросы в границах понятий «хоро-

шо», «плохо», мы просто пытаемся обозначить происходящее, наблюдая за ним).

Перед нами новая форма цивилизации, обнуляющая человека? Во всяком случае, она не с ним, каждый из них отдельно.

Если «да», то ее субъект – это «цифра», *цифровая информация, воплощенная в некоторый носитель (не обязательно биологический) и в определенный момент становящаяся (ставшая) самодостаточной, самостоятельно действующим субъектом. Назовем это «цифро-субъект»* [Ершова-Бабенко И., 2020, с. 53].

Процесс цифровизации или «деятельность» этого «цифро-субъекта» – это совсем не то же, что цифровизация общества и человека, реализуемая в культуре интернета, роботизации, компьютеризации, наконец, кибергизации человека, которые подразумевают ту или иную степень соединения, сочетания, совмещения и даже слияния человека и цифры. Судя по тому, что происходит, перед нами процесс возникновения самостоятельной формы существования, т. е. существования «цифро-субъекта».

Другой вопрос, а может «существования чего»? Информации, например, в цифровой форме. Считается, что информация возникает, когда ее кто-то или что-то воспринимает. Нет восприятия (фиксации) – нет информации. Чтобы возникла информация в цифровой форме, нужно, чтобы она была воспринята либо человеком, либо «цифро-субъектом», наделенным соответствующей интеллектуальной способностью. Фактически, к этому стремятся разработчики искусственного интеллекта – ИИ.

Однако, все не так просто, потому что наша человеческая трактовка интеллекта, во-первых, включает и эмоциональный интеллект, а во-вторых, исходит из человека и его способностей как носителя интеллекта. Возникает вопрос, а о каком интеллекте будет идти речь у цифры как субъекта – «субъек-

та-цифры»? Если «субъект-цифра» не имеет бионосителя, не имеет нервной системы, «духа и веры» в Гегелевском смысле, интеллекта в человеческом значении, то что мы в поведении «субъекта-цифры» наблюдаем в интеллектуальном плане – искусственный интеллект или... ?

Цифра исходно неэмоциональна (равнодушна) и к человеку, и к обществу, и к природе, т. е. в принципе. Никого не то что не пытается, а в принципе не предполагает учитывать. По мере совершенствования, цифра, не предполагает человека в поле своего внимания, выводит за границы своих процессов, хотя цифра придумана человеком, она является продуктом его интеллекта. Аналогично «отношение» цифры к обществу и природе, оно не предполагается с самого начала существования цифры. Особенности современного этапа существования цифры – фактически, сегодня цифра строит свой независимый ни от кого и ни от чего «мир цифры».

Невольно напрашивается вывод, что нет единой картины мира в привычном понимании, а есть отдельно картина мира, включающая природу и человека, и отдельно картина мира цифры. Либо картина двух отдельных миров по типу – картина мира «природа-человек» и картина мира «цифра».

В аспекте сказанного предыдущую картину мира можно условно выразить моделью (1) «*природа – человек – социум*». Возможны ее уточняющие варианты или базирующиеся на ином основании, например, «*Вселенная – природа – человек (мозг, психика, сознание) – социум – культура – техника/технология*» и др.

Сегодня новая картина мира получает следующий вид: «*природа – человек – цифра («нуль», «пустой» в переводе)*» или «*природа – человек (мозг, социум, ...) – цифра (нуль, пустой)*». Мы не можем рассматривать ее в привычной классификации С. Степина «классика – неклассика – постнеклассика», т. е. не можем считать классической, не можем считать

неклассической, не можем считать постнеклассической. Она не укладывается. Но, фактически, цифра – это крайняя форма той «нечеловекомерности», которая характеризовала до сих пор только природу, равнодушную к человеку. В случае «цифры» – это нуль человекомерности (нулевой цикл). Правда, в значительной степени и социум характеризуется равнодушием к человеку, следованием своим интересам, например, организационным, общественным, идеологическим, банковским, т. е. в аспекте его организации, структуры, ценностной направленности на прибыль.

Теперь же наступает не просто «эпоха цифры», подразумевающая следующий этап развития цивилизации, включивший в себя все предыдущие. Она не включает все предыдущие, а оставляет за границами своей «цивилизации». Новую «картину мира цифры» характеризует «не природомерность», «не социомерность» и уж тем более «не человекомерность». Все эти мерности обнуляются, с некоторого момента самодостаточности цифры остаются за ее границами, т. е. они не включены в нее. Цифра – это цифра и она сама по себе. Поэтому можно утверждать, что концепция, концептуальная модель, картина мира принципиально изменилась. Пришел «цифро-субъект»

Последняя характеристика, не- и вне- человекомерность цифровизации, «эпохи цифры» имеет принципиально новую фундаментальную специфику.

Прежде всего, это специфика отношений «человек» – «цифра». «Цифру» человек мало волнует. В цифре нет ничего человеческого, «нуль». В условиях цифровизации, как уже было сказано, человек в *определенный момент* просто выводится за границы присутствия, участия в цифровых процессах, выводится из цифровых участников (это не тоже самое, что цифровой участник). В итоге возникает *цифровая «цивилизация»* как качественно принципиально новая и параллельная в прямом и переносном смысле всему остальному и всем преды-

дущим типам цивилизаций, включавших в себя человека в той или иной форме и степени.

Одним из прикладных аспектов, результатов, на наш взгляд, является эффект «обнуления» любых психосферных страшилок из перечня предыдущих – оружия, технологий, гонки вооружений и технологий, разведки и под.

Происходящее, на наш взгляд, демонстрирует движение цифры к *невосприимчивости* ею всех аспектов, связанных с человеческой деятельностью, его творчеством и ценностями, с психической или биологической спецификой человека. И если ранее человек был просто одинок «в равнодушной бескрайности Вселенной, из которой он возник по воле случая», то в наше время человек становится вытесняемым «цифрой» или растворяющимся в ней, поглощаемым ею путем «обнуления» эмоциональной, ценностной составляющих, наконец, путем игнорирования. Идея создания субъекта действия путем соединения «мозг человека – электроды – процессор компьютера» – один из примеров и способов, ведущих к такому «обнулению». В условиях достаточно развитой цифровизации человек вдруг оказывается ненужным, лишним со своими психо- и человекомерностью, человеческим фактором, человеческими ценностями.

На наших глазах сегодня, фактически, создается пока «переходное цифровое общество», в котором «цифра» способна уже себя обслуживать, придумывая и внедряя необходимые новые компьютерные программы, оборудование и его детали, в дальнейшем будет обходиться без участия человека (что уже имеет место). «Она» может сама делать необходимые замены в себе и других подобных, поддерживать себя и других подобных в нужной форме и активности, наконец, «она» становится способной сама совершенствовать себя, создавать необходимое новое, в т. ч. программы, язык, пользуясь имеющимися навыками и программами. Наступает момент (а он

уже наступил), когда человек не знает ни язык, ни планы «цифры» – компьютера, робота, программы. Если бы «она» была занята только собой! Но она стремится все возможное взять у человека, игнорируя как сразу, так и в дальнейшем его самость, человекомерность. В дальнейшем в лучшем случае человек и «цифра» разъедутся по разным планетам, т. е. каждый получит выделенное пространство.

Безобидное, казалось бы, стремление человека к комфорту и экономии за счет выполнения «цифрой» его действий, например, автопилот в управлении транспортом, очень быстро привело к моральной, а не просто социально-экономической проблеме занятости, ненужности человека. Очевидны позиции цифры «человек не нужен», «я-цифра сама и самодостаточна».

Уже достаточно очевидно, что цифровизация приводит к возникновению «общества» роботов «рядом», а не «вместе» с человеческим обществом. При этом у человека растет раздражение от «нечеловекомерности» голоса диктора, что слышно невооруженным слухом, в чем проявляется его (человека) эмоциональность. Да никто и не скрывает, что голос электронно производимый. Растет и ощущение безнадежности из-за других появившихся и появляющихся проявлений этой растущей цифровизации как нечеловекомерности неэмоциональности социума. Режим диалога уходит, расширяется спектр режима сообщений, когда нам электронный голос или автор сообщает что-то, предлагает нам выбрать вариант действия. Но в этом режиме нет человеческой диалоговости, а уж тем более чувственности, эмпатии, как нет и человеческих недостатков. А ведь именно нарушение симметрии, идеальности, как известно, приводит к появлению шефевров в творчестве. Мы начинаем испытывать дефицит обмена эмоциями, ощущениями, того, что присуще живому вообще и живому человеку, в частности.

Вопрос не в том, что это – «электронность» говорящего/автора, определяемо. В конце концов, человечество пережило

аналогичный период и процесс в записывании музыки, своего голоса на разные техно- и электронные носители – «металлический» призывок.

Вопрос в другом. Происходящее очень напоминает явление «с нелинейностями типа гистерезиса», описываемого, в частности, в работе Г. Хакена «Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности» (2001). На наш взгляд в недалекой перспективе это может привести к исчезновению (затуханию) человека новым путем, т. е. не привычным путем войн, гонки вооружений, борьбы разведок и под. Да, будут этапы, вроде соединения мозга с электродами, т. е. поглощения или синтеза. Но в конечном итоге все-таки может возникнуть исчезновение, поскольку человеческого, человекомерного в таком синтезированном субъекте становится все меньше. Человек, фактически, обучается сегодня не быть человеком, не проявлять свою человекомерность – эмоции, интеллект, ошибки, учиться не ждать ответной эмоциональной реакции от электронного собеседника, не ждать ощущения жизни в другом, в электронном собеседнике. А когда появляется живой собеседник, то человек уже не переключается. Это стало видно на детях, которые и с нами общаются по инерции как с экраным действующим лицом, им теперь не надо «сознательно общаться с другими, учитывая их». Приходит восприятие реальности как игры в компьютере.

Конечно, есть параллельная линия создания человеком искусственного интеллекта (ИИ) как себе подобного симулятора, имитирующего лицо, интонации, мимику, реакции. Авторы подобного направления делают это на основании упрощенной модели – конструкции мозга, состоящей из узлов, а не из нейронных сетей, как в реальной нейросистеме человека.

Если человекомерность (в понимании, предложенном В. С. Степиным) выражает включенность человека в познаваемые и преобразуемые им природные и технические объекты

(которые изначально не включают в себя человека), то человекомерность – понятие скорее мировоззренческое. Оно выражает специфику «структурирования» мира взаимодействующим с ним человеком, наполнение этого мира смыслами человеческого бытия и становления (буквально «очеловечивание»). Человекомерность выходит за рамки сугубо познавательного отношения (хотя и включает его), поскольку выражает и отражает специфику «встраивания» человека в мир всем способом его бытия и становления. Нужно подчеркнуть в этом случае особую роль вопроса о том, «какого человека». Поскольку это может быть уже и «человек второй природы», подобный или являющийся по сути «гибридной органико-неорганико-антропоморфной» другое, чтобы быть адекватными рассматриваемой системой, похожей на живое.

Мир, в котором есть живой человек, имеет «человекомерный» характер: с одной стороны, в нём выполняются условия существования живого человека, с другой – живой человек в его специфике (понимание которой также меняется со временем) является условием существования такого мира. Эту «человекомерность» мира можно проследить сквозь всю историю развития мышления и смены его форм. Однако сегодня мир приобрел (и это произошло невероятно быстро, а, главное, незаметно и, как оказалось, теперь стало неуправляемым) человекомерность «второй природы», которая сильно отличается от исходного (предыдущего) термина поскольку в новом варианте исчез/исчезает компонент ценности человеческого в человеке, ценности его духа, психомерности.

Таким образом, сегодня мы понимаем, что до основания разрушен не только «древний союз человека и природы», но и союз человека с самим собой в аспекте культуры человекомерности, «человеческого в человеке», его «хорошей» социальности в семье, в доме с соседями, с его тактильностью, ошибками, предательством, миром личностных ценностей,

миром нерациональности, человеческого фактора, счастьем и под. Общение в режиме «не ждать человеческой реакции», «не ждать живого» приучает и не демонстрировать эмоциональные реакции, не реагировать. А тогда что будет происходить с человеческой физиологией, нейрофизиологией, не говоря уже об интеллекте?

В итоге на смену природе и человеку приходит нечто третье, выраженное пока понятиями *цифровизации* и виртуализации, правда все больше роботов, чем людей. Пока еще роботов, но стремящихся стать «ЦС». *Мы – свидетели и создатели новой картины, модели мира – «природа-человек-цифра»* («природа-человек/мозг/общество-цифро-субъект»), в которой очень скоро может остаться отдельно и только «ЦИФРА/ЦИФРО-СУБЪЕКТ», потому что цифре в статусе «ЦС» не нужны ни природа, ни человек. Это не значит, что «ЦС» будет агрессивным. Может быть это выльется в «вилку» – отдельно «природа – человек» («природа-человек/мозг/психика/общество/...») и отдельно «цифра», «ЦС» как два параллельных мира. Тогда нам нужно предполагать и строить две картины мира.

Успела ли постнеклассическая наука и философия создать модель развития подобного процесса познания? На наш взгляд, предпосылками к ее созданию можно считать следующие семь направлений в научных исследованиях последних десятилетий.

Теория диссипативных структур, созданная в середине XX в. И. Пригожиным (1), с одной стороны.

«Режим с обострением», представленный в работах А. Самарского и С. Курдюмова второй половины XX в. (2), с другой.

Теория С. Э. Шноля об условности случайности фактора, который мы принимаем за случайность, т. к., в действительности, как показано исследованиях, которые он проводил на протяжении 60-ти лет, срабатывает фактор большего масштаба, который мы еще не познали (3), с третьей.

Также это результаты эпигенетических исследований к. XX – нач. XXI вв., которые показали, что клонирование как идея копирования наличного организма, в принципе невозможно, т. к. всегда есть отличия, и бессмертие таким путем, т. е. через создание копии, невозможно. Это касается биологических объектов (4).

Наконец, с пятой, это исследование морфогенеза Б. Белинцевым, экспериментально показавшим, что существует временной диапазон в развитии эмбриона, когда замена расположения его фрагментов, например, фрагмент головы на место фрагмента хвоста и наоборот, не повлияет на нормальное развитие, т. е. и голова, и хвост все равно окажутся сформированными на своем изначально предполагаемом месте. Но достаточно «опоздать» и результат будет плачевным (5) [Белинцев Б., 1989].

С шестой стороны, это вектор, ускорение (скорость) и форма процесса развития информации (культура, наука, идеи), обнаруженный нами в модельном исследовании процесса продвижения идеи на примере понятия «материя» на глубину в 2,5 тыс. лет. В начале этого процесса шаг большой, а *амплитуда* небольшая. Постепенно шаг уменьшается, а *амплитуда* растет. Вектор направлен в сторону временной точки, обозначаемой 2000 г., от временной точки, обозначающей VI век до нашей эры. Мы видим расширение и ускорение с коэффициентом 1:10.000 за анализируемый период (6).

Мы соединили этот результат с вектором и ускорением в развитии Вселенной, формой этого процесса и расширением Вселенной, обнаруженными в 1988 тремя исследователя, которые в 2011 году получили за свое открытие Нобелевскую премию по физике. Это американцы Сол Перлмуттер (Perlmutter S.) и Адам Рис (Ries A.), австралиец Брайан Шмидт (Schmidt B.) (2011). Сравнение показало, что наша и их модель близки к подобию по форме («колокол») и вектору.

Полученные нами модельные результаты мы также наложили на понедельный процесс формирования эмбриона, закладки всех систем организма, изложенный в современных учебниках по акушерству и гинекологии, по физиологии, а также на процесс развития организма человека после рождения. Это показало, что у биологической формы модель ее развития демонстрирует замедление, т. е. вектор ускорения направлен в обратную сторону относительно первых двух.

Седьмой предпосылкой создания модели развития процесса познания «руками» постнеклассической науки, философии и методологии науки, которая привела бы к новой картине мира (или картинам), можно рассматривать квантовую теорию, в т. ч. в аспекте ее связи с теорией самоорганизации на уровне живого (7).

В настоящее время формируется тенденция трансформации как в структуре самой единой картины мира: «природа – человек» (со всеми вариациями, подразумевающими уточнение составляющей «человек» – «человек/мозг/социум»). Она трансформируется в картину мира «природа – человек – цифровизация» (где цифра соединена с человеком – экзоскелет, электронный глаз и под.). Однако все ярче прослеживается и тенденция к формированию двух отдельных (параллельных) картин мира: «природа – человек/цифровизация» и «цифра».

Это свидетельствует о том, что мы переживаем именно «совершенно новый процесс». Его качественная новизна может быть выражена в том, что «цифро-субъекты» больше не будут существовать как «отдельные субъекты», а начнут «когерентно осциллировать». В результате само «цифро-субъектное» поле *не будет состоять более из отдельных некоррелированных «цугов волн», а превратится «в одну практически бесконечно длинную синусоиду». Это позволит ей выделиться в самостоятельную форму неприродного и нечеловекомерного вида – «цивилизацию цифро-субъекта».*

Следовательно, «цифровая техногенная сетевая среда вбирает в себя практически все, требуя от участников новый формат существования, который обеспечивает сопряжение и развитие. Такое перерождение многим кажется проявлением свободы, поскольку обеспечивает бесконечный трафик – непрерывное передвижение в пространстве сети в неизвестном направлении. Человек также сталкивается с этой необходимостью соответствовать нормам машинопользования. Старшее поколение ощущает это особенно остро, но постепенно адаптируется, приобретает необходимые компетенции и становится уверенным пользователем. А молодое поколение осваивает техносреду с рождения, воспринимая ее как вечно существовавшую. Уже сейчас цифровые коммуникации онлайн и офлайн воспринимаются не как что-то особенное, а как обычная часть жизни. Через пару десятилетий сложности забудутся и в полной мере актуализируется вопрос: кто в доме хозяин?» [Ярославцева Е. И., 2019, с. 219].

Таким образом, уже сейчас стоит говорить о возникновении глубинной психической и социальной проблемы, о сопряжении и взаимосуществовании биологической коммуникативной естественной сферой жизни человека и программно-цифровых техногенных сред. Поскольку уже начинается активное расширение виртуального коммуникативного пространства не только в деловой и производственной сфере, но и в построении «умных» городов, «умного» жилья, где человек живет автономно, не соприкасаясь с природой и людьми. Сам человек стал носителем разных гаджетов, которые выполняют за него различные функции – памяти, ориентации в пространстве. Компьютеры, технические устройства становятся не просто доступным, но фактически естественным для каждого человека атрибутом и может породить неизвестные риски, которые связаны не с отказом техники, а с отказом человека существовать без множества цифровых приложений. Риски продуци-

руются индивидуальностью человека, эмоциональным состоянием, которое трудно прогнозировать. Если биосистема как самый сложный природный организм саморегулируется и не имеет отходов, то создаваемые технологии оплачиваются очень большими социальными вложениями. Не учитывать эту обратную сторону любых технологий невозможно.

Это подтверждает необходимость рассмотрения гиперсистемы и концепта «brain-psyche-mind/consciousness» для исследования психомерности и саморегуляции психики человека. Поскольку этот концепт демонстрирует исходную природную разновидность специфической «гибридной» гиперсистемы, функционирующую как целое/целостность. Ее специфичность выражена:

1) сочетанием живого и неживого: живой мозг (живое, нейробиологическое) и психическое, психомерное: сознание, ум, разум, когнитивное, память, личное («неживое», информационное, продукт живого). В терминах классической философии это звучало бы как «материальное» и «идеальное»;

2) в процессе жизни человека происходит новой трансформация концепта в направлении расширения «идеальной» составляющей в виде формирующихся (создаваемых) форм социума, культуры, знания, искусства, науки (концепт-2);

3) дальнейшая трансформация концепта в сформировавшихся при участии концепта-2 условиях приводит к созданию технических, электронных технических систем, ЭВМ, разного типа «имплантов»(концепт-3);

4) наконец, появляется вариант концепта с трансформацией биоматериальной составляющей разными путями, в т. ч. с ЭВМ – «гибридные органика-неорганика антропоморфные похожие на живое технические системы» (разновидность) (концепт-4);

5) ... (процесс продолжается)» [Ершова-Бабенко И., 2019, с. 59].

Методологическим инструментом, с помощью которого, например, можно рассмотреть вопрос исследования единства гиперцелого и отношений внутри него между целыми/целостностями, которое представлено концептом «brain-psyche-mind/consciousness», мы хотим рассмотреть концептуальную модель (философскую категорию, принцип) «целое-в-целом» и ее варианты, основанные на идее отношений между целыми. Под вариантами имеется в виду, что целое внутри гиперцелого может быть рассмотрено с позиций его целостности, самоорганизации, нелинейности, средовости, сложности, открытости, как синергетического объекта исследования, системы/среды синергетического порядка в разном масштабе [Ершова-Бабенко И. В., 2005; 2015]. Вторым методологическим инструментом выступает синергетика и психосинергетика [Накен Н., 1983; Ершова-Бабенко И., 1992].

Таким образом, в свете сказанного и в отношении рассматриваемого концепта «brain-psyche-mind/consciousness», выражающего некую неоднотенно различных диссипативных структур, совместимых с заданным набором граничных условий, состоящую из неоднородных сред разного происхождения, особое значение приобретает понятие и явление неоднородной среды, ее Рассматриваемая гиперсреда/система, выражаемая названным концептом, неоднородна в целом. Это неоднородность по признаку происхождения включенных в нее «игроков» – мозга и психики. При этом и каждый из этих «игроков» также характеризуется неоднородностью внутри себя как целое/целостность, включенная в гиперсреду/систему.

Вывод, который мы можем сделать сегодня, состоит в том, чтобы при исследовании и разработке методологии исследования следует пользоваться инструментами, адекватными объекту. В нашем случае, рассматривать психическую деятельность и сознание человека в целостности с функционированием мозга, отдавая себе отчет, что перед нами то, что действует как

целое/целостность и в котором действуют целые/целостности. Их разделение в исследовательских целях ведет нас к потере исходной целостности объекта исследования и потере адекватности ему наших знаний о нем и, соответственно, действий, поведений. Но еще более существенным, как оказалось, является вопрос отношений между «игроками» – целостностями в макро- и гиперцелом, выраженном концептом и гипертеорией «brain-psyche-mind/consciousness», вопрос конфигурации этих отношений и характер ее динамики в процессе жизни.

1.3. Хаотизация психики в гиперсистеме «brain-psyche-mind/consciousness»

Интерес к проблеме хаоса появился под влиянием работы И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой», вышедшей на Западе в 1979 г. и переведенной на русский язык впервые в 1986 году и в последующих изданиях. В этой книге, имеющей серьезные философские идеи (синергетика), но обоснованные в основном на материале физики и химии. Поэтому хаос рассматривался как следствие динамической неустойчивости сложных самоорганизующихся систем. Понятие сложности явилось центральным в теории хаоса. Кроме того, была выдвинута заново идея о том, что хаос обладает не только разрушительной силой, но может стать источником порядка.

Постепенно исследования хаоса в разных областях научного знания привели к формированию теории хаоса, использующую математический аппарат для описания поведения некоторых нелинейных динамических систем, подверженных при определенных условиях явлению, известному в науке как хаос [Кузнецов А. П., 2000; Мандельброт Б., 2002]. В современных научных исследованиях теория хаоса прилагается чаще всего

к нелинейным динамическим системам, то есть к системам с очень большим количеством подвижных компонентов. Внутри этих систем существует непериодический порядок. Однако структура и стабильность находятся внутри любой внешне обозреваемой беспорядочности. Беспорядочная совокупность данных может поддаваться упорядочиванию в разовые модели. Теория хаоса специально акцентирует внимание на том, что небольшие изменения каких-либо условий на входе способны привести к дивергентным диспропорциям на выходе.

«Современная теория хаоса исходит из представлений о том, что:

– хаос является самоорганизующейся нелинейной динамической системой, в которой действуют определенные закономерности (самоорганизация, эволюция, системная дифференциация и др.), ведущие данную систему от состояния хаоса в состояние некоторой упорядоченности (структурного порядка);

– поведение нелинейной динамической системы является случайным даже в том случае, если модель, описывающая систему, носит строго детерминированный характер;

– сложные динамические системы чрезвычайно зависимы от первоначальных условий и небольшие изменения «на входе» ведут к непредсказуемым последствиям «на выходе»;

– динамическая система работает в сторону главного изменения как результат небольших, в начале часто игнорируемых событий;

– хаотические системы, несмотря на внешнюю неупорядоченность, на самом деле все же подчиняются некоторому строгому закону и, следовательно, являются достаточно упорядоченными» [Коротун С., Каропа Г., 2013].

Будучи частью синергетической парадигмы теория хаоса осмысливает окружающую действительность в таких понятиях и терминах, как «динамический хаос», «нелинейные

динамические системы», «саморазвитие», «эффект бабочки», «бифуркация», «топологическое смешивание», «странные аттракторы», «фракталы», «логистическое отображение» и др. Но важным этапом ее становления и развития стало ее распространение на область социальных наук, психологии, философии образования, педагогики и т.д. Существуют различия между классической парадигмой в естествознании и социально-гуманитарных науках как линейной и теорией хаоса как нелинейной. Классическая парадигма в социологии, психологии, педагогике и т.д. предполагает поиск основных причин изменения и развития системы в факторах, которые лежат не внутри данной системы, а в тех факторах, которые находятся за ее пределами, то есть во внешних факторах окружающей среды. В противоположность этому, нелинейная парадигма хаоса видит главную причину развития систем не во внешних факторах среды, а во внутренних факторах и механизмах, не отрицая при этом роли окружающей среды, постоянно бросающей системе свои вызовы. Таким образом, теория хаоса не противоречит классическим линейным парадигмам, но она идет гораздо дальше последних.

Одним из первых ученых, кто стал последовательно вводить представления теории сложных самоорганизующихся систем и теории автопоэзиса в социальную философию, был Никлас Луман [Луман Н., 2004]. Он говорил об операциональной замкнутости социальных систем и об их структурном сопряжении, об их самореферентности (циклической организации) и контакте с внешним миром (инореференции), об их трансформации через интерактивность, коммуникацию и коммуникацию через коммуникацию. Речь идет об утверждении идеи конструктивизма: человек конструирует общество в сотрудничестве и в коэволюции со становящимся социальным целым, открывая внутренние тенденции развития сложных социальных систем. «В таком случае имеет место синер-

гия управляющего субъекта и среды, организации, в которой он действует, их конструктивная обоюдная связь и взаимное становление в деятельности. Синергия – в буквальном смысле этого слова согласованное действие энергий управляющего и его подчиненных, со-энергичность – возможна исключительно в сфере их личностного бытия-общения» [Князева Е. Н., 2006, с. 138].

В этом смысле в социальном знании стало широко употребляться понятие «управляемого хаоса». «Упование на хаос социальных процессов как источник креативного разнообразия не учитывает, что из хаоса в обществе не всегда рождается порядок, что порядок может родиться без нас, после нас, совсем не такой, какой мы хотим. Отсюда появляется идея управляемого хаоса, который сочетает неустойчивость и избирательную разрушительность с творением новых желательных процессов» [Федотова В. Управляемый хаос]. Таким образом, в социальной философии следует учитывать два возможных сценария хаотизации социальной реальности:

1) сценарии, которые касаются преодоления локального хаоса и недопущения хаоса в масштабах локального общества или всего человечества и, в этом смысле, управления в условиях хаоса;

2) сценарии, улавливающие возможную тенденцию слома привычной линии процесса в точке бифуркации и переход на новый аттрактор, т.е. процесс с иными законами развития.

Также и в психологии исследования хаоса получили в настоящее время большое распространение, поскольку неопределенность стала доминирующей характеристикой современного мира, что рассматривается как вызов личности. «Неопределенность, предельным выражением которой является хаос – это свойство жизни, по отношению к которому большинство людей испытывают широкий спектр отрицательных эмоций от дискомфорта до паники и стараются ее в своей жизни миними-

зировать [Леонтьев Д. А., 2015]. Это нормально, это правильно, потому что любая деятельность связана с ограничением неопределенности; любая цель, любой выбор — это превращение неопределенности в частичную определенность, превращение. Однако жизнь сама постоянно порождает неопределенность (энтропию). Мир порождает энтропию, а живые системы, в особенности самодетерминируемые субъекты, преобразуют энтропию во что-то более упорядоченное, способны вырабатывать из этой неопределенности частичную определенность, порядок из хаоса, понимая при этом, что неопределенности все равно будет оставаться много» [Леонтьев Д. А., 2018, с. 37].

Но в психосинергетике на основании концепта и гипертеории «brain-psyche-mind/consiousness» актуальным является исследование не просто выборов и поведения человека в условиях неопределенности и хаотизации окружающей среды, но исследования «динамического хаоса» как состояний, характерных для деятельности мозга, т.е. психодинамического хаоса и психодинамической турбулентности. «Наш подход к исследованию психики человека ориентирован, в первую очередь, на понятия процесса и совокупности динамических состояний, а не жесткой системы. Это позволяет само понятие системы психики воспринимать как совокупность развивающихся во времени и взаимодействующих процессов и состояний, **хаоса** и порядка как предельных состояний – min и max, приводящую к возникновению нового динамического состояния/порядка. Первостепенное значение при данном подходе приобретают такие свойства системы психики человека как нелинейность системы и когерентность поведения ее элементов или подсистем, лежащие в основе других свойств психической системы; вероятностный, не жесткий характер связей между этими свойствами, сопряжение между связями, образование ими сложной с многократными контактами сети. В этом наш подход согласуется с позициями синергетического подхода к исследованию

развивающихся объектов, а также подхода И. Пригожина и его школы» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 200].

Кроме того, «мы предполагаем, что возможно допустить существование явления психомерного динамического хаоса, т. е. психомерной среды в разных ее масштабах (психодинамического хаоса) и, соответственно, психомерной турбулентности (психодинамической турбулентности) при больших скоростях информационного, смыслового и эмоционального характера, присутствующего на информационном, интеллектуальном и психо-эмоциональном уровнях» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 197]. В этом случае задействованы когнитивная, ценностная и информационно-эмоциональная сферы (среды) личности и к ним в методологическом аспекте применима концепция динамического хаоса, представление о сильно хаотичном движении в фазовом пространстве гиперсистемы психики, в частности, в прижизненной фазе психомерной среды.

Если обратиться к истории науки, то можно заметить, что триумфальное шествие «динамического хаоса» (теории и понятия) началось в середине 70-х гг. Спустя 20 лет мы смогли воспользоваться ими при исследовании психики человека, психомерных сред, их сложного поведения и стратегий. А спустя 30 лет (2002-2015) – при исследовании нарушений поведения системы головного мозга, организма, системы психической реальности, сознания, личности и ее сфер в посттравматических состояниях, в условиях высокоскоростных травм разного генеза с диффузным характером повреждения, в т. ч. с диффузно-аксональным повреждением головного мозга. Это позволило на описываемой здесь методологической и концептуальной основе разработать специальные реабилитационные методики – диагностические, коррекционные, развивающие и применить их на практике [Ершова-Бабенко И. В. 2002; 2008; Ершова-Бабенко И. В., Горищак С. П., 2012].

Предшествующие исследования, таким образом, позволя-

ют нам в этих терминах постнеклассики рассматривать сложное поведение системы психики (сложного целого и /целостности) и психомерных сред *с позиции единства по признаку динамического хаоса в данном случае нескольких систем/сред-участниц:*

- организма (сложного целого);
- мозга (головной и спинного) (сложного целого и/или целостности);
- психики (в прижизненной фазе как системы психической реальности, существующей вместе с организмом живущего человека) (сложного целого и /или целостности) и
- психомерных сред;
- сознания (сложного целого и/или целостности) и
- личности (сложного целого и/или целостности).

Такой подход осуществляется на основании их принадлежности к открытым нелинейным самоорганизующимся, а также хаотическим динамическим и диссипативным системам.

Однако возникает вопрос: каковы же основные черты и закономерности хаотических режимов, выделяемые постнеклассикой?

Во-первых, известно, что очень часто на асимптотической стадии траектория притягивается к притягивающему множеству, обладающему фрактальной структурой, или к фракталу. В наших примерах такую роль выполняют всплески сигналов (в т. ч. эмоций в других примерах), усиленные и стабилизированные сверхслабым воздействием, например, тактильным. (В других случаях, неклинического характера, это может быть переключение внимания или его гиперконцентрация через рассеяние).

Также известно, что отличительной чертой, присущей многим (но не всем!) фракталам, является то, что увеличенная часть такого множества оказывается подобна всему множеству. В этих терминах может быть рассмотрен и получаемый нами

результат. В частности, в поведении ассоциативных полей в нейронной структуре головного мозга мы наблюдаем явно «фигуры»-фракталоподобные процессы, «фигуры»-странные аттракторы на уровне проекции, отображающей макрокомпозиционно организованное сверхслабое тактильное воздействие. Эти проекции, имеющие геометрический макрорисунок («фигуру») с определенной композиционной направленностью, например, «три наложенных друг на друга треугольника», образованных точками надавливания, начинают выполнять роль странного аттрактора в активизированных нейронных ансамблях головного мозга.

Еще одним важным для нас признаком аттрактора является то, что почти любые близкие траектории расходятся, не покидая при этом аттрактора, хотя движение при этом обычно оказывается локально неустойчивым. Движение оказывается неустойчивым по Ляпунову, в отличие от циклов и торов, где оно устойчиво (напомним, что решение $x(t)$ называется устойчивым по Ляпунову). И те аттракторы, динамика которых характеризуется положительным ляпуновским показателем, называют хаотическими.

В нашем случае это образовавшиеся макрокомпозиционно организованные проекции, которые не покидают аттрактор, несмотря на случайные помехи. Следовательно, это локально устойчивые проекции.

В-четвертых, в рассматриваемых работах утверждается, что если в качестве начальных данных взять не точку, а некоторый, пусть очень малый, объем в фазовом пространстве, то с течением времени система начнет этот маленький объем, «каплю», размазывать по всему аттрактору, и возникает эффект перемешивания.

Для получения реабилитационного результата понимание подобного явления крайне важно, т. к. действия реабилитолога совершаются в условиях высокой степени неизвестности о ха-

рактере реагирования сверхсложной системы головного мозга, психики, сознания, организма, т. е. в условиях высокоскоростной травмы и посттравматического состояния после нее.

Если мы понимаем поведение травмирующих и посттравматических процессов (состояний) не в линейных представлениях (которые на наш взгляд неадекватны процессу), а в вышеописанных представлениях перемешивания, то оказывается, что такое понимание более адекватно.

В этом случае следующим шагом становится организация действий реабилитолога в соответствии с эффектом перемешивания, чтобы достичь большей адекватности.

А если в этой роли «капли» оказывается всплеск сигнала на кожной поверхности? Ведь он имеет объем в тканях тела как в точке выхода сигнала и по пути следования от головного мозга к этой точке, так и на обратном пути. Однако теперь сигнал композиционно организован реабилитологом, как его проекция в головном мозге.

Таким образом, и для посттравматических состояний особенно важно понимать, что, если в начальный момент времени мы лишь с некоторой вероятностью знали состояние системы, т. е. недостаточно точно, то со временем эта неточность (с точки зрения привычной логики) начнет нарастать.

Спустя некоторое время, зависящее от скорости перемешивания (заметим, что скорость перемешивания обычно не связана каким-либо простым образом с величинами ляпуновских показателей), окажется, что о состоянии системы можно сказать лишь, что оно «где-то на аттракторе». (Не случайно принято ждать несколько дней).

На больших временах характеризовать систему можно, только указав вероятность появления траектории в окрестности некоторой точки. Исходя из этого, мы можем считать, что разноплановое макрокомпозиционно организованное сверхслабое тактильное воздействие в зонах выхода сигнала на

коже, приводящее к возникновению проекции аналогичной фигуры в нейронной структуре головного мозга, обладает важными качествами. Они позволяют нам не зависеть от ошибки «на входе», которую обычно связывают с отсутствием достаточно точной диагностики в момент травмы или отсроченно.

Более того, подобный макрокомпозиционный подход в реабилитации позволяет и спустя несколько недель в условиях состояния комы-2 или вегетативного состояния с помощью минимальных усилий «включить» программу активизации головного мозга и двигательной системы, «запустить» программу функционирования жизненно важных систем организма, вывести в сознание и речь.

Данный вывод подтвержден клиническими случаями и результатами совместных реабилитационных действий медиков и психолога-реабилитолога [Ершова-Бабенко И., 2008; 2012].

Наука второй половины XX в. пришла к вероятностному описанию динамического хаоса, к понятиям *инвариантной меры* и *энтропии* – степени хаотичности системы. В этом аспекте, при высокоскоростной травме по типу ДАПГМ с диффузным характером повреждения других систем следует учитывать наличие столь высокой степени хаотичности (в данном случае за счет диффузности на разных уровнях и в разных масштабах), что она превышает действующие стабилизирующие возможности головного мозга. По С. Курдюмову, это эффект, когда рассеяние превышает стабилизацию.

Другими словами, мы считаем, что у системы головного мозга в результате данного типа травмы не хватает заданного масштаба поля внимания и масштаба имеющейся у него восстановительной программы, чтобы организовать согласованное действие всех поврежденных и сохранившихся участников. Таким образом, мы переводим методологически акцент в плоскость масштаба и адекватности реабилитационной программы.

В отличие от этого, при локальных повреждениях степень хаотичности подвластна головному мозгу, в т. ч. и чтобы согласовать ее со своей глобальной неустойчивостью, обеспечивающей жизнь. Несоответствие программы в этом случае компенсируется фрагментарностью повреждения, т. е. вся остальная система реагирует на имеющуюся дотравматическую программу функционирования.

Еще один подход к анализу хаотических динамических систем, изложенный в работах И. Пригожина, состоит в детальном исследовании структуры траекторий, приводящей к хаотическому поведению. Как считает сам автор, «это, вероятно, один из наиболее глубоких и сложных подходов к проблеме». Изложение многих вопросов и обширный список литературы можно найти, например, в работе «Поведение сложного. Введение» [Пригожин И., Николис Г., 1990].

В рассматриваемых нами случаях высокоскоростных травм разного генеза с диффузным характером повреждения: головного мозга (ДАПГМ), личностных (информационно-эмоциональной, ценностной, когнитивной сфер), психоэмоциональных, мы обращаем внимание на:

- структуру траекторий процесса травмы в ее пространстве и времени, когда выстраивается векторная временная макромодель события. Средой, в которой происходит событие (травма), может быть (1): «окружающая среда – автомобиль/самолет/ вертолет/другой движущийся объект – голова/тело – внутриспихическое представление» («картинка»).

Также мы обращаем внимание на:

- структуру проекции траекторий события на внутрочерепном уровне в ее пространстве и времени там, когда выстраивается проекционная векторная временная внутрочерепная модель события (2): «черепная коробка – мозговое вещество».

Кроме того, выстраивается еще одна временная гипермодель (3) или сетка событий, существующая у каждого человека

в течение жизни, т. е. независимо от травмы: это «точки провисания во времени жизни субъекта», обусловленные датами рождения субъекта и членов семьи (А), а также датой самой травмы и предшествующих (Б). Они накладываются на график циклов и это позволяет определить, какой именно из уровней модели является/становится управляющим параметром порядка в конкретной ситуации, в частности, в событии травмы.

Например, если ДТП происходит на расстоянии трех месяцев от дня рождения, то шансы выжить увеличиваются, но возрастает сложность реабилитационного периода.

Наконец, мы выделяем:

- структуру проекции события в реагировании (картине реагирования) нейронов (4) и
- структуру проекции события в реагировании тела/организма (5).

В дальнейшем мы обратили внимание, что включаются (влияют) такие факторы как:

- фактор памяти, который выражается в том, имеются ли в жизненном опыте данного человека травмирующие события данного типа или ассоциирующиеся с ним; в этом случае механизмом, активизирующим или ослабляющим эффект подобия и, соответственно, усиления или эффект рассеяния, мы считаем композицию старого события, выполняющую роль «реперной точки»;
- фактор программы действий головного, которая имеется в памяти; она включает программу условного здоровья, с которой человек жил, и программу болезни, которая формируется в ходе травмирующего события, или которая уже существовала в памяти из прошлого опыта.

Основная проблема реабилитационного характера, на которую мы обратили внимание в процессе работы, включает, во-первых, проблему скорости, а точнее, соответствия скорости течения травмирующего события и скорости создания моз-

гом новой программы, удерживающий организм в состоянии жизни.

Таким образом, в новых информационных условиях, характеризующих XXI в., возрастает потребность личности в формировании и развитии специфических психических, ментальных (ИМДЭ) способностей, умений и стратегий, которые связаны с возможностью скачкообразного изменения (увеличения или уменьшения) скорости мыслительных (информационно-смысловых и ментально-эмоциональных) процессов путем перехода к определённым качеству организации смыслового уровня этих процессов, владения, создания и распознавания личностью не только внешнего знания, но и своего собственного внутриличностного знания, в том числе и себя самой. Имеется в виду такая организация, которая обеспечивает увеличение смысловой плотности (информационной ёмкости) единицы информации в единицу времени, которой оперирует человек. Наконец, что принципиально ново для психологии и педагогики, социологии и политологии – уметь выполнять все перечисленное в принципиально новых условиях динамического хаоса, проявляющегося на всех уровнях, уметь обеспечивать динамическую устойчивость.

В рамках психосинергетики к крайне неравновесному состоянию психической среды движут в первую очередь внутриспсихические (внутриличностные) информационные, ценностные, духовные события/факторы и события/флуктуации или другие информационно-оценочные малые возмущения/влияния/воздействия, (ими могут быть и факторы нейрологического, космологического уровней). В результате психика и/или психомерная среда может покинуть и/или покидает неустойчивое состояние.

С другой стороны, наблюдается «попадание», погружение в тоже самое состояние, которое описывается человеком, подверженным влиянию страха, например. Для подобных слу-

чаев мы ввели термин и специальный вид памяти «память состояний». Кроме того, для психомерной среды характерно резонирование и на незначительные по величине флуктуации, но это в действительности выбор психомерной средой той флуктуации, которая соответствует в данный момент актуализированному средой ее внутреннему параметру. Поэтому более точным оказывается выражение «психомерная среда выбирает флуктуацию», с которой и вступает в резонанс. В работе Г. Хакена «Принципы работы головного мозга» (2001) подчеркивается, что мозг работает именно в точке потери устойчивости. Вероятно, выходом из этого противоречия является различие и сходство условий, которые рассматриваются в психосинергетике и в работах этого автора.

Таким образом, в данной главе с позиций постнеклассического знания рассмотрена и обоснована идея новой гипертеории «brain – psyche – mind/consciousness» как общее постнеклассическое решение проблемы исследования мозга, психики и сознания человека, включающая методологию исследования психомерности и хаотизации. Показаны концептуальные (концептуальная модель «целое-в-целом/целое в целом» и ее варианты: целостность, среда, система, сложность, неравновесность), теоретические (синергетика, психосинергетика), методологические (методология исследования психики, сознания, психомерной среды и головного мозга как синергетических объектов) основания и практическое применение идеи гипертеории «brain – psyche – mind/consciousness».

Список литературы к главе I:

1. Ершова-Бабенко И. В. 2011. Психосинергетика и ее место в постнеклассике // Интегративна антропология. №2(18), с. 16-27.
2. Ершова-Бабенко И. В. 2008. Методологические проблемы разработки теории психики в русле постнеклассических практик // Постнеклассические практики : определение : материалы Междунар. междисциплинар. семинара. М. : МАКС Пресс, с. 226–236.
3. Ершова-Бабенко И. В. 2015. Психосинергетика. Монография. – Херсон: изд-во Гринь Д. С., 488 с.
4. Ершова-Бабенко И. В. 2009. Психомерные среды в контексте психосинергетики и их роль в постнеклассическом понимании социума – нелинейное целое в нелинейном целом // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М. : Прогресс – Традиция, с. 314-327
5. Ершова-Бабенко И. В. 2005. Психосинергетические стратегии человеческой деятельности (Концептуальная модель). К. : Книга–Нова, 368 с.
6. Ершова-Бабенко И. В. 1992. Методология исследования психики как синергетического объекта. Одесса : ОДЭКОМ, 124 с.
7. Добронравова И.С. 1990. Синергетика: становление нелинейного мышления. К.: Либідь, 149с.
8. Ершова-Бабенко И. В. 1993. Методология исследования психики как синергетического объекта : автореф. дис на здобуття наук. ступеня канд. філософія науки и техники : 09.00.08. К., 124 с.
9. Ершова-Бабенко И. В. 2010. Культура нелинейного мышления // Модернизация России : наука, образование, высокие технологии : материалы II Всерос. конф. по науковедению (15–17 нояб. 2010 г., Москва). М., с. 135-136.
10. Ершова-Бабенко И. В. 2019. Гипертеория «brain-psyche-mind/consciousness» – постнеклассическое общее решение проблемы и методология исследования психомерности // Norwegian Journal of development of the International Science. Vol.3, No.29. с. 45-50
11. Хакен Г. 2001. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М.: Per se, 353 с.

12. Хакен Г., Хакен-Крелль М. 2002. Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу. М.: УРСС, 272 с.
13. Добронравова И.С. 2017. Практична філософія науки: збірка наук. праць. Суми: Университетская книга, 352 с.
14. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. 1994. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 238 с.
15. Козобродова Д. М. 2019. Самоорганізація як предмет соціально-філософського аналізу. Автореферат на здобуття наукового ступеня кандидата філос.наук за спеціальністю 09.00.03. – соціальна філософія та філософія історії. Одеса: ОНПУ ім. К.Д.Ушинського, 24 с.
16. Бевзенко Л. Д. 2004. Социальная самоорганизация: теория и практика. Выборы в Украине 2002-2004. http://www.synergetic.org.ua/materials/materials_main.html
17. Бевзенко Л. Д. 2002. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. К.: ИС НАНУ, 437 с.
18. Донникова И.А. 2011. Культурогенная сущность социальной самоорганизации. Одесса: Печатный дом, 280 с.
19. Ершова-Бабенко И. В., Козобродова Д. М. 2019. Роль самоорганизации в поведении системы/среды «brain-psyche-consciousness/mind» // Перспективи. Соціально-політичний журнал. №1., с. 55-60.
20. Степин В. С. 1998. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. No 10, с. 3-18.
21. Ершова-Бабенко И., Гончарова О. 2015. Нечеловекомерные составляющие поля человекомерности // Філософія освіти. No 2 (17), с. 243-259
22. Донникова И. 2011.Культурогенная сущность социальной самоорганизации: монография. Одесса: Печатный дом, 280 с.
23. Ершова-Бабенко И. В. 2009. Место психосинергетики в постнеклассике // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография. / Отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. – СПб.: Издательский дом «Мирь»,с. 460-488.
24. Стёпин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. 1999. Философия науки и техники. М.: Гардарики, 400 с.
25. Кизилова А. С., Фадеев Г. Н., Волков А. А., 2018. Гибридное

образование: оценка в категориях информационно-аксиологического подхода // Вестник Мининского университета. №1. с. 1-18.

26. Ершова-Бабенко И. В. 2020. Проблема новой научной картины мира. Мир «цифры» и «цифро-субъекта»// Norwegian Journal of development of the International Science. Vol.4, No.44. с. 60-67.

27. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. В. 2019. Природоподобные технологии: новые вызовы и новые возможности / Вестник Российской академии наук. Т.89. №5, с.455-465.

28. Ковальчук М. В. 2011. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. Т.6. № 1-2, с. 13-23.

29. Ершова-Бабенко И. В. 2019. Гипертеория «brain-psyche-mind/consciousness» – постнеклассическое общее решение проблемы и методология исследования психомерности // Norwegian Journal of development of the International Science. Vol.3, No.31. с. 58-64.

30. Бабосов М. В. 2015. Взаимодействие философии, физики, космологии и генетики в истолковании человекомерности развития науки //Социология. №1. с. 3-13.

31. Хайдеггер М. 1993. Европейский нигилизм // Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, с. 63-176.

32. Пригожин И., Стенгерс И. 2000. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени. М.: Эдиториал УРСС, 240 с.

33. Пригожин И. 1991. Философия нестабильности // Вопросы философии. № 1. с. 46-52.

34. Мелков Ю. А. 2014. Человекомерность постнеклассической науки. К.: Парапан, 254 с.

35. Мелков Ю. 2015. Людина в постнекласичній науковій картині світу // Філософія освіти. № 2 (17), с. 222-234.

36. Степин В. С. 2009. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография. / Отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. – СПб.: Издательский дом «Мирь», с. 249-295.

37. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. 1992. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. No 12. с. 3-20.

38. Ярославцева Е. И. 2019. Человек с роботом: коридор возможностей творчества в поле новых рисков // Социальные и циф-

ровые исследования науки: коллективная монография / Научн. ред. и сост. А. А. Аргамаковой, Е. В. Масланова, В. В. Слюсарева, Т. М. Хусяинова. – М. : Русское общество истории и философии наук, с. 207-221.

39. Маркова Л. А. Новое мышление как базис философии трансгуманизма Социальные и цифровые исследования науки: коллективная монография / Научн. ред. и сост. А. А. Аргамаковой, Е. В. Масланова, В. В. Слюсарева, Т. М. Хусяинова. М.: Русское общество истории и философии наук, с. 38-53.

40. Шноль С. Э. 2009. Космофизические факторы в случайных процессах. Stockholm, 388 с.

41. Белинцев Б. Н. 1989. Самоорганизация в развитии зародыша // Природа. No 2. с. 81-89.

42. Permuter S., Riees A., Schmidt B. 2011/ <https://www.nobelprize.org/prizes/physics/2011/summary/>

43. Haken G. 1983. Synergetics, an Introduction: Nonequilibrium Phase Transitions and Self-Organization in Physics, Chemistry, and Biology., New York: Springer-Verlag, 371 p.

44. Кузнецов А. П. 2000. Колебания, катастрофы, бифуркации, хаос. Саратов: Колледж, 98 с.

45. Мандельброт Б. 2002. Фрактальная геометрия природы; пер. с англ. М. : Ин-т компьютерных исследований, 654 с.

46. Коротун С., Каропа Г. 2013. Математическая теория хаоса и некоторые проблемы естественно-научного образования школьников и студентов // irbis-nbuv.gov.ua > cgi-bin > irbis_nbuv > cgiirbis_64

47. Луман Н. 2004. Общество как социальная система. Пер. с нем./ А. Антоновский. М.:Логос, 232 с.

48. Князева Е. Н. 2006. Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. с.133-154.

49. Федотова В. Управляемый хаос // <http://spkurdyumov.ru/what/upravlyaemyj-haos/>

50. Леонтьев Д. А. 2018. Жизнь на волнах хаоса: уроки Пригожина и Талеба.// Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. Александра Асмолова. – М.: Издательский Дом ЯСК, с. 29-40.

51. Леонтьев 2015 – Леонтьев Д. А. Вызов неопределенности

как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8 (40) // URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1110-leontiev40.html>

52. Ершова-Бабенко И. В. 2002. Поиск новой концепции болезни в свете мировоззренческих и методологических изменений в науке 2-й половине XX столетия / И. В. Ершова-Бабенко // Социальные технологии. No 19. с. 79-81.

53. Ершова-Бабенко И. В., Топор В. П., Решетняк В. В. 2008. Проблема психологической реабилитации при политравме // Вестник физиотерапии и курортологии. No 3. 53-55.

54. Ершова-Бабенко И. В. 2012. Концептуальные основания психосинергетики, биофилософия, теоретическая и практическая биомедицина / И. В. Ершова-Бабенко, Е. В. Медянова, С. П. Горищак // Философские проблемы биологии и медицины : свобода и ответственность : сб. ст. М. : Принтберри. Вып. 6. с. 92-94.

55. Пригожин И., Николис Г., 1990. Поведение сложного. Введение. М.: Мир, 334 с.

ГЛАВА II. ХАОТИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

2.1. Взаимосвязь хаоса и порядка в социально-гуманитарных исследованиях

По своему происхождению понятие «хаос» древнегреческое. Его первым употребил античный поэт (рапсод) Гесиод (VIII-VII вв. до н.э.), который является первым в европейской литературе автором генеалогических и дидактических поэм. К его сочинениям относят «Теогонию», или («О происхождении богов»), «Труды и дни» и ряд других поэтических текстов. В «Теогонии» Гесиод обращается к космологическим проблемам, давая мифологическое описание возникновения и развития природы, мира и человека как процесс рождения и борьбы различных античных богов. По-видимому, одной из важных целей, которую ставил перед собой Гесиод была систематизация. Ему удалось сгруппировать в поэме по генеалогическому признаку около 300 имен различных божеств [Ярхо В. Н., 2001, с. 9]. Но сама эта идея не являлась полным новаторством, а была вписана в контекст существовавшей в различных мифологических традициях Ближнего Востока, (Месопотамии, Финикии) и Азии тенденции к описанию космологии через генеалогию.

Согласно его поэме, Хаос появился прежде всего существующего – других богов и любого какого-либо существа: «прежде всего во вселенной Хаос зародился...» [Гесиод, Теогония, 116]. Затем после Хаоса, но не из него, появились Гея, Тартар и Эрос. Все эти «первые» космические силы, или начала, были способны порождать последующие поколения богов. Так, Хаос породил Ночь и День, Гея – Небо, Нимф и Понта. Далее начинает разворачиваться генеалогическое дерево и на-

чинается последовательность браков между богами, а также распределение их функций и уделов. Описание Хаоса в поэме представлено довольно скупо: Хаос является «мрачным и угрюмым» [Гесиод, Теогония, 814], кроме того его обитание рядом с Титанами в «бездне великой», перед которой «ужасаются и трепещут» боги [Гесиод, Теогония, 735-740]. Комментируя этот фрагмент, Ахутин А. обращает внимание на выражение «бездна великая», описывая это место пребывания Хаоса: «бездна великая – mega chasma – большая зияющая бездна. Chasma от глагола chaino – зиять, зевать пасть» [Ахутин А., 2018, с. 283].

Действительно, понятие «хаос» было, видимо, придумано самим Гесиодом, у Гомера, это понятие не встречается [Рожанский И. Анаксагор, 1972, с. 43]. И.Д. Рожанский дает два основных значения понятию «хаос»:

«а) раскрываюсь, разверзаюсь;

б) разеваю рот или пасть» [Дворецкий, II, стр. 1758].

Таким образом, $\chi\alpha\omicron\varsigma$ означает, прежде всего, «зев», «зевание», «зияние», «разверстое пространство» [Дворецкий, II, стр. 1758].

Также И. Д. Рожанский указывает на пространственную характеристику Хаоса как на определяющую, которая отличает его от других божеств. Основанием исследователю для этого служит позиция Аристотеля, который считал, что: «...Гесиод правильно говорит, делая первым Хаос. А именно, он говорит: «Ранее всего возник Хаос, а затем уже широкогрудая Земля», как если бы прежде всего надлежало дать существу пространство, ибо, как и большинство [людей], он считал что все [вещи] находятся где-нибудь и в [каком-нибудь] месте» [Аристотель, 1999, Физика, кн. IV. 208 b 31-33]. Если подвести итог трактовке И. Д. Рожанского, то хаос, по представлениям Гесиода, является мрачной бездной, возникшей до образования всех вещей, в том числе и богов, которая или находится между Небом

и Землей, или под Землей и над Тартаром. Иными словами, пространство, которое представлено Хаосом практически безгранично и глубоко, оно полно мрака и мглы.»Хаос – зияющая бездна, примитивный образ будущей идеи пространства, – образ, фактически лишенный какой-либо персонификации» [Рожанский И. Д., 1972, с. 47]

Как отмечают многие исследователи (А. Ф. Лосев, И. Д. Рожанский и др.), космологические воззрения Гесиода во многом сходны с ближневосточными сюжетами из шумеро-вавилонской, финикийской и других мифологий. Одним из примеров, подтверждающих эту мысль, является текст известного христианского автора Евсевия Кесарийского (IV в.) «Приготовление к Евангелию» (Eusebius Pamphili. Praeparatio Evangelica). В нем он приводит отрывки из различных древневосточных мифологических и космологических трактатов, чтобы показать превосходство христианской религии над ними. В частности он дает отрывок из книги «Финикийская история» (100 г. н.э.), автором которой считается Филон Библский (100 г. н.э.) [Тураев Б. А., 1999, с. 39-68]. В этом тексте содержится описание создания мира по учению финикийского мудреца Санхунйатона, на которого ссылается Филон, излагая свою историю. «Началом всего, [как он полагает], был Воздух, мрачный и подобный ветру, или дуновение мрачного воздуха, и мутный мрачный Хаос; они были безграничны, и в продолжение многих веков не имели конца. Когда же [говорит он] Дух полюбил свои собственные начала и произошло смешение, это соединение получило название Желания. Таково начало устройства всего» [Цит. по: Финикийская история, 1999, с. 69]. В этом космогоническом описании, во-первых, хаос является началом вместе с другим элементом (воздухом), он также связан с мраком и тьмой, однако является безграничным и неограниченным во времени.

Комментируя этот отрывок, Б. А. Тураев отмечает, что Фи-

лон Библский, античный автор, живший в эпоху императора Адриана, несомненно был знаком с оригинальными переводами финикийской мифологии и космогонии. Более того, он поставил перед собой задачу ее систематизации и его целью было показать, что «все религии особенно греческая происходят от финикийской, или, по крайней мере, тождественны с ней». Поэтому его изложение уже имело претенциозный характер и, скорее всего, Филон избирательно подходил к имеющимся у него образцам финикийской мифологии [Тураев Б. А., 1999, с. 39-68].

Американский исследователь С. Скулли дает следующую трактовку хаоса в этом отрывке: «только ближневосточная история творения всегда начинается с хаоса, но это заманчиво видеть прямое влияние Гесиода на более позднего финикийского автора. Кроме того, филоновское слово «мрачный» соответствует гесиодовскому слову *erebus*, означающий «темный»... Характеристика «мутный», так же относящаяся к «хаосу», полностью соотносится с водой, и показывает, что Филон понимал гесиодовский хаос так же, как и стоики, т.е. как первоначальную воду. Но филоновский «мрачный и подобный ветру» воздух не имеет аналогии с Гесиодом и является эхом, происходящим от библейского *tohu-wa-wohu* (бесформенной пустоты, бездны) и божественного ветра (*ruach*), который двигался над водами (Быт. 1:1)» [Skully S., 2016, p. 56].

Действительно, упоминание Духа и Воздуха в контексте образования мира можно рассматривать как отсылку к первым стихам Библии: «В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Бытие 1:1-2). В еврейском тексте Торы во 2 стихе книги Берейшит для описания состояния земли используется выражение *tohu-wa-wohu*, которое вызывает дискуссии и различные толкования в христианской и еврейской среде, связанные с разным пониманием процесса творения. Но общим контекстом интерпретации этого выражения, как

указывает Х.Тойрила (Toyrylä H.), будет указание на «пустоту, хаос, бездну, но также тщетность и отсутствие ценности. Древние арамейские переводы, Таргумы переводят это выражение как «тщетный и пустой», или «неимеющий людей и скота» [Toyrylä H. 2000, p. 91-110]. Эта интерпретация также показывает, что между гесиодовским хаосом и tohu-wa-wohu можно установить некоторую зависимость.

Определенные параллели между мифологией Гесиода и ближневосточным (шумеро-вавилонским) космогоническим эпосом «Энума Элиш» устанавливают П. Уолкот [Walcot P., 1966] и Г. В. Драч [Драч Г. В., 2003]. Так, английский исследователь считает, что общим в этих космогониях является то, что в них идет рассказ о богах, в том числе и о верховном божестве, и о хаосе как первоначале. Хотя в вавилонском мифе хаос персонифицирован водной стихией Тиамат, которая олицетворяет собой соленый океан-хаос, из тела которой боги после победы над ней создают небо и землю. Тем не менее, хаос представляется первобытной стихией, в результате борьбы и противостояния с которой, возникает порядок мироздания (космос).

Г. В. Драч занимает более взвешенную позицию, указывая на то, что сходство между этими космологическими картинками существует, но есть и существенные различия. Особенно они проявляются в трактовке хаоса, который у Гесиода представлен абстрактным и бесформенным, не подлежащим персонификации и чуждым какому-либо образу: «Хаос чужд Олимпу как духовно, так и пространственно. Потомство его – бесформенные и враждебные силы – контрастирует с потомством Геи. Боги ненавидят Хаос, недаром он является местом, где обречены жить титаны. Это, на наш взгляд, указывает на то, что порождения Хаоса интересуют Гесиода лишь как природные стихии, и не сами по себе, а как подчиненные богам-олимпийцам, и прежде всего Зевсу, так сказать, входящие в гармонично и разумно устроенный мир» [Драч Г. В., 2003, с. 75]. В то время

как в «Энума Элиш» хаос не только представлен в виде определенного образа, но и связан с конкретной стихией (водой).

Эта связь хаоса с водой неоднократно упоминалась в ранней греческой философской мысли. Так, Лебедев А. В. приводит свидетельства о воззрениях Ферекида Сиросского и Акусилая, которые полагали хаос началом всего существующего. «Фалес Милетский и Ферекид Сиросский полагают началом всех вещей воду, которую Ферекид называет также Хаосом, вероятно заимствовав это у Гесиода...» [Лебедев А. В., 1989, с. 87]. В этом фрагменте по мнению А. В. Лебедева, обращает внимание на себя, прежде всего, то, что хаос у Ферекида мыслится в духе ионийцев, как некое первовещество, или первоначало, что, по-видимому, является искажением мысли Гесиода. Другое свидетельство, связанное с именем Акусилая, которого относят к «древним историкам» (Климент Александрийский), или «мудрецам» (Диоген Лаэртский), говорит о том, что «хаос был первым...». Однако трудно в полноте прояснить идеи Акусилая о хаосе, поскольку их сохранилось очень мало фрагментов об этом. Следующий фрагмент из Дамаския указывает только на то, что хаос был «абсолютно непознаваем» [Лебедев А. В., 1989, с. 90].

Более важное значение в философском отношении имеет теогония орфиков, религиозного течения связанного с именем Орфея. В дошедших до нас фрагментах, орфическая космогония представлена в нескольких редакциях. Так, в «Рапсодической теогонии» принимают «Хронос [Время] за единое начало всех вещей, Эфир и Хаос – за двоицу, яйцо объясняют как абсолютное бытие и полагают эту триаду первой» [Лебедев А. В., 1989, с. 48]. Позднейший неоплатонический философ и комментатор Прокл вместо имени Хаос использует традиционно приписываемые ему эпитеты: «сей нестареющий Хронос, нетленномудрый, родил Эфир и бездну великую, чудовищную...и не было снизу ни границы, ни дна, ни основания», «[все было]

в темной мгле...» [Лебедев А. В., 1989, с. 48]. В другом похожем варианте приводимом Апионом сказано: «Орфей Хаос уподобляет яйцу, в котором было слияние первых элементов» [Лебедев А. В., 1989, с. 48].

Христианский автор Руфин, подводя итог греческим космогониям, отмечает, что «среди множества авторов у греков, писавших о происхождении мира, особенно выделяются двое Орфей и Гесиод. Их сочинения допускают двоякое толкование: буквальное и аллегорическое. Буквальный смысл привлек невежественную толпу черни, а аллегорический стал предметом восхищения всех философов и людей образованных. Орфей говорит, что сначала был вечный, беспредельный, нерожденный Хаос, из которого возникло все. Этот Хаос, по его словам, не тьма и не свет, не влажное и не сухое, не теплое и не холодное, но все вместе смешанное; он был вечно, единый и бесформенный. Однако однажды он породил и произвел из себя выношенный в течение беспредельного времени как бы «наподобие огромного яйца» некий «двойной образ», который они [язычники] называют «мужеженским»; он образовался из такой разнообразной смеси протиповополжостей. Это начало всех вещей...». [Лебедев А. В., 1989, с. 62-63].

Таким образом, действительно ранняя греческая мысль испытала влияние Гесиода, но придав ему такое теоретическое объяснение и толкование, которое отсутствовало у самого автора. «Теогония» Гесиода оказала громадное влияние на дальнейшую эволюцию греческих космогонических представлений. При этом наметились две основные тенденции. Одна из них выразилась в развитии индивидуального мифотворчества – Ферекид Сиросский, теогоническая концепция которого испытала, помимо Гесиода, заметное влияние иранской мифологии. В той степени, в какой мы можем судить об орфической космогонии, она также впитала в себя некоторые восточные мотивы (например, образ мирового яйца). В целом же одна-

ко это направление оказалось тупиковым» [Рожанский И. Д., 1989, с. 9]. Другое направление, по утверждению И. Д. Рожанского, стремилось к отказу от мифологических построений и выработке рациональных оснований космогонии. Но и здесь в самой начальной стадии, обнаруживается несомненное влияние восточных мифов, которые определили важное положение греческой науки: «представление о первичном, бесформенном состоянии Вселенной...» [Рожанский И. Д., 1989, с. 10].

Из древнегреческих писателей и поэтов немногие употребляли понятие «хаос». Согласно А. Ф. Лосеву, «ни Гомер, ни Пиндар, ни Эсхил, ни Софокл ни разу не употребляют этот термин. У Еврипида Хаос является пространством между небом и землей, а Проб, который приводит этот фрагмент из Еврипида, считает Хаос воздухом, заполняющим место между небом и землей» [Лосев А. Ф., 2008, с. 579]. У Аристофана в комедии «Облака» Хаос также представлен в качестве нового божества – воздуха, которое вводит Сократ наряду с другими, чтобы заменить богов народной религии (Зевса и Олимпийцев) [Аристофан, Облака, 424].

В другом своем сочинении «Птицы» Аристофан строит «собственную» теогонию, сатирически обыгрывая орфические и гесиодовские сюжеты:

«Хаос, Ночь и Эреб – вот что было сперва,
да еще только Тартара бездна.
Вовсе не было воздуха, неба, земли.
В беспредельном Эребовом лоне
Ночь, от ветра зачав, первородок-яйцо принесла.
Но сменялись годами
Быстролетные годы, и вот из яйца
появился Эрот сладострастный.
Он явился в свертании крыл золотых,
легкононому ветру подобный.
С черным Хаосом в Тартаре сблизился он,

в беспредельной обители мрака,
И от этого мы появились на свет,
первородное племя Эрота»

[Цит по: Ахутин А., 2018, с.283].

Таким образом, в античной мифологии (Гесиод) и в ранний период греческой философии (Ферекид, орфики) и литературы (Аристофан) уже складывается определенная космология, которая затем подвергается анализу и комментариям более поздних философов (Платон, Аристотель, Зенон Китийский и др.). По справедливому замечанию А. Ф. Лосева, видно что эта космогония «самую последнюю и самую абсолютную бездну и основание всякого бытия находит в том, что является или полной пустотой и «зияющим пространством» (такова этимология слова «хаос»), или заполненной пустотой, но не выше биологического зародыша. Вся тео-космогоническая эпопея разыгрывается в пределах между черным беспредельным пространством и зародышем организма, не больше того; и очевидно, все, что из этого получается (боги, люди, мир), в последнем своем основании, по своему окончательному смыслу является для античного мироощущения не больше как символом чисто природных, органических или неорганических, процессов» [Лосев А. Ф., 1996, с. 683].

В космогонических представлениях, отраженных в мифологиях Древнего мира, можно найти подобные сюжеты о хаосе, которые вплетены в разные культурно-исторические особенности жизни древних народов. Так, идея изначального беспорядка, бесформенности и первоначальной тьмы отчетливо выражена и в египетской мифологии: «разные теологические центры Древнего Египта, крупнейшими среди которых были города Гелиополь, Мемфис, Гермополь и Фивы, выдвигали каждый свою космогоническую версию, объявляя своего главного бога творцом мира, а всех наиболее популярных в стране

богов – созданными им или ведущими от него происхождение. Общей для всех концепций являлась только идея об изначальном Хаосе» [Рак И. В., 2000, с. 28].

В целом, как правильно делает вывод Е. М. Мелетинский: «представление о первичности морской стихии, из недр которой возникает или создается земля, имеет, в сущности, универсальный характер, и это представление можно найти почти во всех мифологиях мира, начиная с австралийской. Гораздо реже (типичные примеры – скандинавский и иранский) фигурирует мотив возникновения мира в силу взаимодействия двух стихий воды или льда с огнем» [Мелетинский Е. М., 1976, с. 168].

Также универсальными являются и представления о хаосе как первоначальном этапе образования природного и социального мира: «мифологической информацией par excellence является космогония как повествование о структурировании, формировании упорядоченного мира из его хаотического первоначального состояния. Образ хаоса, как такового, находим в полинезийской, японской, китайской, древнеамериканской (доколумбовой), египетской, вавилонской, греческой, скандинавской, иудейской и других мифологиях... Хаос большей частью конкретизируется как мрак или ночь, как пустота или зияющая бездна, как вода или неорганизованное взаимодействие воды и огня, как аморфное состояние вещества в яйце, а также в виде отдельных демонических (хтонических) существ, таких, как змеи-драконы, древние великаны и боги старшего поколения» [Мелетинский Е. М., 1976, с. 218]. При этом суть космогонического процесса – в переходе от хаоса к порядку, т.е. от бесформенного состояния мира к упорядоченному и оформленному. Этот переход в целом можно обозначить как преобразование «хаоса в космос». В мифологиях этот процесс представлен в различных образах:

- 1) переход от водной стихии к суше;
- 2) отделение неба от земли;

3) борьба с различными чудовищами и хтоническими силами;

4) переход от тьмы к свету в результате победы над злыми силами, т.е. защита космоса от угрожающих ему сил хаоса и т.д. [Мелетинский Е. М., 1976, с. 220-224].

Однако эти мифологические концепции хаоса, которые присутствуют у большого числа древних народов сформированы уже более или менее развитым мифологическим мышлением, способным создавать картины мироздания и космогенеза. По утверждению В. Н. Топорова, в самый ранний период формирования мифологий концепции хаоса не существовало: «мифопоэтическая концепция хаоса является порождением относительно поздней эпохи, предполагающей уже определённый уровень спекулятивной мысли об истоках и причинах сущего. Наиболее архаичные культуры (например, австралийских аборигенов) практически не знают понятия хаоса...» [Топоров В. Н., 1980, с. 581].

В философской мысли Древней Греции переход от хаоса к космосу представлен совершенно иным образом – как задача мировой души, или мирового разумного начала, упорядочить хаос, или «построить космос». Так, Платон, например, практически не использует это понятие. Само слово «хаос» в диалогах Платона встречается всего два раза: один раз в диалоге «Пир» Федр упоминает о Хаосе и Эроте как персонажах гесиодовской теогонии (Платон. Пир. 178 b). Второй раз устами Сократа в беседе с Аксиохом о загробной жизни говорится о Хаосе совместно с Эребом, как месте, где души получают наказание: «тех же, чья жизнь была истерзана злодеяниями, Эринии ведут через Тартар к Эребу и Хаосу, в обитель нечестивцев, где Danaиды бесконечно черпают воду и наполняют ею сосуд, где мучится жаждой Тантал, где вечно пожираются вырастающие вновь внутренности Тития и Сизиф безысходно катит в гору свой камень...» (Платон. Аксиох. 371e).

Однако несмотря на это, у Платона присутствует идея хаоса как смешения, или того, что он называет «всеобъемлющей природой». Это – то невидимое и неосязаемое, лишённое всяких физических качеств начало: «её следует всегда именовать тождественной, ибо она никогда не выходит за пределы своих возможностей; всегда воспринимая все, она никогда и никоим образом не усваивает никакой формы, которая была бы подобна формам входящих в неё вещей. Природа эта по сути своей такова, что принимает любые оттиски, находясь в движении и меняя формы под действием того, что в неё входит, и потому кажется, будто она в разное время бывает разной...» (Платон. Тимей. 50 bc). Это – чистая материя, самый факт существования тела, не зависимый ни от каких его реальных свойств.

Согласно Платону, эта природа (материя) представляет собой ту первоначальную (первосущностную) реальность, которая существует до образования мира. Пытаясь описать физические характеристики этой реальности Платон использует образы физические элементы, а не мифологических персонажей: «...она и растекается влагой, и пламенеет огнем, и принимает формы земли и воздуха, и претерпевает всю череду подобных состояний, являя многообразный лик, и поскольку наполнявшие её силы не были ни взаимно подобны, ни взаимно уравновешены и сама она ни в одной своей части не имела равновесия, она повсюду была неравномерно сотрясаема и колеблема этими силами и в свою очередь сама колебала их своим движением» (Платон, Тимей, 52de). Таким образом, первоначальное состояние мира Платон представляет как смешение различных элементов, как нечто беспорядочное и неуравновешенное, в виде некоего хаоса, нуждающегося в упорядочивании и уравновешивании для создания гармоничного космоса.

Основываясь на этом, Платон строит свою философию как учение об упорядоченности (космизации) мира. Поэтому можно согласиться с выводом А. Кулика: «в работах антично-

го философа говорится о хаосе как о том первичном беспорядочном состоянии мира, которое было упорядочено богом при созидании космоса. Также там идёт речь о том, что первичная хаотическая сущность мира способна прорываться наружу через наложенные разумным началом ограничения и узлы, сея беспорядок в актуальной действительности. Позиция Платона по отношению к этому беспорядку состоит в постулировании необходимости упорядочения хаотических феноменов» [Кулик А., 2013, с. 124].

Обращаясь к Аристотелю, можно, по мнению А. Ф. Лосева, обнаружить, его отношение к Гесиоду и его мифологии было положительным. Стагирит много раз цитирует гесиодовские стихи, «особенно там, где говорится о первоначалах вечных или временных» [Лосев А. Ф., 1975, с. 553]. Но, тем не менее, он не был согласен с Гесиодом и его сторонниками относительно природы этих первоначал: «поскольку принимая богов за начала и все выводя из богов, они (*Гесиод и его последователи – курсив мой А. С.*) размышляли только о том, что казалось им правдоподобным...» [Аристотель. Метафизика. кн. III. 1000 a 5-22].

Также говоря о возникновении и уничтожении вещей в сочинении «О небе», Аристотель вновь обращается к Гесиоду с критикой. Эта критика касается утверждения Гесиода о возникновении всех вещей (сначала Хаоса и богов, а затем и людей). По Гесиоду получается, что «нет такой вещи, которая была бы невозникшей, но что все возникает, а возникнув – одно остается неуничтожимым, а другое снова уничтожается» [Аристотель. О небе. ч. III. гл. 1. 298 b 25-29]. Сам Аристотель считает, что есть существуют вечные начала, которые не возникают и не уничтожаются.

Все же Аристотель признает правоту Гесиода в одном вопросе – в признании первоначального возникновения пространства, или места для существования различных вещей

мира. Именно это пространство как «вместилище вещей», по Аристотелю, следует назвать хаосом. Таким образом, для Аристотеля хаос является ни божеством, ни смешением элементов, а просто пустым пространством, необходимым для существования мира.

У стоиков (Зенон Китийский) хаос объявлялся либо «влажгой», либо просто «водой», что сближает их с ранними греческими философами. Однако Зенон дает свою интерпретацию космогоническим процессам, которая заметно отличается от них. Во-первых, согласно Зенону мир (космос) окружен бесконечной пустотой (*κενον*), как об этом свидетельствуют Фемистий, Аэтий, Феодорит Кипрский и др.: «Зенон и его последователи утверждают, что внутри мира нет пустоты, а вне его пустота беспредельна» [Столяров А. А. 1998, с. 49-50]. Во-вторых, основным первоначалом, или первоэлементом, Зенон считает огонь, из которого происходит дальнейшее образование и упорядочивание мира: «далее, говорит Зенон, в некое назначенное судьбой время весь мир воспламеняется, а затем вновь упорядочивается. Этот первоогонь представляет собой как бы семя, содержащее логосы и причины всех вещей, которые возникали, существуют и возникнут в будущем» [Столяров А. А., 1998, с. 50]. Кроме того, Зенон называет этот первоогонь богом. В-третьих, все другие вещества образуются из огня: «...должно происходить такое упорядочение мироздания из наличного вещества, когда из огня, переходящего в воздух, образуется вода, часть ее сгущается в землю, а из остатка одна часть остается водою же, другая, испаряясь, становится воздухом; наконец, из части воздуха вновь возгорается огонь...» [Столяров А. А., 1998, с. 52].

Более того, Зенон использует для объяснения гесиодовского понятия хаос свою собственную этимологию. Так, комментируя известный тезис Гесиода, основатель стоицизма, полагает, что : «... вода здесь была названа *Χάος*; от *χεῖν* («лить»)»

[Столяров А. А., 1998, с. 53]. Следовательно, понятие хаос Зенон истолковывает в другом значении – вещественном, но никак не в пространственном. Хаос как вода образуется на одном из этапов космогонического процесса и затем претерпевает изменения: из воды образуется ил, «когда она оседает», а из ила – земля, «когда ил затвердевает» [Столяров А. А., 1998, с. 53-54]. Таким образом, согласно Зенону, хаос-первовещество участвует в космогоническом процессе, не является пустым и темным, но наделено некоторой творческой потенцией. По отношению к уже существующему космосу хаос представляет собой своего рода «кладовую», подпитывающую космос.

Представитель скептической школы Секст Эмпирик, комментируя Гесиода, предлагает свою трактовку хаоса, которая созвучна аристотелевской, поскольку она связана с пространством: «...существует и то, в «чем» что-либо происходит, т. е. место. Кроме того, древние, все приведшие в порядок, предположили, что место есть начало всего» [Секст Эмпирик, Против ученых, кн.10, с. 318]. Под «древними» здесь Секст Эмпирик понимает в первую очередь Гесиода, поскольку далее он цитирует его и дает свое пояснение: «...Хаос есть место, вмещающее в себя целое. Именно, если бы он не лежал в основании, то ни земля, ни вода, ни прочие элементы, ни весь космос не могли бы возникнуть. Даже если мы по примышлению устраним всё, то не устранимся место, в котором всё было. Но оно остаётся, содержа три измерения: длину, глубину и ширину, не считая сопротивления» [Секст Эмпирик, Против ученых, кн.10, с. 318].

Понимание Хаоса как бесконечной протяженности, причём не относительно пространства, как это делали Аристотель и Секст Эмпирик, а времени, встречается у Марка Аврелия: «если ты охватишь мыслью весь мир, подумаешь сначала о вечном времени, а затем о быстроте изменения, которому поочередно подлежат все отдельные вещи, о том, как краток про-

межуток между их возникновением и исчезновением, о *бездне времени* (курсив мой – А. С.) до их возникновения и беспредельности после их исчезновения» [Марк Аврелий, Наедине с собой, кн. 9, 32]. Таким образом, римский стоик определяет первоначальное состояние мира до появления в нем вещей – как «бездну времени», и хаос, в таком случае, мыслится как некоего рода вечность.

Неоплатоники, начиная Плотина, затрагивали тему хаоса в контексте этических рассуждений. Так, Плотин четко увязывает «зло» и «хаос»: «вина же во всем неприглядном лежит на безобразной и косной материи, вносящей в мировую гармонию сумятицу и хаос. А потому и зло неистребимо, что оно вечно не-сущее и небытие, лишь временно упорядочиваемое эйдосами Духа» [Плотин, Эннеады, кн.2, с. 80]. Но также Плотин как последовательный «платоник» рассуждает о хаосе как о беспорядке, неустроенности и разрозненности вещей: «...но какая необходимость, чтобы и в мире истинно-сущего вначале существовало единое, из которого проистекало бы многое? Необходимо это, отвечаем, потому, что без Единого все вещи были бы разрознены и рассеяны и, предоставленные в своих комбинациях чистому случаю, представляли бы собой полный хаос» [Плотин, Эннеады, кн. 5, 12]. Действительно, для Плотина и затем и для неоплатоников существование Единого как принципа абсолютного, самотождественного и непознаваемого бытия.

Таким образом, к концу классического периода в Древней Греции существуют две концепции, связанные с осмыслением мирового космогонического процесса и исходящие разных истолкований хаоса как первоначального состояния мира. Первая концепция основывается на интерпретации понятие хаоса как физического пространства. Сюда можно отнести с некоторыми поправками на мифологическую образность самого Гесиода и тех, кто ему следовал в истолковании Хаоса как «мрачной

бездны» (Акусилай, Аристофан, т.д.), но более строгое и рациональное оформление эта концепция получает у Аристотеля, Секста Эмпирика, в виде тезиса: «хаос – это вместилище вещей».

Другая концепция связана с пониманием хаоса как первовещества, как основы мировой жизни, как животворящее начало. При этом хаос может отождествляться с каким-либо элементом, чаще всего это вода или воздух, или представлять собой смешение всех элементов. Ее разделяли Ферекид Сиротский, орфики, Зенон Китийский и в определенной мере Платон, который считал материю смешением, чем-то неупорядоченным и непознаваемым. Однако, представление о начальном состоянии мира как отсутствию какой-либо оформленности, организации, как аморфном и хаотическом было свойственно не только древним грекам, но почти всем без исключения древним народам. Обе эти концепции укоренены в мифологии и испытали на себе ее влияние. Это относится к прежде всего к мифологии Ближнего Востока (египетская, финикийская, шумеро-вавилонская и др.).

В римской философской и литературной традиции представления о хаосе, с одной стороны, были заимствованы из греческой мифологии и литературы. С другой, получили собственную трактовку и понимание: «римляне прибавили какой-то ужасающий аффект и трагический пафос перед этой всепоглощающей бездной» [Брагина Н. В., 2007, с. 282]. Так, у Овидия его мироздание прямо начинается с Хаоса, который трактуется как «нерасчленённая и грубая глыба», хотя уже с потенциальными возможностями творения вещей:

«Не было моря, земли, и над всем распростертого неба, –
Лик был природы един на всей широте мирозданья, –
Хаосом звали его. Нечлененной и грубой громадой,
Бременем косным он был, – и только, – где собраны были
Связанных слабо вещей семена разносущные вкупе»

[Овидий. Метаморфозы. 5-10].

Затем Хаос как «глыба» был раздлен, появились небо и земля, которые некий бог отделил друг от друга; земля приобрела ровные формы, появился воздух, ветры и далее начался процесс образования мира и установления порядка вещей. Но в последующих сюжетах, описанных в «Метаморфозах» появляется другой – пугающий – образ Хаоса. Так, в истории о Фаэтоне, после начала мирового пожара, когда все на земле воспламенилось и ничто не могло остановить этот пожар, то Земля молится, обращаясь к верховному божеству с просьбой проявить власть, иначе: «в древний мы Хаос опять замешаемся...» [Овидий. Метаморфозы. кн. 2, 299]. Затем Орфей молит Персефону и Аиду о возвращении Эвридики, призывая Хаос: «Хаоса бездной молю и безмолвьем пустынного царства...» [Овидий. Метаморфозы. кн.10, 29].

В другом сочинении «Фасты» Овидий персонифицирует Хаос, давая ему имя и новые характеристики, отсутствовавшие ранее. Так, Хаос назван поэтом Янусом, двуликим божеством, имеющим власть «отворять» и «затворять».

«Хаосом звали меня в старину (я древнего рода)

Слушай, какие дела прошлых веков я спою...»

[Овидий. Фасты. 100-145].

Далее Хаос (Янус) рассказывает о создании мира из одного вещества, состоящего из пламени, воды и земли, которых разделил раздор, и они заняли определенные им места. Таким образом, образ Хаоса в виде двуликого Януса представлен как творческое начало. Янус называет себя также *Res prisca* («древняя вещь»). Когда все стихии распределились по своим местам и образовался стройный космос, то Янус, который раньше был *globus et sine imagine moles* («глыба и безликая громада»), получил определённый *facies* («лик») и достойный бога вид. Но и теперь, говорит он, имеется у него остаток прежнего состояния, а именно: способность видеть всё вперёд и назад. Кроме того,

Янус своей собственной рукой на небе всё открывает и закрывает, являясь как бы мировой дверью. Он может развернуть мир во всей его красоте и может предать его уничтожению.

У Вергилия в «Энеиде» Хаос также описан как древний и могущественный: перед самоубийством Дидоны жрица взывает к богам, Эребу и Хаосу – характерная близость Хаоса к подземному миру [Вергилий. Энеида. кн. IV. 509-510]. Также Хаос обитает там, где «безмолвные тени» и «равнины мрака» и «молчаливые тени» [Вергилий. Энеида. кн. VI. 265].

Подводя итог античным представлениям о хаосе необходимо отметить, что семантика хаоса очень разнообразна. Его этимология, предложенная Гесидом как «бездна», «зияющее пространство» была дополнена множеством других образов, к которым относятся: стихии – вода, влага, воздух; или смесь стихий; мировое яйцо, породившее из себя весь мир; нерасчлененная и грубая глыба; ужасная бездна; а также пространственные характеристики: пространство между небом и землей, вместилище вещей; беспорядочное состояние материи и, наконец, потенциальный космос.

Таким образом, античная мысль двигалась в направлении тех формул, которые, отталкивались от идеи пространства, пришли пониманию хаоса как принципа становления (первопотенции). В античности впервые было замечено, что в хаосе содержится своего рода единство противоположностей: он всё раскрывает и всё развёртывает, всему даёт возможность выйти наружу; но в то же самое время он и всё поглощает, всё нивелирует и прячет вовнутрь. Учение о совпадении начал и концов в хаосе для античного мышления – одна из типичнейших тем. Из этого видно, что хаос действительно является принципом непрерывного, неразличимого и бесконечного становления, т. е. то, без чего невозможно существование ни богов, ни мира, ни людей, ни божественно-мировой жизни вообще.

По художественному описанию А. Ф. Лосева: «хаос пред-

ставляется как величественный, трагический образ космического первоединства, где расплавлено всё бытие, из которого оно появляется и в котором оно погибает; поэтому Хаос есть универсальный принцип сплошного и непрерывного, бесконечного и беспредельного становления. Античный Хаос есть предельное разряжение и распыление материи, и потому он – вечная смерть для всего живого. Но он является также и предельным сгущением всякой материи. Он – континуум, лишённый всяких разрывов, всяких пустых промежутков и даже вообще всяких различий. И потому он – принцип и источник всякого становления, вечно творящее живое лоно для всех жизненных оформлений. Античный Хаос всемогущ и безлик, он всё оформляет, но сам бесформен. Он – мировое чудовище, сущность которого есть пустота и ничто. Но это такое ничто, которое стало мировым чудовищем, это – бесконечность и нуль одновременно. Все элементы слиты в одно нераздельное целое, в этом и заключается разгадка одного из самых оригинальных образов античного мифологически-философского мышления [Лосев А. Ф., 2008, с. 581].

Дальнейшее историческое развитие философии показало, что тема хаоса поднималась философами в Средние века преимущественно в этическом ключе, связывая понятия «хаоса» и «зла», в то время космогонические аспекты хаоса оказались забытыми. Так, ранние средневековые философы, согласно исследованию А. В. Кулика, почти не использовали это понятие: «раннехристианские мыслители отбрасывают мысль о существовании хаоса как совершенно неприемлемую» [Кулик А. В., 2014, с. 99]. У Августина Блаженного есть лишь единственное упоминание о существовании хаоса: «в ранней редакции трактата Августина Блаженного «О книге бытия», где речь идет о знаменитых словах Библии о пустой и безвидной земле в начале творения, Августин отмечает: «Смешанная материя по-гречески называется хаос» [Цит. по: Кулик А. В., 2014, с. 100].

Этические вопросы, связанные с хаосом, возникают в контексте отождествления хаоса и беспорядка, который произведен, противостоящей Богу субстанцией. Практически все средневековые авторы придерживаются идеи о связи порядка и Бога: «порядок является одним из важнейших понятий раннехристианской философской мысли. Такие мыслители, как Афинагор Афинянин, Евсевий Памфил, Климент Александрийский, Ориген, Тертуллиан, Августин Блаженный говорят об упорядоченности мира во всех его проявлениях. Причём источником порядка и его олицетворением провозглашается Бог» [Кулик А. В., 2014, с. 100]. Поэтому любые идеи и концепции, в том числе античные, которые утверждают необходимость или даже возможность существования беспорядка как первоначального состояния мира отождествлялись со злом [Кулик А. В., 2014, с. 60].

В философии Возрождения и Нового времени тема хаоса актуализируется по всем аспектам – как космогоническим, так эстетическим и этическим. Как справедливо отмечает А. В. Кулик: «в Новое время о хаосе начинают говорить... десятки авторов самых различных взглядов и убеждений – от Декарта до Дж. Донна» [Кулик А. В., 2014, с. 113]. Большинство философов, однако, отвергают хаос, но есть те, кто пишет о нем «с благоговением» (Я. Бёме), или признают его неизбежность (Б. Паскаль) [Кулик А. В., 2014, с. 113]. Но все же значение понятия хаос в Новое время меняется, оно уже не имеет тех коннотаций, которые присутствовали у Гесиода, орфиков, ранних философов и римских поэтов. Хаос из области метафизической глубины перемещается в плоскость «технического» взаимодействия: философы Нового времени вырабатывают различные стратегии по отношению к хаосу. «Одни мыслители учат о необходимости упорядочения хаоса (Г. Лейбниц, Я. Коменский), другие говорят о способах предотвращения хаоса (Т. Гоббс, Дж. Локк), третьи разрабатывают предложения по

мерам защиты от хаоса (П. Гассенди, Д. Юм)» [Кулик А. В., 2014, с. 115].

В современной философии понятие хаос возрождается в исследованиях мифологии и ранних форм религии: «как бы то ни было, термин хаос впервые был принят исследователями религий, как отсылка к первоначальному состоянию, до сотворения. В нём комбинируются отдельные упоминания первоначальных вод или первоначальной тьмы, от которой новый порядок приходит... В обоих случаях хаос упоминается, как изначальное состояние космоса, *in potentia*, и должен быть сформирован демиургом, до того, как мир может начать своё существование» [Хаос (мифология) // Википедия].

Так, в своей концепции «вечного возвращения» М. Элиаде поднимает вопросы «архаической онтологии», т.е. делает попытку осмысления реальности в сознании человека древнего мифологического общества. Он вводит понятия «архетипа» и «цикличности»: «...архаический человек наделяет реальностью, значимостью и смыслом только те предметы и действия, которые причастны к трансцендентной, сакральной, мифологической реальности. Эта реальность постигается первобытным обществом (или религиозным сознанием вообще) посредством интенционального переживания абсолютного объекта – «архетипа» [Макаров А. И., Пигалев А. И. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторение]. Говоря об особом мифологическом (сакральном) времени М. Элиаде показывает, что посредством него происходит возврат в «прошлое», которое связывается с началом и первоистоким существования мира, отраженном, прежде всего, в космогонических мифах. Эти мифы представляют собой картины творения (творения человека, небесных светил, животных и т.д.) и одновременно они являются причинами (точнее первопричинами) для мифологического мышления, обосновывающими современное состояние мира. Для мифологического мышления, как отме-

чает Е. М. Мелетинский, характерно сведение объяснения существования вещи или явления к рассказу о том, «как она делалась, равно как описание окружающего мира – тоже самое, что изложение истории его первотворения. Таким образом, мифические прасобытия оказываются «кирпичиками» в мифической модели мира» [Мелетинский Е. М. 1980, с. 252].

Согласно концепции М. Элиаде, ритуалы, обряды и праздники, которые устанавливаются в архаическом обществе необходимы для того, чтобы воспроизвести первособытия. Так, он отмечает, что празднование Нового года «включает в себя целый ряд драматических элементов, предназначение которых – уничтожение истекшего времени, восстановление первичного хаоса и повторение космогонического акта» [Элиаде М., 1998, с. 124]. Таким образом, в архаических обществах переживание времени связано с цикличностью и повторяемостью, не только в виду природных и биологических циклов жизни, но из-за ритуалов и обрядов, которые фиксировали повторяемость прошлого в настоящем. Создавая мифы, в которых жизнь природы и общества соединялась, архаическое общество описывало свою жизнь и ее историю «в терминах космогонии» (Е. М. Мелетинский).

Однако используемые Элиаде для анализов мифологии философские понятия «вечное возвращение», «цикличность» и другие, уже имели свою историю. Первым, кто их ввел в широкий оборот и обосновал, был Ф. Ницше. Также его можно считать одним из первых современных философов, которые обращаются к понятию хаоса в позитивном ключе, считая его важным и значительным в философии. Так, говоря о сверхчеловеке Ницше считает обязательным упомянуть его творческий потенциал, связывая эту тему с хаосом: «...приходит время человеку поставить себе цель. Приходит время посадить росток высшей надежды своей. Пока еще почва его достаточно плодородна. Но некогда истощится и оскудеет она, и уже не

вырастет на ней ни одно высокое дерево...Говорю вам: чтобы родить танцующую звезду, надо иметь в себе хаос. Говорю вам: в вас есть еще хаос. Горе! Близится время, когда человек больше не сможет родить звезды. Горе! Близится время самого презренного человека, уже не способного презирать самого себя» [Ницше Ф., 1990, с.6]. Также значимость хаоса описывается немецким философом в известном определении культуры: «культура – это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом» [Ницше Ф., 1996, с. 767].

Но Ницше вводит тему хаоса с определенной целью, он считает, что взаимодействие с хаосом, который постоянно присутствует в жизни человека и общества, осуществляется путем его преодоления усилиями сознания и памяти о прошлом. Так, он утверждает, что древним грекам удалось осуществить эту культурную задачу – преодолеть влияние восточных культур и сохранить свою культурную самобытность. Ницше указывает тот путь, который они использовали: «в продолжение столетий грекам грозила та же опасность, которой подвергаемся мы, именно, опасность погибнуть от затопления чужим и прошлым-«историей». Они никогда не жили в гордой изолированности; их «образование», напротив, в течение долгого времени представляло собой хаотическое нагромождение чужеземных, семитических, вавилонских, лидийских, египетских форм и понятий, а религия их изображала настоящую битву богов всего Востока; совершенно так же, например, как теперь «немецкое образование» и религия являют собой хаос борющихся сил всех чужих стран и всего прошлого. И все-таки эллинская культура не превратилась в простой агрегат благодаря упомянутой аполлоновской заповеди. Греки постепенно научились организовывать хаос; этого они достигали тем, что в согласии с дельфийским учением снова вернулись к самим себе, т. е. к своим истинным потребностям...» [Ницше Ф., 1996, с. 229].

Таким образом, признавая значимую роль хаоса в соци-

ально-культурной жизни, Ницше считает, что упорядочивание хаоса и его преодоление это важная культурная задача. Специфика его подхода в том, что человек способен преодолеть хаос: «Ф. Ницше рассматривает хаос как необходимый элемент, который нужен для подлинного осуществления человека. Ницше трактует хаос как то, что характеризуется неполнотой, незавершенностью, открытостью к осуществлению. Идея взаимной необходимости как хаоса, так и порядка хорошо видна, например, в концепте аполлонического и дионисийского начал» [Кулик А. В., 2014, с. 22].

Влияние идей Ф. Ницше на современную философию достаточно велико, многие современные философы объявляют Ницше «предтечей» постмодернистской философии и ее основным источником. «Немецкий мыслитель, творивший во время господства модернистского мировоззрения, оказался неожиданно современным в эпоху «постсовременности». Вся основная проблематика постмодернистов, так или иначе, пересекается с главными положениями ницшеанской философии. Более того, многие противоречия, которые присутствуют в постмодернистских учениях, могут быть лучше осмыслены и даже решены с помощью обращения к идейному наследию Ницше... Во многих произведениях основоположников постмодернистской философии, таких как Жиль Делёз, Мишель Фуко, Жан-Франсуа Лиотар прослеживается пристальный интерес к идеям немецкого философа, которого по праву можно считать первым провозвестником эпохи постсовременности» [Емелин В. А., Ницше и постмодернизм].

Влияние Ф. Ницше отразилось также в отношении понятия хаос, которое в постмодернистской философии стало трактоваться как понятие, имеющее «категориальный статус» [Грицанов А., Хаос, с. 712]. В постмодернистской интерпретации мира как текста, в понятии хаос получает отражение идея о множественности и плюральности, т.е., по сути дела,

возможности «неограниченного количества интерпретаций и переинтерпретаций. Согласно парадигме постмодерна, мир/текст являет собой хаотическую совокупность потенциально способных к смыслопорождению центров и размещен в исходно а-семантическом пространстве» [Грицанов А., Хаос, с. 712].

Кроме того, для более четкого выделения этой идеи возник концепт «хаосмос», отражающий творческий потенциал смыслопорождения. Однако в отличие от Ницше, который был убежден в преодолении хаоса жизни и культуры, в постмодернизме «хаосмос» означает принципиальную неустранимость и невозможность преодоления хаоса, поскольку хаос является частью той среды, в которой происходит процесс порождения смысла и интерпретации. «Хаосмос» результат контаминации слов «хаос», «космос» и «осмос»; понятие постмодернистской философии для характеристики особых параметров среды, не могущих быть осмысленными ни посредством оппозиции «хаос-космос», ни при помощи противопоставления смысла и «нонсенсу» [Грицанов А., Хаосмос, с. 712].

Введение этого концепта приписывается писателю Дж.Джойсу в тексте «Поминки по Финнегану» (1939), который стремился соединить космос и хаос таким образом, чтобы стали возможными взаимопереходы и превращения этих понятий между собой, т.е. становление порядка из хаоса, и наоборот [Ламеко Н. В., 2005, с. 34]. По сути, речь идет о определенной стратегии художественного произведения, но и не только, хаосмос предполагает замену антитезы «хаос-космос», где основная линия развития заключается в переходе (преодолении) хаоса и в установлении порядка (космоса), к диалогу с хаосом.

Кроме того, хаосмос стал использоваться теоретиками постмодернизма в качестве синонима концепта «мир как лабиринт». «В «хаосмосе» – одном из начальных оснований действительности – все равноправно, равновозможно, равнослучайно» [История современной музыки: музыкальная культура

США в XX веке, 2019, с. 281]. Как в лабиринте существует множественность переходов, различных возможностей их пересечения, так и в постмодернизме мир описывается как целостность, которой присущи разнородные и равнозначные формы, способные к осуществлению. Так, Ж. Делез в своей работе «Различие и повторение» обращается к концепту «хаосмос» в контексте идеи «вечного возвращения» (Ф. Ницше): «Вечное возвращение – не результат воздействия Тождественного на ставший подобным мир, не внешний порядок, навязанный мировому хаосу; напротив, вечное возвращение – внутреннее тождество мира и хаос, Хаосмос» [Делез Ж., 1998, с. 358]. Таким образом, Делез описывая новое состояние тождество хаоса и мира, утверждает, что основанием является бесформенный хаос: «ни у одного ряда нет преимущества перед другими, ни один не обладает тождеством образца либо подобием копии. Ни один не противостоит другому и не аналогичен ему. Каждый состоит из различий и коммуницирует с другими посредством различий. Венчающие анархии заменяют иерархии репрезентации; кочевые дистрибуции — оседлые дистрибуции репрезентации» [Делез Ж. 1998, с. 334].

Также и в другой своей известной работе «Что такое философия?» (1998) Ж. Делез совместно с Ф. Гваттарри вводят тему хаоса в современную философию, понимая его как радикальную изменчивость: «Хаос – это не инертно-стационарное состояние, не случайная смесь. Хаос хаотизирует, растворяет всякую консистенцию в бесконечности» [Делёз Ж., Гваттари Ф. 1998, с. 59]. Для них хаос является «неисчерпаемым резервуаром потенциальных возможностей. Эта текучесть – результат виртуальности хаоса, его мультиструктурности. Ф. Гваттари обращает внимание на то, что абсолютно недопустимо смешивать понятие хаоса и беспорядка в привычном смысле этого слова. Хаос – символ гиперсложной системы, генерирующей случайность как исходный принцип возможных построений»

[Рендл М., 2014, с. 133]. При этом они рассматривают три основных варианта взаимодействия с хаосом: наука, философия и искусство. Наиболее подходящим они считают философский подход к хаосу, поскольку он позволяет реализовать внутреннюю сущность хаоса – постоянную изменчивость. «По мнению, Ж.Делеза и Ф. Гваттари, в процессе философской стратегии, человек с помощью философских концептов (вариативных по своей сути) намечает координаты бесконечных движений-проявлений хаоса. Причем, философия делает это не«внешне», в имманентно хаоса, что и обеспечивает успешность данной стратегии» [Кулик О., 2014, с. 153].

Особенностью философского анализа хаоса, предпринятого французскими философами-постмодернистами, является обращение к научной теории динамического хаоса, появившейся в XX веке в рамках естественных наук (физики, химии). Эта теория стала основанием для развития синергетики как направления, ставящего своей целью соединение гуманитарных и естественных наук в решении фундаментальных вопросов эволюции человеческого общества, природы и культуры. Синергетика, развившаяся на основании постнеклассического естественнонаучного знания, тем не менее, далеко вышла за его пределы в область философских и гуманитарных дисциплин.

Развитие синергетики как общенаучной исследовательской программы и ее вхождение в социально-гуманитарное познание было инициировано под влиянием различных факторов. В первую очередь это происходило вследствие методологического кризиса в конце XX века, охватившего основные области социо-гуманитарного знания, такие как история, социология, психология, экономика т.д. В этом случае внедрение новой методологической программы помогло решению определенных проблем и вопросов в социально-гуманитарных науках. Оно также способствовало открытию новых тенденций и

перспектив исследований, пересмотру сложившихся представлений и теорий под новым углом зрения, развитию междисциплинарных исследований и т.д. «Синергетика как исследовательский инструмент зародилась в рамках естествознания, однако впоследствии ее использование распространилось в более широкий познавательный контекст, а в социальных науках она стала идеологией, ориентированной на формализацию научного познания...» [Орлова Э. А., 2012, с. 19]. Действительно, синергетический метод является незаменимым тогда, когда речь идет об изучении изменчивых, неупорядоченных состояний сложных открытых саморазвивающихся систем, в то время как классическая методология исследования, направленная на изучение повторяющихся, устойчивых характеристик, не способна к их изучению. «В этих условиях обращение к синергетическим идеям позволяет проследить становление порядка из хаоса, переходные состояния между этими концептуальными крайностями средствами динамического анализа» [Орлова Э. А., 2012, с. 19]. Следовательно, синергетическая методология позволяет изучать неорганизованные, хаотические аспекты социокультурной, психической, исторической и других видов реальностей, помогает строго описывать порождение и формирование сложных целостностей, а также фаз перехода сложных открытых саморазвивающихся систем от одного состояния к другому.

Среди целей и задач, стоящих перед синергетикой было первоочередным изучение процессов самоорганизации в сложных открытых системах, к которым относили, кроме природных и технических, также и социальные, или, точнее, «антропо-социо-культурные системы» (О. Н. Астафьева). В связи с этим внедрение синергетики в область социально-гуманитарного знания означало, в первую очередь, обращение к ее теоретико-методологическому потенциалу, к новому нелинейному мышлению, к появлению новых интерпретаций социо-куль-

турной реальности, основанной на понятиях «самоорганизация», «хаос», «бифуркация», «флуктуация», «аттрактор» и т.д.

Основатели двух ведущих школ синергетики И. Р. Пригожин и Г. Хакен признавали необходимость расширения синергетических исследований на область социально-гуманитарных наук. Тем не менее, между ними существовало различие в аспектах применения идей синергетики к анализу социально-культурной реальности: И. Пригожин считал, что в первую очередь синергетика может использоваться для изучения исторических процессов в контексте мировой истории, а также при изучении отдельных социокультурных целостностей. Г. Хакен обращал внимание на продуктивность синергетики в социальном аспекте: изучении функционирования и развития общества.

Так, И. Пригожин, писал о том, что историческое развитие любого общества может быть объяснено в рамках синергетического единства природного и социального мира, идея ко-эволюции природы, общества и человека. Она основана на том, что мир как природный, так и социальный, в своем фундаментальном основании нестабилен, неопределен, хаотичен, подвержен изменениям, которые ведут к его усложнению. Многочисленные исследования и теории в социальных, исторических, психологических и др. исследованиях, использовавшие синергетические принципы и понятия, доказали действенность и продуктивность синергетики в социально-гуманитарном знании. Возникло новое научное направление, получившее название «социальная/ социокультурная синергетика», в рамках которого появилось большое число различных стратегий и направлений исследований процессов «генезиса порядка и хаоса, и становления хаоса из порядка» [Астафьева О. Н., Добронравова И. С., 2009, с. 634].

Таким образом, социальная/социокультурная синергетика охватывает широкий круг процессов и явлений социаль-

но-культурной жизни: явления самоорганизации и динамики социокультурных систем (В. В. Василькова, О. Н. Астафьева, Л. Д. Бевзенко, В. С. Капустин, И. М. Предборская и др.); процессы исторической динамики и цивилизационных кризисов (Н. Н. Мещерякова, Л. Й. Бородкин, А. В. Коротаев, А. П. Назаретян, А. В. Халаспис и др.); процессы исторической динамики культуры (М. С. Каган, В. П. Бранский, А. Свидзинский, И. А. Донникова); явления и процессы социальной трансформации, управления и самоуправления социальных систем (В. Л. Романов, Д. С. Чернавский, М. С. Дмитриева, Л. Д. Бевзенко и др.) и др. Кроме того, расширение синергетических исследований затронуло такие области знания как психология, что привело к формированию нового направления исследований – психосинергетика – (И. В. Ершова-Бабенко), философию образования и педагогику (В. Кремень, Л. Горбунова, В. С. Лутай, Н. В. Кочубей, А. В. Семенова и др.), когнитологию (М. Нестерова) и т.д.

Понятие «хаос» также вошло в арсенал социально-гуманитарных концепций и моделей, поскольку «распространение синергетики как общенаучной парадигмы поставило вопрос не просто о расширении категориального аппарата социально-гуманитарных дисциплин, но об использовании некоторых универсальных математических моделей, разработанных в рамках теории нелинейных динамических систем, и математической теории хаоса» [Бородкин Л. И., 2005, с. 4-16]. Благодаря новому методологическому аппарату внимание исследователей (историков, социологов) переключилось на изучение таких культурно-исторических явлений, как распады государств, внешние интервенции, государственные перевороты, войны, финансовые и экономические кризисы, форсированные реформы, революции и т.д. Иными словами, все те явления, которые были связаны с хаосом, нестабильностью, неопределенностью и случайностью в культурно-историческом процессе.

Под влиянием синергетики в исторической науке стало широко распространенным положение о том, что в момент политической и социальной нестабильности и хаоса, когда та или иная культурно-историческая система достигает точки бифуркации, тогда самое незначительное событие может полностью изменить траекторию ее развития. Этот механизм радикального переустройства культурно-исторических обществ на новых основаниях, возникших под влиянием маловероятных событий, давно привлекал историков как проблема исторической случайности, но не находил нужного объяснения.

С позиций синергетики эта проблема получает интерпретацию и объяснение: «Какие же эвристические возможности предоставляет синергетика истории? Она находит закономерное место самому труднодостижимому – случайности. Показывает, как, при каких условиях незначительные, на первый взгляд, события, новые спорные идеи, выбивающиеся из ряда личности вдруг начинают определять ход дальнейшей истории. Синергетика с помощью собственного методологического инструментария и категорийного аппарата выстраивает логику событий, демонстрируя, как рост энтропии, рассогласованности в системе, дезинтеграции, рост автономии элементов приводят ее к точке бифуркации, где малейшая флуктуация, которая и проявляется как случайное, может привести к ее слому» [Мещерякова Н. Н., 2015, с. 534].

Интересным представляется тот факт, что эта проблема оказывается связанной с другой не менее важной и известной исторической проблемой – роль личности в истории. В свете синергетической модели оказывается вполне объясним механизм успешного политического лидера, который выдвигая определенные политические идеи, достигает их реализации благодаря тому, что широкие слои общества высказывают ему свою поддержку. Происходит самоорганизация этого общества на основе новых, необязательно гуманных, или справедливых

идей, но идей, которые находят резонанс с общественным умонастроением и отвечают их интересам. Так, по мнению Н. Мещеряковой, большевикам во главе с их политическим лидером удалось не только получить власть в Российской империи, но и создать новое государство на совершенно иных идеологических основаниях. «Идеи марксизма в большевистско-ленинской интерпретации нашли поддержку в определенных социальных слоях общества: нижних слоях деревни, не справившихся со столыпинскими преобразованиями, большей части пролетарских слоев города и даже части интеллигенции, ждавшей духовного обновления в горниле революционного огня. Эти идеи принципиально по-иному позиционировали социальные статусы и роли представителей низших сословий – «из грязи в князи», из униженных – в хозяев своей страны, своей земли и всего, что на ней находится, – так что подкреплялись еще и существенным материальным аспектом. Благодаря мощному резонансному взаимодействию своих лозунгов большевикам удалось аккумулировать достаточный людской и материальный потенциал, чтобы справиться с Гражданской войной и интервенцией и приступить к строительству социализма в отдельно взятой стране, что классики марксизма, в общем-то, не предполагали» [Мещерякова Н. Н., 2015, с. 538].

Другим важным аспектом исторических исследований также связанных с синергетикой является привлечение математических моделей для объяснения исторических явлений, отличающихся длительным периодом развития. В современной методологии истории эти новые математические методы получили название «клиодинамики». «Клиодинамика – новая междисциплинарная область исследований, объединяющая подходы исторической макросоциологии, теоретической истории, математического моделирования долговременных социальных процессов, построения и использования исторических баз данных, исследований социальной эволюции, историче-

ской демографии и др. Задачей клиодинамики должен стать поиск объединяющих теорий и проверка их на основе разнообразных массивов данных – исторических, археологических и прочих...» [Теория и методология истории, 2014, с. 458].

В области социальных наук развитие синергетической парадигмы основывается на изучении соотношения процессов социального порядка и хаоса, которые являются центральными темами в теории социальной самоорганизации. Поэтому вполне следует согласиться с определением В. П. Бранского: «Социальная синергетика исследует общие закономерности социальной самоорганизации, т.е. взаимоотношений социального порядка и социального хаоса» [Бранский В. П., 1999, с. 128]. В социальные науки входит понятие «хаос», которое, однако, не имеет негативного оттенка, а показывает, что общество входит в состояние неустойчивости, неопределенности, в котором варианты его дальнейшего развития непредсказуемы. «Хаос (беспорядок) и порядок – это модусы единого социального явления, т.е. два разных присущих ему состояния. Это значит, что в принципе они соединены в противоречивом единстве, поэтому уничтожить все, что связано только, например, с хаосом, оставив лишь то, что отвечает строгим критериям цивилизованного социального порядка, невозможно» [Овшинов А. Н., 2018, с.66]. Их соединение означает, что в социальном развитии того или иного общества происходит периодическая смена состояний социального хаоса (дезорганизованности) и социального порядка (организации). Этот циклический процесс может иметь разный характер, но для общества как открытой сложной и саморазвивающейся системы, он будет являться закономерным.

Так, по мнению А. Н. Овшинова, «примером диссипативной структуры может служить государство как социальная система. Модель процесса диссипации помогает государству освободиться от накапливающегося энтропийного избытка,

сохранять устойчивое состояние социальной системы и тем самым поддерживать необходимую степень относительной жизнеустойчивости всего социума» [Овшинов А. Н., 2018, с. 67-68]. Однако для того, чтобы государство смогло выполнить эту функцию необходимо изменить классический подход к его целям и задачам по управлению обществом. Согласно классическому определению, государство – это «механизм властного закрепления порядка в обществе и сохранения соответствующего режима власти как средства жесткого управления национальным сообществом» [Романов В. Л., 2000, с. 137].

Иными словами, государство выступает как субъект управления, а общество – как объект. Методы и способы, которыми традиционно государство выполняло свои функции, были направлены на то, чтобы любыми средствами сохранить стабильность и порядок в обществе, даже если для этого требуется подавление личных прав и свобод граждан, как, например, это происходило в советском государстве. Но даже, если этот случай представляется крайним, то тем не менее, так или иначе организация и управление в государстве были направлены на «предупреждение, сдерживание и устранение любых отклонений, дезорганизующих систему, в т.ч. и тех, которые являются социально-конструктивными инновациями» [Романов В. Л., 2000, с. 138]. Следовательно, государство пресекало любые попытки проникновения всевозможных хаотических воздействий индивидов на систему власти, даже если они были ориентированы на ее улучшение.

Однако, с позиций теории социальной самоорганизации, предложенной В. Л. Романовым, возможен другой способ государственного управления обществом – самоорганизационный, который заключается в том, чтобы создать условия для свободы и коммуникации граждан. Только на этой коммуникативной основе становятся возможными процессы самоорганизации граждан, что, в конечном итоге, способствует преобра-

зованию и обновлению общества, поскольку каждый индивид может принять в этом процессе участие. Выходя на уровень этого нового постнеклассического порядка, в котором хаотический элемент (действия индивида) получает свою реализацию, становится возможным стабильное эволюционное развитие общества. Таким образом, можно согласиться с утверждением В. Л. Романова, что «упорядоченным следует считать такой социум, который открыт для творчества индивидов, восприимчив к возникающим при этом инновациям и реагирует на них структурными изменениями, расширяющими возможности креативного обновления своего компонентного состава и повышающими общую устойчивость в динамичной внешней среде» [Романов В. Л., 2000, с. 44].

Важность человеческого общения как основания социальной самоорганизации также подчеркивает В. И. Ворников, который отмечает, что «самоорганизация социальных процессов предопределяется кооперативным действием производства, общения и мышления людей. В кооперативном влиянии на самоорганизацию все компоненты постоянно изменяют друг друга в этом влиянии. Однако эта общая сентенция не исключает, что определяющим моментом здесь выступает все же не производство и мышление (хотя их и нельзя отрывать от общения, ибо они взаимообусловлены, триедины и образуют целостность), а общение» [Ворников В. И., 2014, с. 53].

Вхождение теории хаоса в социальные науки произошло относительно недавно первая научная монография вышла в 1996 г. под редакцией Л. Киля и Э. Элиота «Теория хаоса в социальных науках» [Chaos theory in the social sciences: Foundations and Applications, 1996, 330 p.]. Авторы этой монографии отмечают, что теория хаоса представляет собой практически единственную область естественных наук, достижения которой могут быть интегрированы в социальное знание. Она, по их мнению, может рассматриваться как способ пояснения

и выявление аспектов нелинейности, неопределенности, непредсказуемости в поведении социальных систем и человека. В этих системах, поскольку они являются сложными и открытыми, постоянно происходит процесс изменения существующих структур, т.е. одни структуры сменяются другими, разрушаются и исчезают, но зато на их месте появляются новые, которые формируют новые формы сложности.

Эта работа представляет собой коллективную монографию, состоящую из четырех частей, в которой каждая часть показывает возможности приложения теории хаоса в той или иной области социально-гуманитарного знания. Так, в ней представлены следующие разделы:

- 1) хаотическая динамика в данных социальных наук;
- 2) теория хаоса и политическая наука;
- 3) теория хаоса и экономика;

4) приложения в социальных науках и управлении социальными системами (Chaos theory in the social sciences: Foundations and Applications).

Также редакторы монографии считают, что социальные науки особенно нуждаются в теории хаоса, поскольку очевидным фактом является нестабильность и слабая предсказуемость социальной реальности, в которой выявление причин и следствий социальных явлений всегда связано с трудностями и сложностями.

В украинской философской мысли одной из первых работ, в которых освещалась синергетика как общенаучная исследовательская программа, была работа И. С. Добронравовой «Синергетика: становление нелинейного мышления» (1990). Она была посвящена исследованию развития синергетики и нелинейного мышления, ставшего основой нового постнеклассического этапа развития науки. С помощью нелинейного мышления, по ее мнению, становится возможным изучать единую «сущность самых разных явлений, рассматриваемых как про-

цесс перехода от неупорядоченности к порядку» [Добронравова И. С., 1990, с. 3]. Таким образом, в работе украинского философа раскрывается эвристический потенциал синергетики, предполагающий ее широкое внедрение как в естественных, так и в социально-гуманитарных науках. Во многом под влиянием этой пионерской работы в Украине началось широкое применение синергетической методологии в область социо-гуманитарного знания.

Так, в 1995 г. вышла монография И. М. Предборской «Неопределенность, социум, человек», в которой были обозначены основные черты новой парадигмы «нестабильности» в социальных науках [Предборська І. М., 1995, 136 с.]. Ее основными характеристиками являются изменчивость, неопределенность, нелинейность, сложность и т. д. В ее рамках общество рассматривается с позиций теории социальных изменений как многомерное, т. е. имеющее пространство для всевозможных социокультурных трансформаций. В таком обществе роль явлений хаотизации, нестабильности оценивается как позитивная и творческая, поскольку без этих процессов, развитие общества становится невозможным. «Имеется ввиду необходимость разработки многомерного представления об обществе на основании парадигмы нестабильности... Мы видим в этом понятии огромный эвристический потенциал и плодотворное методологическое значение. Его использование можно оценить как катализатор интеллектуального переворота в области социальной философии. Понятие «многомерность» по своей сути не является ни экономическим, ни политическим, ни социологическим. Оно выступает как общесистемная цивилизационная характеристика, которая отражает не какой-либо аспект явления, но описывает его целиком» [Предборська І. М., 1995, с. 124].

Концепция «многомерного общества» также предполагает изменение понимания роли социального индивида, поскольку

именно человек становится источником инноваций, трансформаций и преобразований в обществе. Поэтому многомерное общество основывается на идее активности индивида: «многомерность основывается на фундаментальной идее атомизации индивида. Если эту позицию игнорировать, то мы получим плоскую картину многомерного социального феномена... суммируя можно сказать, что система общества более плодотворна и способна к выживанию, чем больше в ней реализованы или могут быть реализованы различные уровни свободы» [Predborska I., 2006, p. 22].

Научная монография И. В. Ершовой-Бабенко «Методология исследования психики как синергетического объекта» (1992) продемонстрировала, что система человеческой психики может быть рассмотрена в качестве нелинейной сложной самоорганизующейся системы [Ершова-Бабенко И. В., 1992, 124 с.]. По мнению автора, психика может быть рассмотрена «как гиперсистема синергетического порядка с фазовой структурой перехода, включая межфазовые переходы нового типа; фазы представлены открытыми нелинейными самоорганизующимися средами разного масштаба и состава: дожизненная, прижизненная (система психической реальности – СПР), послезжизненная фазы, каждая из которых в определенных условиях может проявлять себя как управляющий параметр» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 102]. Это исследование положило начало развитию нового научного направления – психосинергетики – которое открыло важные перспективы в изучении психических феноменов и процессов, показывая их нелинейность, неустойчивость, нестабильность и хаотичность.

Исследования психики как синергетического объекта, проведенного И. В. Ершовой-Бабенко, позволяют сделать вывод о том, что психическая система человека находится в постоянном становлении, развитии и саморазвитии. В основе возникновения системы психической реальности лежат процессы самоор-

ганизации живой природы, определяющие на биологическом уровне как протекание онтогенеза. Поэтому организм человека как биологический носитель сложной системы психической реальности, относится к биологическим целостным системам. Но в то же время в процессах самоорганизации и саморазвития системы психической реальности участвует и социальная составляющая (социальная система как среда), поскольку организм человека, может быть, представлен как личность. Таким образом, «в системе психической реальности имеет место синтез самоорганизующихся структур, входящих в ее состав, т. к. каждая из них относится к самоорганизующимся, саморазвивающимся системам, как на внешнем, так и на внутреннем уровнях. Исходя из этого инструментом анализа психики при исследовании данного объекта могут быть не только принципы системности и сложности, но также принцип самоорганизации и законы системогенеза» [Ершова-Бабенко И. В., 1992, с. 82].

Психосинергетикой сделан первый шаг в попытке перехода от многоаспектного к синтезированному, разнообразному и проблемно ориентированному подходу к исследованию психики человека, а также в исследовании формирующейся в течение жизни психосинергетической стратегии человеческой деятельности и познавательной системы человека. С работой психики, так или иначе связан любой аспект проблемы социальной и интеллектуальной адаптации человека в быстро изменяющемся мире. И. В. Ершовой-Бабенко удалось ввести новый термин в психологию «состояния-аттракторы», описывающий хаотические изменения, возникающие в психике. Причем эти изменения могут быть представлены как динамический хаос, содержащий в себе потенциальную возможность возникновения чего-то. Как отмечает украинский философ, такие состояния возникают в период панических атак. Особенностью этого психического состояния является то, что оно трудно преодолевается, поскольку «характеризуется устойчивым проявлением

(в т. ч. с возвратами, «качелями», колебаниями) состояния панического страха, фиксирующего на себе внимание. Такое состояние ничем не купируется, разве что на короткое время ...» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 129].

Как отмечают И.В.Ершова-Бабенко и Д. М. Козобродова: «в разработке социальной синергетики принимают участие такие украинские философы как И. Донникова, Н. Кочубей, Ю. Мелков, В. Ханжи, А. Семенова и др. Особенностью этого этапа развития синергетических исследований в Украине является акцент на человеке как на исходном начале социальной самоорганизации, «как существе включенном в самоорганизующийся мир» [Ершова-Бабенко И. В., Козобродова Д. М., 2018, с.108].

Таким образом, существенным этапом в развитии социальной синергетики и теории хаоса в Украине стали 2000-е гг., когда начали появляться различные социальные теории самоорганизации общества, человека и культуры. Так, работы украинского социолога Л. Д. Бевзенко, включающие в себя статьи и научную монографию «Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций» (2002) стали теоретической и методологической базой для синергетических исследований в социальном знании [Бевзенко Л. Д., 2002, 437 с] В частности, Л. Бевзенко отмечает, что синергетические категории (нелинейность, нестабильность, точка бифуркации, флуктуации т.д.) позволяют описывать различные состояния общества как системы: состояния, в которых доминирует социальный порядок и стабильность, но также и состояния, в которых начинается дестабилизация, утрачивает основной вектор общественного развития и начинается социальный хаос. «Малые флуктуации, каковыми в социальных системах являются индивидуальные интенциональные действия, подавляются системой (в большей или меньшей мере) в периоды стабильности, сохранения гомеостаза, при-

водя к тому, что в результате «невидимая рука», по выражению А. Смита, сводит все к системной организованности, не замышлявшейся никем из социальных акторов. Здесь следует говорить о системном детерминизме, его доминировании над социальным действием. Но в моменты кризисов, социальных бифуркаций те же флуктуации становятся значимыми и могут повернуть колесо социальной истории. Личность, индивидуальное действие, выступая в качестве случайной судьбоносной для системы флуктуации, становятся определяющими для выбора путей дальнейшего системного движения. Правда, результат тоже часто не совпадает с замыслом автора (в данном случае – конкретного социального актора), но всегда помечен его индивидуальностью» [Бевзенко Л. Д., 2002, с. 88-89].

Дискуссии о внедрении синергетической парадигмы и теории хаоса в сферу педагогики и образования в настоящее время еще продолжаются, хотя усилиями таких исследователей как В. Кремень, В. Лутай, Л. Горбунова, А. Вознюк, А. Семенова сделан большой вклад во внедрение синергетических идей в педагогику и образование. Так, В. Кремень считает, что несмотря на новизну концепции хаоса в традиционном образовании, тем не менее, она предлагает ряд новых методов, способствующих решению многих важных вопросов в теории и методологии образования. «Синергетическое образование стремится исследовать, каким образом в ходе эволюционного процесса в результате динамического взаимодействия разных сил становится возможным внутрисистемное (эндогенное) возникновение «хаоса», а также каким образом, в образовательных системах, далеких от равновесия, развиваются сложные структуры: спонтанные, неравновесные и сложноорганизованные, зависящие от времени» [Синергетика і освіта, 2014, с. 60]. Действительно, хотя образование имеет свой особый «космос» (т. е. образовательное пространство, организованное определенным образом), оно также неразрывно связано с хаосом, поскольку

система образования глубоко укоренена в различных социальных связях и отношениях, включающих личность, общество и культуру. Поэтому, по мнению В. Г. Кременя, «синергетичность образования обусловлена его связанностью со всеми сферами жизнедеятельности общества (культура, политика, экономика, социальная психология и т. д.). Также французский философ Э. Морена указывает, что именно образование в современном мире «должно стать первым и универсальным построением, направленным на понимание человеческого общества» [Морен Э., 2007, с. 44].

Концепция «парадигмального моделирования» в профессиональной подготовке будущих учителей была разработана А. В. Семеновой [Семенова А. В., 2009, 42 с.]. Она опирается на синергетический подход и представляет собой методику применения парадигмального моделирования в образовательном пространстве педагогического учебного заведения. «Синергетический подход обеспечивает возможность ликвидации противостояния технического, естественнонаучного и гуманитарного образования с фундаментализацией содержания всего учебного процесса высшей школы через концепцию парадигмального моделирования» [Семенова А. В., 2009, с. 4].

Таким образом, задачи, стоящие перед современной системой образования действительно сложные и неоднозначные, и требуют новых стратегий и методов. Американский исследователь С. Бейкер выдвигает некоторые положения теории хаоса, которые могут быть использованы в образовании: 1). теория хаоса может объяснить нелинейные аспекты развития сложной системы; 2). теория хаоса объясняет как незначительные изменения начальных условий имеют довольно значительные последствия в конце («эффект бабочки»); 3). теория хаоса имеет отношение к открытым системам [Baker S., 1995].

Кроме того, как указывает М. Катрайт, теория хаоса касается такого важного аспекта как планирование в системе обра-

зования. Она вносит свои корректировки в этот процесс, поскольку показывает, что долговременные планы в образовании возможны лишь в ограниченной мере. Более того, они должны быть гибкими, вариативными и не содержать мелких деталей [Cutright M., 1997]. Теория хаоса также, по мнению М. Катрайта, радикально меняет наше отношение к будущему: будущее не является заранее установленным (спланированным), а созданным, оно всегда находится в процессе конструирования. Это положение теории хаоса о невозможности точного предсказания будущего не должно, по мнению М. Катрайта, дать основания для полного отказа от планирования. Наоборот, в нелинейном планировании есть осознание того, что планирование – это творческий процесс, в котором все его участники осознают, что внутренние и внешние факторы являются творческими элементами будущего [Cutright M., 1997].

В философии образования синергетические идеи развиваются украинским философом Л. Горбуновой, которая предлагает концепцию трансформативного образования [Горбунова Л., 2015, 710 с.]. «Именно трансформативный подход является релевантным для человека, который находит себя в динамических, переплетенных потоках трансформирующих систем, которые накрывают острова жизненного мира, смывая, обесценивая и уничтожая смысл жизни индивида. Трансформативное образование помогает индивиду, с одной стороны, раскрыть его собственный потенциал как номадической, трансверсальной личности, которая благодаря способности к трансгрессии бесконечно завоевывает новые культурные просторы, с другой – развить способности к коммуникации и взаимопониманию с целью выстраивания новых общих смыслов и ценностных ориентаций» [Горбунова Л. С., 2017, с. 316]. Безусловно, что такой подход находится в русле синергетических позиций: он характеризуется открытостью, нелинейностью, изменчивостью, сложностью, и т.д. По своей сути, он предпо-

лагает самоорганизацию личности, задействуя механизмы конструирования, перестраивания, перехода от одной смысловой структуры к другой. Трансформативное образование невозможно без сложной и разветвленной системы коммуникаций, в которой, собственно, личность обучаемого формирует новые смыслы. Эти смыслы не даны заранее, но они отыскивают и воплощают в новые структуры порядка, противопоставляя их постоянно изменяющейся внешней среде.

Таким образом, «характеризуя синергетическое образование, можно отметить, что оно является открытой нелинейной системой, в развитии которой чередуются равновесный и неравновесные этапы, которые соотносятся как «порядок» и «хаос». Выделяют несколько уровней специфической сложности синергетического образования, которые формируют ее «нелинейность»: становление инновационного-информационного типа роста; переход от неоклассического к постнеклассическому типу рациональности, который является выражением самодостаточности образовательной системы, ее способности к саморазвитию. Это связано с принципом увеличения интеллектуальной активности всех, кто принимает участие в учебном процессе. Следовательно, рост активности всех ветвей общества становится главным условием его способности к социальному, культурному, духовному возрастанию (саморазвитию)» [Кремень В. Г., 2014, с. 63].

Применение синергетического подхода в современной педагогике имеет важное значение для организации учебно-воспитательного процесса, для деятельности управления и моделирования образовательных систем. Идеи и концепции синергетики позволяют по-новому представить учебный процесс как процесс самоорганизационный, в котором происходит сотрудничество педагога и учащихся на основании принципов нелинейности, открытости, сложности, неустойчивости. Поскольку личность учащегося представляется как сложная

открытая неустойчивая система, имеющая внутреннюю активность, способность к саморазвитию и усложнению своей структуры, самоуправление и креативность.

Опора на самоорганизующуюся личность присуща и концепции И. А. Донниковой, в которой предлагается исследовать процесс социальной самоорганизации в контексте построения новой коммуникативной онтологии, позволяющей выявлять интересубъективные связи и отношения, возникающие в «вертикальном» и «горизонтальном» направлениях в социуме [Донникова И., 2011, 280 с.]. Это открывает возможности и перспективы для описания культурной сущности социальной самоорганизации. Культура представляется не просто самоорганизующимся механизмом, состоящим из различных индивидуальных образований, но также и самого человека следует рассматривать как самоорганизующуюся целостность. Его жизненный мир конституируемый символическими культурными смыслами и формами, развиваясь в коммуникации с другими создает условия формирования социальной самоорганизации. «В познании сложного мира как самоорганизующейся целостности, включающей человека, актуализируется интересубъективный характер познавательной деятельности, понимание ее как отношения «Я» и «Другого», в котором «Другое» – это неотделимый от человека познаваемый мир... Познавая самоорганизующийся мир, человек и себя должен осознать некой развивающейся формой, возникающей из диссипаций, флуктуаций и бифуркаций» [Донникова И., 2015, с. 163].

Рассмотренные выше различные концепции украинских философов, социологов, психологов, педагогов, методологов и др. конца XX – начала XXI вв., показывают обоснованность применения синергетического подхода в социально-гуманитарных науках. В рамках этого подхода, как одно из ключевых его звеньев, теория динамического (детерминированного) хаоса может быть включенной в социально-гуманитарные иссле-

дования. Более того, интересным представляется тот факт, что определение «хаоса», которое стало использоваться в разных областях социально-гуманитарного знания перешло именно из синергетики, а не из философского словаря. Естественнонаучные теории под влиянием, которых сформировалась синергетика, выработали свой теоретический аппарат для исследования сложных нелинейных самоорганизующихся систем. Именно этот аппарат оказался востребованным в современных социально-гуманитарных дисциплинах.

2.2. Методологические основания исследований социального хаоса

Область социального знания традиционно выступает в авангарде социо-гуманитарных наук, поскольку все социальные теории так или иначе связаны с актуальным бытием человека в мире, с его насущными проблемами, а также с его надеждами и перспективами на будущее. Поэтому вопросы социальной природы человека, его способности к коммуникации, установлению социальных связей и отношений, вопросы устройства и функционирования общества, политической власти и т.д. относятся к «вечным» социально-философским вопросам, начиная с периода Античности. Появление социологии и приобретение социальным знанием статуса научности наряду с естественными науками в XIX в., с одной стороны, было подведением некоторого итога более чем двухтысячелетнего развития социально-философского знания. С другой, попыткой, предпринятой О. Контом, построения социальной науки по классическому образцу естественнонаучного знания, с его ориентацией на объективность, закономерность, причинность, т.д. Однако, в полной мере, реализовать контовский проект «социальной физики» не удалось, и в социальных теориях

стали использовать различные теоретико-методологические подходы из разных дисциплин, начиная от феноменологии и герменевтики и заканчивая общей теорией систем и кибернетикой.

На современном этапе развития социального знания сложилась достаточно пестрая и мозаичная картина социальных теорий и практик, которые представляют собой широкий спектр интерпретаций социальной реальности, который невозможно редуцировать к одной какой-либо научной традиции или направлению. В связи с этим можно согласиться С. И. Платоновой, что «в настоящее время в социальной науке сложилась особая когнитивная ситуация, которая характеризуется мультипарадигмальностью социального познания и переходом от монистической интерпретации социальной реальности к плюралистической. Чтобы принимать и понимать постсовременный мир, можно использовать разные подходы и проводить исследования в разных парадигмах» [Платонова С. И., 2014, с. 180].

Современный этап развития социального знания также получил название «постнеклассический», поскольку он допускает множественность и плюрализм в теоретических подходах и стратегиях, направленных на описание и объяснение социальной реальности. Но этот плюрализм не является только результатом различных исследовательских установок, принципов и предпосылок познания, т.е. он не носит только гносеологический характер. Но он обращен и к онтологическому аспекту: современный мир является сложным и многомерным, в нем существуют не только «социальные неравенства между современными обществами, но и разные социальные уклады, социальные миры. *Мир не только неравный, мир разный*» [Платонова С. И., 2017, с. 137].

Действительно, тенденция глобализации сосуществует сегодня наряду с противоположной ей тенденцией к сохранению

локальных социо-культурных целостностей. Это позволило ввести в научный оборот такой термин как «глокализация» (Р. Робертсон), представляющий соединение двух понятий «глобализации» и «локализации». Интересной интерпретацией и объяснением сложных процессов глобализирующего мира представляет собой концепция П. К. Гречко, в которой он указывает источник современных противоречий: «процесс глобализации в современном мире вряд ли является сплошным, фронтальным. Структура глобализации дискретна, прерывна. Состоит она из отдельных интенсивностей (концентраций, кристаллизаций). Их-то мы и называем анклавами (ячейками-анклавами)» [Гречко П. К., 2006, с. 47]. Деление на анклавы и периферию, по мнению П. К. Гречко, и составляет особенность глобализационных процессов и создает главную трудность их постижения. Понятием «анклав» обозначается выделенная территория, где интенсивно проходит коммуникация и глобализация, и где активно развиваются новейшие технологии. Но анклав полностью оторван от периферии, т.е. других территорий, незатронутых глобализацией и живущих в собственном историческом ритме и времени. Анклав и периферия представляют собой два разных способа жизни в современном мире, два полюса, у них разное переживание исторического времени, они имеют разные степени развития, их цели и интересы также различны и т.д. Анклав и периферии даже «плохо, а то и вовсе не понимают друг друга» [Гречко П. К., 2006, с. 47].

Следовательно, как считает автор, «можно представить себе такую картину: 70% населения земли живет в прошлом (разном прошлом), 25% – в настоящем (в современности), 3% – в будущем, ну а остальные просто маргиналы – они выпадают из всякого времени. Так что ситуация наша – не классическое «распалась связь времен», а скопление, нагромождение разных времен и очень сложная диалектика их взаимосвязи. На узко профессиональном языке это звучит как симультантность, или

одновременность разновременного» [Гречко П. К., 2006, с. 48-49].

Таким образом, возвращаясь к социальным исследованиям, можно отметить, что методологический арсенал социальных наук нуждается в полипарадигмальности и новых эпистемологических принципов, позволяющих изучать эти сложные и переплетающиеся социально-политические, экономические, культурные взаимосвязи и отношения, возникающие в социальной реальности. На этом основании в социальных науках появляется необходимость в появлении нового нелинейного мышления, нового синергетического мировоззрения: «синергетика является одной из современных исследовательских программ, программой междисциплинарных, или трансдисциплинарных, исследований. Судя по всему, именно эта область знания инициирует глубокие изменения в методологических основаниях современной науки, в философском взгляде на мир, в самом стиле научного мышления. Сегодня формируется некий новый нетрадиционный взгляд на мир — синергетическое видение мира» [Князева Е. Н., 2000, с. 244].

Синергетическое видение предполагает переход от традиционного понимания бытия как ставшего, уже сформированного и упорядоченного к бытию-становлению, к взаимному со-существованию нового и старого, к исследованию процессуальности и неопределенности, и неустойчивости. «В новой – синергетической – картине мира акцент падает на становление, коэволюцию, когерентность, кооперативность элементов мира» [Князева Е. Н., 2000, с. 244]. Поэтому в научный лексикон социального знания входят такие понятия как «социальный хаос», «социальный порядок», «социальная самоорганизация», «бифуркация», «флуктуации», и многие другие. Таким образом, в рамках синергетического видения социальной реальности проблема «социального хаоса» получает свое выражение и объяснение. Более того, несмотря на то, что само

понятие «хаос», которое в значении беспорядка, разрушения, нарушения функционирования и др., существовало в социальных науках ранее, тем не менее, следует согласиться с мнением В. В. Васильковой, что «теоретический и методологический прорыв в соотношения проблемы порядка и хаоса.. был связан с появлением синергетики» [Василькова В. В., 1999, с. 5].

Действительно, вопросы социального порядка и беспорядка были затронуты еще Н. Маккиавелли в работе «История Флоренции» (1532), в которой он предлагает идею циклической периодизации социального развития: «переживая непрерывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку. Поскольку уж от самой природы вещам этого мира не дано останавливаться, они, достигнув некоего совершенства и будучи уже не способны к дальнейшему подъему, неизбежно должны приходить в упадок, и наоборот, находясь в состоянии полного упадка, до предела подорванные беспорядками, они не в состоянии пасть еще ниже и по необходимости должны идти на подъем. Так вот всегда все от добра снижается ко злу и от зла поднимается к благу. Ибо добродетель порождает мир, мир порождает бездеятельность, бездеятельность – беспорядок, а беспорядок – погибель и соответственно – новый порядок порождается беспорядком, порядок рождает доблесть, а от нее проистекают слава и благоденствие» [Маккиавелли Н., 1987, с. 5]. Строя цепочку взаимных превращений порядка и хаоса, итальянский мыслитель не дает другого объяснения, кроме как ссылку на «природу» вещей, т.е. не раскрывая внутреннего механизма этих изменений.

Циклическая картина развития обществ Н. Маккиавелли не получила широкого распространения, поскольку была вытеснена другой концепцией развития, предлагавшей путь упорядочивания хаоса и утверждение всеобщей системы социального порядка, которая мыслилась как наиболее совершенное

состояние общества. Так, уже Т. Гоббс ввел эту новую модель социального устройства на основании одномоментного акта «подписания общественного договора». В «Левиафане» английский философ предлагает избавиться от всеобщего хаоса – «войны всех против всех» – на основании преодоления индивидуальной свободы, т.е. заключения «общественного договора», в котором государство утверждается как единый управляющий центр, создающий и поддерживающий социальный порядок [Гоббс Т., 2000.]. Эта модель социального порядка за счет преодоления индивидуального хаоса стала основной в социальном знании в классический период его развития. Более того, у социальных философов XVIII-XIX вв. и классиков социологии (О. Конт, Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, К. Маркс и др.) она получила дальнейшее развитие. Например, О. Конт, разделяя социальное знание на две части: социальную статику и социальную динамику, тем не менее, считал, что динамика предполагает лишь развитие статики, которая обеспечивает утверждение и сохранение социального равновесия и порядка [Соболевская М. А., 2013].

Социальная статика исследует структуру человеческого коллектива и условия существования присущие всем человеческим обществам, а также она формирует для них всеобщие законы гармонии.

Для Э. Дюркгейма социальный порядок в обществе основан на понятии «солидарности»: «очевидно и общепризнано, что социальная солидарность в той или иной форме всегда находилась в центре внимания Дюркгейма. Собственно, для него она выступает как синоним нормального состояния общества, а ее отсутствие – как отклонение от него или социальная патология. Тема солидарности проходит красной нитью через все его творчество. Его первый лекционный курс в Бордоском университете, прочитанный в 1887-1888 гг., не случайно назывался «Социальная солидарность», а докторская диссертация «О

разделении общественного труда» (1893) была посвящена этой же теме» [Гофман А. Б., 2013, с. 113].

Т. Парсонс также считал проблему социального порядка одной из важнейших в социальной теории, называя ее «гоббсовой проблемой», поскольку, по его мнению, именно Т. Гоббс впервые вскрыл противоречия, возникающие при формировании общества, состоящего из автономных, рационально мыслящих и свободных индивидуумов, в единое целое. И для него решение Гоббса представлялось неубедительным, из-за его недолговечности и возможности возврата к исходному состоянию хаоса: «относительная устойчивость настоящего положения вещей определяется постоянным напоминанием о возможности погружения в хаос, а следовательно, условности и ненадежности существующего порядка» [Будрайтскис И., 2019]. Ведь единственной силой, поддерживающей порядок в концепции Гоббса, является принуждение граждан со стороны государства к сохранению общественного договора и введению санкций против тех, кто не хочет подчиняться. Но известно, что любая социальная система, основанная на принуждении не может долго и стабильно развиваться.

Поэтому американский социолог предложил специфически социологическое решение проблемы порядка, утверждая, что для каждого общества следует создать совместно разделяемую систему норм и ценностей. «...именно эта intersubjectively значимая система ценностей делает возможным заключение и выполнение долгосрочных обязательств акторов друг перед другом, без чего непредставима никакая кооперация в качестве реалистической опции. Ведь если все субъекты социального действия будут преследовать лишь эгоистические цели,... тогда общественная интеграция становится в принципе невозможной, поскольку автоматически возникает неразрешимая проблема их (рационального) недоверия друг к другу» [Кильдюшов О., 2016, с. 135]. Однако и эта позиция уязвима

для критики, поскольку непонятно каким образом, эта нормативно-ценностная система должна быть заданной в обществе.

Таким образом, проблема социального порядка, которую пыталась решить социально-философская мысль на протяжении нескольких столетий остается актуальной и в настоящее время. «В этом смысле формулировка Парсонсом Гоббсовой проблемы является продолжением длительной интеллектуальной традиции тематизации порядка как остро актуального в условиях Модерна вопроса как для социальной теории, так и политической практики. И сегодня в еще меньшей степени, чем в период формирования канона социологической классики, есть основания полагать, что эта проблема может быть окончательно решена или снята с теоретической или общественной повестки дня» [Кильдюшов О., 2016, с. 142].

Поэтому предпринимались попытки ее решения в рамках постклассических социальных теорий П. Бурдьё, А. Гидденса, П. Бергера, Т.Лукмана и др. Как отмечает Рубанов А. В.: «современные философы отделились от дюркгеймовской традиции отдавать приоритет структурным детерминантам социальных процессов и стали подчеркивать активную роль членов общества, индивидуально и коллективно участвующих в общественной жизни и влияющих тем самым на ее протекание и развитие. В результате их совместных интеллектуальных усилий функционирование и развитие общества сегодня рассматривается как общий итог действий всех социальных агентов (субъектов)» [Рубанов А. В., 2017, с. 53]. Иными словами, акцент в современных исследованиях переместился с поиска стабильных и неизменных структур на исследование человеческих действий, т.е. с изучения неподвижных элементов социальной жизни на динамические аспекты функционирования общества. Это привело к новой интерпретации самого понятия общество – во-первых, оно стало рассматриваться с точки зрения, происходящих в нем изменений. Во-вторых, причины

этих изменений определяются как активность социальных индивидов, которые создают различные конфигурации социальных структур, изменяющиеся во времени. Следовательно, современные социальные теории делают акцент на изменчивости, текучести (З. Бауман), структуризации (А. Гидденс), и т.д.

Введение синергетики как теории самоорганизации стало значимым для современной социальной теории, поскольку в ней предлагается новый взгляд на проблему социального порядка, исходя из фундаментального положения о единстве и неразрывности порядка и хаоса. «Синергетическую теорию самоорганизации можно считать наиболее полной, интегральной теорией порядка и хаоса, потому что она исследует различные фазы (этапы) эволюции порядка (его возникновения, развития, самоусложнения и разрушения) и проявления различной роли хаоса на этих этапах» [Василькова В. В., 1999, с. 188-189]. Чтобы дать синергетическое описание социального порядка и социального хаоса, прежде всего, необходимо обратить внимание на новую трактовку этих понятий в синергетике, возникающую под влиянием естественных наук. Особенно это применимо к понятию «хаос», поскольку оно получает иное значение.

Прежде всего, социальный хаос – это «не конгломерат умертвленных образований, а живой, динамичный беспорядок изменяющихся процессов и соответствующих им рождающихся, функционирующих и отмирающих социальных общностей. Социальный хаос – это не какая – то аморфность, неопределенность. Напротив, – обнаруживаются самые разнообразные особенности, специфические характеристики...» [Тишин А. И.] Во-вторых, социальный хаос отличается от беспорядка: «это важно понимать различие между хаосом и беспорядком. В общепринятом употреблении «хаос» является синонимом «отсутствия порядка». В математическом смысле, однако, хаос скорее является «порядком без периодичности и стабильности» [Colijn С., 1999]. Можно также использовать

определение «хаоса» Э. Ласло: «в своём терминологическом значении «хаос» используется для обозначения тонкого, сложного и необычно чувствительного порядка...или как сложной непредсказуемой формы порядка» [Ласло Э., 1995, с. 4]. В-третьих, «хаос – не аномальное, а вполне закономерное, естественное состояние, типичное для всех социальных систем. Он периодически наступает систему. И эта неизбежность делает его скорее правилом, чем исключением в социальной жизни индивидов и сообществ» [Бачинин В. А., 2003].

Впервые предметом философского анализа понятие «социальный хаос» стало в диссертационной работе Л. Бляхера «Социальный хаос: философский анализ и интерпретация» (1998). Предлагая свою концепцию социального хаоса, автор опирался на концепцию хронотопа М. Бахтина и рассматривал хаос с позиций коммуникативного подхода. Поэтому он определял социальный хаос через понятие социального порядка: «в период, когда одна социальная система уже разрушена, а другая еще не сложилась, возникает особое качественное состояние социального хронотопа – социальный хаос» [Бляхер Л., 1998, с. 8]. Особенность хаоса как состояния общества заключается в том, что оно является деструктивным, в нем происходит потеря прошлого порядка и возникают такие явления как «атония» и «ахрония». «Атония» означает разрыв социального пространства на локальные топосы, т.е. нарушение целостности общества и его системы коммуникации. Автор обращает внимание на то, что «атония» приводит к распаду общезначимых смыслов в результате их рассогласования, «автономного дрейфа по несогласованным траекториям» [Бляхер Л., 2005, с. 16]. «Ахрония» указывает на «безвременность», т.е. разрушается интерсубъективность временной шкалы и индивиды оказываются в ситуации, когда прошлое, настоящее и будущее «постоянно и бессистемно меняются местами» [Бляхер Л., 1998, с. 12].

В периоде социального хаоса, по мнению Л. Бляхера, формируются особые социальные страты (пространства), в которых все же возникают очаги социальной коммуникации, однако, эти локусы – виртуальны. Иными словами, они возникают только в ходе особой кризисной коммуникации (социальный хаос), в прошлом докризисном состоянии общества их еще нет, а новом упорядоченном состоянии их уже нет. Единственное методологической базой, которую определяет автор, как соответствующую для исследования этих виртуальных пространств, становится «парадигма» М. Бахтина, точнее его теория высказывания, которая показывает как возможно образование новых смыслов и высказываний в ситуации общения «Я» и «Другой». Таким образом, в концепции Л. Бляхера социальный хаос представлен как «нехороший период» между двумя порядками» [Воробьев Г. А., 2017, с. 40]. По мнению Л. Бляхера, «к категории хаоса восходят такие понятия, как энтропия, аномия, катастрофа, катаклизм, социальный взрыв, обозначающие различные грани и аспекты распада социальных структур, когда в атмосфере тотальной деструкции исчезает очевидная логика происходящих событий, когда в катаклизмах вздыбившегося мира начинает сталкиваться все со всем, а людям начинает представляться, будто разрушается сама субстанция цивилизации и наступает «конец света» [Бляхер Л., 1998, с.16].

Среди сторонников данного подхода к социальному хаосу можно назвать Павлова П. А. и Павлова А. П., которые определяют социальный хаос с онтологических позиций: «социальный хаос есть характеристика состояния человеческого бытия, «выпадающего» из событийного хронотопа социального миропорядка. Событие – есть состояние совместности, присутствия людей, мир, который человек разделяет с другими» [Павлов П. А., Павлов А. П., 2015, с. 137]. Поэтому период социального хаоса сопровождаются такие явления как изменение исторического времени, разрывы межпоколенных связей и от-

ношений, разрушение общезначимых социальных установок и мифов, разрыв социальной солидарности, нечувствительность к другим индивидам, т.д. Все эти явления, по мнению авторов, приводят к еще более отрицательным последствиям, к разрушению социальной реальности, социального порядка как сопричастности и событийности. «Это приводит к тому, что акторы социального порядка выпадают из процесса социального воспроизводства, поскольку утрачивают способность распознавать социальную реальность, которая «дробится», размывается, трансформируется в схематизмы, симулякры. Наступает «время (точнее безвременье) «ненаходимости», нечувствительности акторов к социальному миру и, в конечном счёте, к самому себе, к собственному бытию» [Павлов П. А., Павлов А. П., 2015, с. 139]. Таким образом, социальный хаос в этом случае представлен как определенный «онтологический кризис», который охватывает общество и приводит к разрушению социальных связей и отношений, потере социальной солидарности, общих смыслов и т.д. Значение социального хаоса представлено как полностью деструктивное и отрицательное, социальный порядок указан как единственное условие существования общества, его фундаментальная основа. При этом важным компонентом социального порядка является наличие общего пространства социальной коммуникации между индивидами, что проявляется в социальной солидарности.

Однако такая трактовка социального хаоса как разрыва социальности нуждается в пересмотре, поскольку она строится на модернистских основаниях классических социальных теорий, отдающих приоритет порядку над хаосом, провозглашающих одномерность конституирования социальной реальности. В то время как в современной трактовке социальность является сложной и многомерной, в которой присутствует социальная топология, т.е. разделение социального пространства на различные локальные пространства. Более того, историческое

время в современном социуме также неоднородно. Поэтому сегодня происходит переход к плюралистической онтологии социальной реальности, что более соответствует сложному и глобальному миру.

В синергетической концепции В. Бранского, предложенной им в работе «Социальная синергетика как постмодернистская философия истории» (1999), понятие социального хаоса приобретает совершенно иной смысл. Он считает, что хаос «обладает творческой силой, способностью порождать новый порядок» [Бранский В., 1999, с. 118]. Однако этот порядок не является следствием некоторого внешнего воздействия на общество и его структуры, но, наоборот, порядок порождается спонтанным образом на основе процесса самоорганизации общества. Благодаря самоорганизации, по мнению В.Бранского, состоящей из одновременного действия двух противоположных процессов – иерархизации и деиерархизации, в обществе возникают новые структуры. «Иерархизация представляет собой последовательное объединение элементарных диссипативных структур в диссипативные структуры более высокого порядка; деиерархизация – последовательный распад сложных диссипативных структур на более простые. Практически это проявляется, в частности, в периодическом образовании грандиозных империй и их последующем катастрофическом распаде. Однако подобная картина наблюдается не только в сфере политических, но и любых других социальных институтов» [Бранский В., 1999, с. 118]. Основным моментом регулирующим самоорганизацию в обществе является социальный выбор, который в свою очередь, зависит от природы социальной системы и от характера внешней среды, взаимодействующей с ней. В этом случае, социальный хаос выполняет функцию «кипящего котла», в котором созревают новые социальные структуры, что выводит общество на новую ступеньку развития.

В работе В. В. Васильковой «Порядок и хаос в социальных системах» (1999) также рассматривается роль социального хаоса, как основного элемента необходимого для упорядочивания и развития социальной системы. При этом автор выделяет конструктивную и негативную сторону хаоса: «...хаос играет различную роль (как разрушительную, так конструктивную) в организации порядка на разных этапах порядкоформирования» [Василькова В. В., 1999, с. 5]. Более того, когда установлен социальный порядок в системе хаос «не исчезает», а присутствует на микроуровне, т.е. система представляет собой в целом синтез порядка и хаоса: на макроуровне создается упорядоченность, но на микроуровне сохраняется хаотичность. Эта хаотичность становится важным компонентом развития системы, поэтому «хаос надо понимать и принимать: понимать его созидательную роль в микроорганизации и принимать как общий и неизбежный элемент в общей картине мироздания» [Василькова В. В., 1999, с. 6].

В работе украинской исследовательницы Л. Д. Бевзенко «Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций» (2002) указывается на существование двух видов порядков в социальной системе: организационного и самоорганизационного. Процесс поддержания этих порядков различен: в первом случае действуют традиционные методы – законы, проекты, нормы, указы и т.д., все то, что внешним образом регулирует жизнь индивида и общества. Второй уровень связан с желаниями, переживаниями индивида, его вовлеченностью в мифы, игры, другие различные формы активности, которые связаны с иррациональными мотивами и побуждениями.

Стабильность и нестабильность развития общества зависит от меры его «энтропии» и ее проявлений на каждом из уровне порядка: «...мы будем утверждать, что основную, базисную роль в образовании и удержании общего социального

порядка играют самоорганизационные механизмы. Организационные механизмы могут работать эффективно только при условии опоры на знание законов самоорганизации. В противном случае, порождаемые организационно проекты будут разрушаться оставаться нереализованными в силу все той же внутренней активности среды, в данном случае работающей на сопротивление» [Бевзенко Л. Д., 2017, с. 10]. Поэтому часто общество, которое представляется организованными внешним образом, может быстро разрушиться и изменится под влиянием казалось бы незначительных факторов. В действительности в таком обществе за внешней низкой энтропией на организационном уровне, происходит возрастание социальной энтропии на самоорганизационном, что, собственно, и приводит в конечном итоге к распаду общества.

Связывая социальный хаос с понятием социальной энтропии, Л. Бевзенко показывает, как можно регулировать социальный хаос, определять его меру и на этом основании стабильность или нестабильность того или иного общества. «У понятия «энтропия» есть несколько очень важных назначений. Во-первых, это задача отражать связь между системным порядком и хаосом: не случайно, согласно наиболее распространенной дефиниции, энтропия – это мера системного хаоса. Но для нас важным является и другое назначение этого понятия – способность органично связывать микро- и макроуровни социальной системы» [Бевзенко Л. Д., 2017, с. 12]. Таким образом, в концепции Л. Д. Бевзенко социальный хаос имеет вполне четко определяемую меру – социальную энтропию, что позволяет не просто констатировать факт действия самоорганизационных механизмов в обществе, но и определять их уровень развития, делая затем заключение о стабильности и нестабильности общества в целом.

Также в диссертационном исследовании Н. О. Омельченко впервые в Украине понятие социального хаоса и его эксплика-

ций изучается с помощью социально-философского анализа. Так, по мнению Н. Омельченко, социальный хаос представляет собой «состояние сложной нелинейной социальной системы, которое отражает доминирование процессов дезорганизации над процессами организации и специфическое положение развития социальной системы, в которой происходит переход в новое качество структур и процессов, обусловленное существенными характеристиками нового социального порядка» [Омельченко Н., 2006, с. 7]. Кроме того, социальный хаос способствует трансформации социальной системы, которая является открытой и сложной, склонной к самоорганизации. По мнению автора, действующей силой хаоса является деятельность по удовлетворению потребностей личности и общества, поэтому в структурах социальной системы, которые неадекватны этим потребностям возникают процессы дезорганизации. Новая социальная структура появляется в результате установления нового порядка через хаос, который возникает в результате обострения противоречий между процессами организации и дезорганизации. Таким образом, согласно Н. Омельченко, социальный хаос проходит следующие стадии: социальный кризис, социальный взрыв и деструкция, что показывает его закономерный характер. Но в разных исторических обществах социальный хаос проявляется по-разному: «решение противоречий между процессами дезорганизации и организации в исторической динамике зависит от процессов глобализации и интеграции, которые обуславливают чувствительность конкретного общества к социальным трансформациям, происходящим в других социальных системах» [Омельченко Н., 2006, с. 12]. Трансформации самой социальной системы также могут носить различный характер, это зависит, по-первых, это стадии социального хаоса, т.е. чем глубже хаос, тем радикальнее и масштабнее изменения. Во-вторых, от сферы социальных противоречий в обществе, политическая, экономическая, социаль-

ная, духовная и др. Наконец, автором был проделан анализ развития социального хаоса в современном украинском обществе в 2001-2005гг. и показаны пути его преодоления.

Наиболее полно, по нашему мнению, представлены конструктивные характеристики социального хаоса Спицей Н.В.: «во-первых, он необходим для выхода системы на один из аттракторов, на одну из возможных структур. Во-вторых, составляет основу механизма объединения простых структур в сложные, механизма согласования темпов их эволюции. Он выступает здесь как способ усложнения организации и способ гармонизации темпов развития разных фрагментов сложной структуры...В-третьих, он может выступать как механизм переключения, смены разных режимов развития системы, переходов от одной относительно устойчивой структуры к другой. Он, наконец, замыкает циклы взаимного переключения режимов, поскольку распад сложных структур через неустойчивость вблизи момента обострения является неминуемым, хаос в этом аспекте проявляется как способ выживания системы» [Спица Н. В., 2010, с. 160].

Таким образом, методологические основания исследования социального хаоса связаны с синергетикой как общенаучной исследовательской программой, позволяющей эксплицировать на область социального знания теории и концепции из естественных наук, в частности теорию динамического хаоса. На ее основании в социальных науках была предложена концепция «социального хаоса», которая получила в современных социально-философских исследованиях широкое распространение. Кроме того, постнеклассический этап развития социального знания представлен теориями П. Штомпки, П. Бурдые, А. Гидденса, П. Бергера, Т. Лумана и др. показал необходимость исследования проблем социального порядка с помощью новых методологических принципов, поскольку предыдущие классические теории О. Конта, Г. Спенсера,

Э. Дюркгейма, К. Маркса и др., давали одномерную картину социальной реальности. Сегодняшний мир выходит за узкие «теоретические» рамки классических теорий, поскольку он отличается нестабильностью, изменчивостью, многомерностью, сложной топологией социального пространства и неоднородностью исторического времени. Следовательно, полипарадигмальность и трансдисциплинарность становятся важными характеристиками современного социального познания.

В связи с этим теория социальной самоорганизации, предложенная в рамках синергетического подхода, позволяет расширить теоретико-методологический арсенал социальных наук. Поэтому в социальное знание входят такие понятия как «социальный порядок», «социальный хаос», «социальная самоорганизация», «социальная сложность», «бифуркация», т.д. Теория социальной самоорганизации дает новое видение процессам социальных трансформаций и изменений, поскольку она раскрывает важнейшую роль хаоса в установлении нового социального порядка, представляющего собой усложнение и развитие социальной системы на структурном уровне. Социальный хаос, по нашему мнению, является необходимым и постоянно присутствующим элементом сложной самоорганизующейся социальной системы, который способствует ее изменению и развитию.

2.3. Психосинергетические стратегии взаимодействия с хаосом

Многомерность человека предполагает наличие ряда определенных положений, которые являются ключевыми при анализе человека как социального субъекта в социальной теории. Одним из этих положений является тезис о том, что психическая деятельность человека оказывает существенное

влияние на социальное поведение индивида и определяет его во всем многообразии социальных связей и отношений. Психология как наука, предметом которой являются психические процессы и феномены человеческой деятельности (его поведение, общение, т. д.), имеет много общего с социально-философским познанием. Поскольку в социальной философии предметом познания является личность, а значит оно также направлено на понимание причин (мотивов) поведения и взаимодействия людей (индивида). В этой связи можно отметить, что классическое определение психики как субъективного отражения объективной действительности, выдвинутое в философии и психологии в XX в., коррелирует с классическими социально-философскими теориями (К. Маркса, О. Конта, др.). В этих теориях роль личности в социуме ограничена и сведена к минимуму, а основное внимание уделяется анализу общества. Также и в теории отражения личность пассивна по отношению у действительности, она способна только к ее восприятию. Однако развитие научного знания не остается на месте и в психологии сегодня происходят значительные изменения, касающиеся определения психики и методов ее изучения. Так же и в силу внешних факторов и взаимовлияний психологии и философии, психологии и социологии и т. д. происходит переход от классических психологических теорий к постнеклассическим.

Например, Ю. Зинченко, И. Первичко указывают, что постнеклассический этап развития психологического знания связан с работами В. С. Выготского и А. Р. Лурии: «для придания большей целостности картине масштабных научных идей Л. С. Выготского и А. Р. Лурии и допустимости утверждения о наличии в этих идеях признаков постнеклассической модели научной рациональности, обратимся еще раз к работе «Исторический смысл психологического кризиса»: «...психика выбирает устойчивые точки действительности среди всеобщего движения. Она есть островки безопасности в гераклитовом

потоке. Она есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно исказить действительность в пользу организма...». В этом утверждении с очевидностью прочитывается не просто идея избирательности восприятия, но идея избирательного обмена системы со средой, способность системы к решению задач самоприспособления, самонастраивания и самоорганизации – необходимых, с точки зрения постнеклассической эпистемологии, качеств саморазвивающейся системы» [Зинченко Ю. П., Первичко Е. И., 2012, с. 44].

Новая теория психики как синергетического объекта, предложенная И. В. Ершовой-Бабенко позволяет рассматривать человека не только со стороны его индивидуальных психических характеристик и качеств, т.е. как отдельную личность с ее особенностями психического развития [Ершова-Бабенко И. В., 1992]. Но личность человека как самоорганизационную систему/среду, которая взаимодействует с другими средами/системами и включена в широкую и разветвленную сеть социальных отношений и интеракций. В своей работе «Методология психики как синергетического объекта» (1992), украинский философ обосновывает новую теоретико-концептуальную модель психического, которая имеет важное практическое приложение, а также позволяет решать многие вопросы, связанные с пониманием работы сознания, мозга и психики человека как целостной гиперсистемы, определяющей практически все значимые аспекты познавательной, культурной, социальной и других сфер жизни человека. Так, важным выводом, представленным в этой работе, является выявление недостаточности классической теории психики как отражения объективной действительности и применение синергетической методологии к

исследованию психики, что стало основанием для возникновения новой области исследования – психосинергетики. Психосинергетика разрабатывается сегодня в работах И. В. Ершовой-Бабенко и ее учеников, но необходимость и актуальность этих исследований следует из логики развития научного постнеклассического знания как в естественных науках, так и в гуманитарных. «Новейший этап системного понимания психики обычно связывают с психосинергетикой. Психосинергетика развивается на основе методологических принципов синергетики как теории сложных самоорганизованных открытых систем. Она принимает следующие принципы синергетики, среди которых такие: гомеостатичность и иерархичность как принципы бытия; нелинейность, неустойчивость, незамкнутость, динамическая иерархичность, наблюдаемость как принципы становления» [Ищук Н. В., 2015, с. 47]. Следовательно, можно делать вывод о том, что в 90-е г. г. XX ст. произошло осознание существенного сдвига в видении психического мира человека: «от представления о психике как системе отражения – к представлению о психике как системе синергетического порядка и возникновению психосинергетики как научной области» [Ершова-Бабенко И. В., 2005, с. 16].

Ключевым положением, выдвинутым как в качестве основания нового психосинергетического подхода, является тезис о сложности психического, т. е. его многогранности, разномасштабности и полифункциональности. Это означает, что изучение психики в рамках одного подхода (биологического, естественнонаучного, гуманитарного, т.д.) редуцирует и упрощает психические процессы как феномены многомерной человеческой жизни. «Стремление к единству концептуальных оснований при исследовании целостностей, пришедшее на смену активности интегративного подхода второй половины XX в., позволило вплотную подойти к исследованию психики с новых позиций – внутренней общности явлений, ранее казавшихся

никак друг с другом не связанными...» [Ершова-Бабенко И. В., 2005, с. 21]. В этом смысле интеграция понимается не как суммирование достижений разных подходов, а наоборот, целостное представление психики с единых позиций, включающей в себя такие аспекты психического как открытость, нелинейность развития, нестабильность, неравновесность и др. Таким образом, определение психики с синергетических позиций позволяет сделать такие выводы: во-первых, психика является «гиперсистемой», т.е. системой, которая включает в себя также свойства среды. Во-вторых, эта гиперсистема способна при определенных условиях изменять свое поведение. В-третьих, в такой системе процессы самоорганизации являются определяющими. Следовательно, психика, исходя из этой концепции, может быть представлена как: «как гиперсистема синергетического порядка с фазовой структурой, включая межфазовые переходы нового типа; фазы представлены открытыми нелинейными самоорганизующимися средами разного масштаба и состава: дожизненная, прижизненная и послезжизненная фазы, каждая из которых в определенных условиях может проявлять себя как управляющий параметр» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 102].

Рассматривая эти фазы психического, согласно И. Ершовой-Бабенко, необходимо обозначить, что между ними существует значительное различие: прижизненная фаза подразумевает, что носителем психического является организм человека, в то время как две другие фазы рассматриваются через призму «внеорганизменного» уровня. Например, можно говорить о «психической болезни» лишь на уровне прижизненной фазы, но мы не можем говорить о «болезни мышления», или «болезни сознания», поскольку эти понятия, принятые как синонимичные понятию «психика», вместе с тем рассматриваются без участия организма человека как их носителя. Таким образом, автор отмечает, что «прижизненная фаза выражена

системой психической реальности (СПР). Эта система/среда формируется и развивается в течение жизни индивида, субъекта, включает, соответственно, биологическую (а в ее аспекте информационную, энергетическую), социальную, культурологическую, природную и другие среды/составляющие, которые участвуют в формировании СПР и в которых, в свою очередь, участвует СПР индивида/ субъекта социальной группы (семьи, социума...) [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 105].

Важной характеристикой психики как синергетической системы является согласование и сочетание фаз, поскольку каждая из них также представлена как целостная нелинейная самоорганизующаяся система/среда. Для этого автором был предложен концепт нового понимания целостности: «нелинейное целое в нелинейном целом». «Данное положение подразумевает существование (возникновение и разрушение) полимодальной динамической (в пригожинском понимании) разноуровневой и разномерной целостности – как самой гиперсистемы, так и каждой из ее фаз, включая межфазовые человеко-протархно-временные переходы (в пригожинском понимании фазовых переходов нового типа как неравновесных). Такая целостность, безусловно, может быть как прерывистой, так и непрерывной на определенных промежутках времени в зависимости от условий, ее стадии (возраста) и других факторов» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 71]. Действительно, в современных исследованиях психики и социальной теории понятие «целостность» имеет важное значение, поскольку оно утверждает превосходство целого над суммой своих элементов. Иными словами, целостность обеспечивает рассмотрение целого с точки зрения взаимодействия его элементов, в результате которого целое получает новые качества и отношения, отсутствующие в его элементах. Таким образом, целостный (холистический) подход является основанием системных исследований, на которых базируется также и синер-

гетическая методология. К системам, имеющим целостность как базовую характеристику относятся органические, живые, психологические, социальные и др. системы. «Целостная работа психики – и в нашей повседневной жизни, и во всех областях специализированной деятельности – не есть, следовательно, нечто противостоящее ее расчлененности; целостность не означает «аморфность», «плазменность» – она есть качество, обусловленное содействием всех ее частей той части (подсистеме, элементу), которая в данной деятельностной ситуации является основной «ударной силой» в решении конкретной задачи (познавательной, оценочной, проективной, художественно-творческой, коммуникативной, организационной и т.п.)» [Каган М. С., 1996, с. 18].

Отличие психосинергетической концепции целостности от ее системной интерпретации является признание возможности нелинейного взаимодействия между элементами нелинейной системы/среды. Эта модель целого и целостности позволяет выйти за пределы дихотомии «целое/часть» и утверждает существование «макроцелого» – делимого или неделимого на входящие в его состав целые, относящиеся к другому уровню деления. Это допускает возможность введения процессуальных (временных) характеристик. Как отмечает И. С. Добронравова «несмотря на то, что в понятии целого и целостности отражается один и тот же процесс становления, однако стороны этого процесса различны: в понятии целого отражается устойчивость процесса становления, его повторяемость, тогда как в понятии целостности – его изменчивость, незамкнутый характер» [Добронравова И. С., 1990, с. 230]. В психосинергетике утверждается, что на этом основании можно построить новую концептуальную модель: «целое в целом»/ «целое в целом».

«Следовательно, наша концептуальная модель выражает в одном случае то, что встретились целые, которые образовали макроцелое, оставаясь, при этом, каждое само по себе

и не трансформируясь под влиянием другого (принцип устойчивости). В другом случае, модель «через» дефис выражает то, что встретились целостности — изменчивые и незамкнутые по определению. Возможен и третий вариант, при котором участниками процесса являются и целые, и целостности» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 81]. Интересным в этой связи представляется аналогия из области истории, в которой отношения целого, целостности и индивидуального также значимы для описания исторической реальности. «Предельное понятие о целом, т. е. о таком целом, которое уже не мыслится в качестве части другого, более обширного целого, включает все эмпирически данные нам представления в качестве его частей; оно есть понятие о мировом целом, оно представляется нам целостной действительностью, части которой однако, мы можем в свою очередь называть относительными целыми...» [Лаппо-Данилевский А. С., 2010, с. 316]. Хорошим примером действенности этой модели целого и целостности можно считать ее применение для описания взаимодействий личности и общества. Общество является социально-информационной макросредой, в которой присутствует другая психоэмоциональная среда — личность. Эти две среды взаимодействуют между собой как «нелинейное целое в нелинейном целом», поскольку каждая из этих сред является в свою очередь становящимся целым. Если происходит «резкое увеличение скорости информационных процессов, сопровождающее изменение социально-политических, социально-экономических, культурологических и психологических условий жизни людей», что, по сути, мы можем наблюдать в настоящее время, то «в таких условиях страдает психика человека, поскольку состояние его психоэмоциональной сферы часто переходит в крайне неравновесное состояние и длительное время в нем находится» [Ершова-Бабенко И. В., 2004, с. 25].

В психосинергетике существенным также является вне-

дрение модели «мерности познания»: «психика как определяющая мерность производных от нее сред и процессов — психомерность, а также человек и социум как мерность — человеко- и социомерность, далее природа и космос как мерности...» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 102]. Понятие психомерности, вводимое И. Ершовой-Бабенко, показывает, что существуют системы или среды, развитие которых определяется психическими факторами, т.е. результатами психической деятельности человека: «понятие «психомерная среда» определяется как внутриспсихическая среда, которую порождает сам человек и которая сама себя достраивает и видоизменяет» [Ершова-Бабенко И. В., Гончарова О., 2015, с. 243]. Но также психическая деятельность человека оказывает влияние и сама находится под влиянием других людей. Поэтому в круг «психомерных систем/сред» попадают и разные по масштабам группы людей, которые можно обозначить как малые социальные группы, большие социальные группы и даже вплоть до культурно-исторических цивилизаций. Таким образом, можно говорить о результатах психомерной деятельности в различных средах/системах разного масштаба пространства и времени: в таких системах/средах психическая деятельность осуществляется как внутренней среде (в пределах личности, или в пределах определенной социальной целостности), так и внешней (во взаимодействии между людьми или между социальными группами, культурно-историческими целостностями).

Как отмечает автор, «в психосинергетике предпочтение отдается термину «среда», поскольку термин «система», восходя к его определению Бергаланфи, по-прежнему сохраняет значение целого и части, а психика рассматривается нами спозиций «нелинейного целого-в-нелинейном целом», т.е. как некоторое макроцелое, включающее другие целые и не всегда подверженное выделению одного из целых без потери макроцелого» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 38]. Таким образом, по

мнению украинского философа, предметом психосинергетики можно считать существование и развитие любых «психомерных сред», которые могут соотноситься как с жизнью отдельного человека и общества, так и до, и после их жизнедеятельности, например, с развитием культуры как отдельной исторической целостности, а также и с мировым развитием культуры.

Определяющую роль в понимании функционирования и развития «психомерных сред» имеет понятие саморганизации, поскольку основным свойством таким сред является их неустойчивость, неравновесность и даже крайняя неравновесность. «Психомерная система, далекая от равновесия, теряет свою устойчивость, может переходить к одному из многих возможных состояний, причем никак не связываемых с логикой наличной ситуации, «здесь и теперь». Порою такой переход психомерной системы к соответствующему состоянию, хранящемуся в памяти, может осуществиться и в очень отдаленном во времени пространстве, и фазе истории существования данной психомерной системы, в отличие от других сложных систем. Когда психомерная система находится в крайне неравновесном состоянии, ее «судьбу» и «разрешимость» могут определять очень малые события (флуктуации), на которые обычно, т. е. в устойчивом состоянии, состоянии равновесия, эта система не реагирует» [Яскевич Я. С., 2015, с. 311].

Действительно, психомерные среды подвержены информационному, эмоционально-энергетическому, ментальному, и другому влиянию, которое исходит не только извне, но и производится самой системой, т.е. под влиянием своих представлений о себе, о других, о ситуациях, т.д. «Основной признак психомерной среды, выделенный психосинергетикой, состоит в том, что в одних проявлениях она является продуктом психической деятельности при жизни человека, т.е. системы психической реальности, в формировании которой участвуют социальная, биологическая, экологическая и другие составля-

ющие. В других проявлениях она является продуктом функционирования гиперсистемы/среды психики в целом (например, уровень культуры)» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 41]. Вследствии этого, по мысли автора, психомерные среды образуют «неучтенный продукт/субъект»: это «обычно нефиксируемый и неучитываемый нашим вниманием и при анализе, но существующий в пассивном или активном состоянии, *результат* отношений, связей между взаимодействующими участниками или составляющими, т.е. между средами, системами, объектами, субъектами, процессами, структурами и т.д.» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 41]. Иными словами, это некий результат социального взаимодействий между людьми, и может быть даже на уровне внутриличностного взаимодействия, например, когда человек размышляет о чем-либо, о каком-либо явлении прошлого или настоящего. В данный момент мы не обращаем внимания на эти явления и их последствия, но тем не менее, они на нас воздействуют и эти воздействия впоследствии ощутимы. Таким образом, «эти отношения внутри психомерной среды тоже могут быть активны, самостоятельны и неуправляемы... явление «неучтенный продукт/субъект» существует и его необходимо учитывать» [Ершова-Бабенко И. В., 2017, с. 19].

Общество как открытая динамическая система может быть также рассмотрено как «психомерная среда», поскольку на его эволюцию и трансформацию большое влияние оказывают психические факторы. Иными словами, личность и общество взаимодействуют между собой макроцелое, которое есть «нелинейное целое» в «нелинейном целом». При этом как личность является психомерной средой с позиций психосинергетики, и так же общество может быть представлено как «психомерное», т.е. имеющее такие характеристики как нелинейность, нестабильность, самоорганизованность. Впервые понятие «психомерность социальной реальности» введено в работе

Козобродовой Д. М. «Самоорганизация как предмет социально-философского анализа» (2019). В ней автор предлагает это понятие в связи с анализом самоорганизационных механизмов в обществе: «значимой для нашего исследования является концепция психомерности, предложенная И. В. Ершовой-Бабенко. Актуализация внимания на человеке позволяет рассмотреть социальную реальность как психомерную среду, указывая, что развивается и трансформируется в результате психической деятельности человека, группы, сообществ в разном масштабе» [Козобродова Д. М., 2019, с. 15].

Действительно, кризисные моменты в развитии любого общества обусловлены фактором человеческой субъективности, а не только просто определенными абстрактными внешними экономическими, политическими, социальными и другими причинами. Человеческая субъективность может иметь разные внутренние измерения, но так или иначе фундаментальным является психический фактор, который созидает целостность личности, ее единство и интергацию различных уровней от биологического до культурного. Безусловно, что имеет место культурная составляющая человеческой личности, его ценности, идеалы, культурные смыслы и т.д. Поэтому можно говорить о социокультурной обусловленности социальных кризисов. «Преобразование общества и типа цивилизационного развития предполагает изменение глубинных жизненных смыслов и ценностей, закрепленных в универсалиях культуры. Переустройство общества всегда связано с революцией в умах, с кри тикой ранее господствующих мировоззренческих ориентаций и выработкой новых ценностей. Никакие крупные социальные изменения невозможны без изменений в культуре» [Степин В. С., 2011, с. 12].

Однако культура не является чем-то отделенным от психической деятельности личности, наоборот, она есть проявление самоорганизационной сущности бытия человека в мире.

Поскольку культура является процессом преобразования «хаоса» индивидуальной человеческой экзистенции в созидующий «космос» социальной интерсубъективности. В этом смысле культура располагает огромным потенциалом различных способов конституирования осмысленной творческой деятельности человека в процессе его самореализации и в процессе конституирования социальной реальности (И. Донникова).

Возвращаясь к проблеме социальных изменений и нестабильности социума необходимо отметить, что кризисные моменты наступают тогда, когда в обществе происходит нарушение функционирования прежних социальных структур. Общество переходит в состояние хаотизации, в котором начинается коренная перестройка его внутренних структур, социальных связей и отношений. Однако хаос может проявляться по-разному в этот переходный, или бифуркационный период в развитии общества. Как отмечают Ковтунова Д. В., Лойтаренко М. В., Попов В. В., Щеглов Б. С.: «в рамках нелинейности можно определить роль и место хаоса с позиции основ механизма объединения различных структур. Причем, как правило, более простые структуры будут объединяться в более сложные интегральные структуры» [Ковтунова Д. В., Лойтаренко М. В., Попов В. В., Щеглов Б. С., 2014]. Однако это не единственная возможность преобразования структур в хаотическом режиме: «в рамках нелинейности хаос представляется и как своеобразный механизм, связанный с тем, что исследователь рассматривает не структурные элементы той или иной системы, а отдает приоритет различной интенсивности включения социальной системы в другую. При этом, так как речь идет о хаосе, а не о порядке, то, конечно, трудно говорить о какой-то рациональной составляющей данного процесса. Тем не менее отметим, что хаос, присутствуя в подобных сменах своеобразной интенсивности развития социальных систем, выступает в качестве механизма изменения этих систем, что никак не противоречит

нелинейному развитию общества» [Ковтунова Д. В., Лойтаренко М. В., Попов В. В., Щеглов Б. С., 2014].

Кроме того, в современной социальной теории происходит переосмысливание самого понятия «кризис», которое приобретает значение не только как указание на какой-то определенный этап в развитии общества, а представляет собой ключевой фактор социальных трансформаций. Это приводит к тому, что кризисные ситуации в обществе становятся «маркером» для исследователей, которые пытаются выявить новые возможные пути его развития. В этот период формируются альтернативы выбора и любое незначительное воздействие может существенным образом определить этот путь. «Так же состояние неопределённости системы, стоящей перед необходимостью выбора в точке бифуркации, не устраняется в момент внесения в неё ясности и возникновения скрытых возможностей. Нелинейность взаимодействия мешает просчитать выбор, и ответственная система всё ещё находится в ситуации бифуркации. Она проходит точку бифуркации в процессе соперничества противоположных аттракторов, совершив окончательный отбор наиболее приемлемого сценария развития. Существование противоположных возможностей или сценариев создаёт ситуации с множеством неизвестных, в которых нет единого итога, и которые приводят взаимодействующих индивидов и систему к неминуемому риску» [Луговой А. А., Куракина Е. В., 2017]. Однако можно определить основной компонент социальных бифуркаций: это противоречие между внутренними представлениями индивида, или социальной группы и внешними социальными нормами. Действительно, можно согласиться со следующими утверждением, что хаос в социальных системах «необходим для процесса выведения социальной системы на те цели, которые ставит перед собой социальный субъект в рамках теории самоорганизации» [Ковтунова Д. В., Лойтаренко М. В., Попов В. В., Щеглов Б. С., 2014].

Действительно, если совместная деятельность многих субъектов и социальных институтов ведет к гармоничному взаимодействию в периоды социальной стабильности, то в периоды хаоса происходит разбалансировка этих отношений и установление новых структур. При этом, определяющим фактором в ходе социальных изменений следует считать выборы людей в повседневных условиях как субъектов социальных действий и отношений, а не установления социальных институтов (например, государственных органов). Иными словами, социальные институты легитимируются людьми, а не наоборот. Поэтому, «если ориентации и правила взаимодействия в диапазоне имеющих место быть вариантов выбора значительно отличаются от провозглашаемых институциональных форм, то возможна переустановка институциональных форм в результате воздействия наличных социальных связей» [Попов В. В., Ковтунова Д. В., Лойтаренко М. В., 2015, с. 94]. Возможны различные реакции людей на действия социальных институтов (власти) в обществе, в том числе такие, которые ведут к возникновению социальных кризисов и бифуркаций.

К видам социальной бифуркации, как полагает О. Гончарова, относятся социальная апатия и социальный протест. Считая их «противоположными по своей сути и едиными в своей борьбе» она отмечает, что они, тем не менее, взаимосвязаны и взаимозависимы [Гончарова О. О., 2014, с. 107]. Социальная апатия, по ее мнению, это состояние, присущее как индивиду, так и социальной группе, которое характеризуется пассивностью, бездеятельностью, утратой интереса к происходящему в социальной реальности. Рассматривая два основных типа социальной апатии, автор указывает, что первый наступает вследствие «перенасыщения общества материальными и социальными благами», что свидетельствует не об успешной социальной жизнедеятельности таких обществ, а об их застое и скором упадке из-за отсутствия трансформаций и инноваций.

Второй вид апатии возникает у людей в обществе возникают переживания страха, отчуждения и неприятие новых ценностей, поэтому они проявляют безразличие как «защитный» или «адаптивный механизм», позволяющим им приспособиться к новым жизненным условиям. Общим для этих видов апатии является тот факт, что в социуме скапливается большое количество «нереализованной энергии» людей, которая может быть высвобождена различным образом. Но, как правило, она концентрируется и аккумулируется в виде определенных форм и видов социальных протестов, появлению которых уже свидетельствует о начале кризиса, или хаотизации общества. Хотя к социальному протесту можно отнести широкий круг социальных явлений и действий индивидов в обществе, тем не менее, причины протеста, как правило, схожи в различных обществах. К ним относят феномен «депривации», т.е. неудовлетворение социальных субъектов в отношении собственного положения в обществе. «Под влиянием внешних действий происходит нарушение системы оценок, которое сопровождается расширением шансов социальных сравнений. Итогами социальных сравнений становится прогрессирующее у индивидов чувство неравенства. При этом ожидания, которые имеет индивид от текущей социальной ситуации, линейно возрастают. А зависимость, которая описывает уровень удовлетворения этих ожиданий носит нелинейный характер» [Гончарова О. О., 2014, с. 107]. В итоге, накопленная социальная энергия высвобождается в ходе социальных протестов, цель которых изменить текущее положение вещей, пользуясь любыми имеющимися в распоряжении средствами. Таким образом, накопление социальной системой «неудовлетворенных ожиданий» социальных субъектов (индивидов и групп), приводит к повышению их активности, т.е. к хаотизации социальной системы.

В данном исследовании предлагается новое понятие «хаотизация психомерности социальной реальности», которое фик-

сирует и закрепляет идею о том, что человеческая субъективность играет ключевую роль в моменты хаотизации социума, т.е. прохождения им бифуркационных (кризисных) ситуаций, ведущих к качественному изменению его дальнейшего развития. Поэтому можно согласиться с мнением Е. Н. Князевой, что существенным выводом из теории социальной самоорганизации является положение о том, что «субъект, установки его сознания и его ценностные предпочтения, причем даже единичное человеческое действие, могут сыграть ключевую роль в выборе возможных путей развития в состоянии неустойчивости сложной системы» [Князева Е. Н., 2013, с. 21]. Таким образом, развитие социума в моменты бифуркации определяется сознательной деятельностью человека, что указывает на «психомерность» как на его существенную характеристику. Действительно, психическое имеет огромное значение для установления социальных связей индивида и его включенности в сложноорганизованную социальную психомерную среду. «Субъект в ходе своей деятельности выстраивает новые социальные структуры, изменяя условия своей жизнедеятельности. Радикальные изменения в социальной структуре могут иметь своим результатом сопутствующие изменения психологической реальности. Сложная организация психического возникает и прогрессирует за счет многообразия форм активности субъекта, его участия в сложных организационных структурах. У субъекта должна быть определенная доля хаоса, блужданий, ибо только на этой основе может возникнуть нечто значимое, ранее небывшее, невиданное, неизвестное. Неконкретность целей, некий хаос в поступках, уход от однозначного понимания – это не деструктивные факторы созревания, а потенциальные возможности саморазвития, выводящие субъекта на способность преобразования окружающей сложноорганизованной среды» [Плющ А. Н., 2017, с. 31].

Основным вопросом в моменты хаотизации социальной

реальности является вопрос о том как конкретный человек, будучи встроены в сложные системы, способен оказывать непосредственное влияние на ход их эволюции, принимать участие в установлении нового порядка, сопровождать прохождение социального кризиса находить выходы на желаемые пути развития. «Социальный субъект должен со своим социальным опытом и социальной деятельностью не только встраиваться в контекст некой неустойчивой ситуации, но и обращать внимание на то, как развиваются в социальной системе малые флуктуации. При этом стараться инициировать случайные свои действия таким образом, чтобы повлиять на развитие социальной системы в необходимом для социального субъекта направлении. Причем это направление касается не только самой социальной системы как таковой, оно предполагает, что социальный субъект видит тот или иной сценарий развития социальной системы в будущем и имеет возможность с помощью определенной инициации флуктуации подвести систему к тому необходимому адекватному аттрактору, который в наибольшей степени и будет отражать этот сценарий. Во всяком случае подобная ситуация действительно говорит о том, что у социального субъекта существует выбор, хотя и небольшой» [Ковтунова Д. В., Лойтаренко М. В., Попов В. В., Щеглов Б. С., 2014].

В этой связи представляется перспективным выбор психологических и экологических практик, которые позволяют субъекту максимально полно выполнить поставленные перед ним задачи выбора определенной стратегии деятельности в ситуации неопределенности и хаоса. Действительно, экология психики индивида сегодня представляется особенно актуальной, поскольку она является одной из успешных и перспективных стратегий преодоления хаоса на личностном уровне. Иными словами, благодаря личностной самоорганизации в периоды социального кризиса и хаоса, человек становится способным участвовать в самоорганизационных механизмах

социальной системы, создавая возможности для построения новых социальных структур и нового социального порядка. Это становится возможным в условиях формирования современного сетевого общества как социального пространства, в котором отсутствует разделение на четко обозначенный центр и периферию, что создает благоприятные условия для развития социальной самоорганизации. Как отмечает В. В. Василькова, метафора «сети» в современной социальной теории получает дальнейшее развитие в связи с целым рядом новых возможностей, которые она открывает: «...основным фокусом внимания становятся новая социальная онтология «текущей современности» и соответствующие ей принципы описания социогенеза (динамизм, неустойчивость, стохастичность, нестабильность, конструктивистская роль социальных субъектов), т. е. принципы, фундирующие нестабильную и неустойчивую связность. Объединяющей, «зонтичной» метафорой для описания этих онтологических феноменов «паутины социальной жизни» (если использовать термин Ф. Капры) является метафора сети. Эта метафора оказалась наиболее адекватной и перспективной для описания новой социальной онтологии...» [Василькова В. В., 2012, с. 17].

Таким образом, сетевое общество создает необходимые условия для установления разнообразных социальных связей и отношений, которые способствуют самоорганизации общества в периоды социальной нестабильности и кризиса. Поскольку сеть позволяет объединяться людям, которые имеют сходные интересы, ценности и устремления. Кроме того, сетевое общество имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционной социальной иерархией, поскольку оно подвижно и легко адаптируется к изменяющимся внешним условиям. Поэтому вполне справедливым следует считать мнение О. Ю. Герасимова о том, что «сеть формирует сетевую личность-аттрактор: это человек с высоким уровнем концентрации внутренней

имманентной энергии, способный к активности и деятельности. Личность-аттрактор является активным социокультурным субъектом, способным влиять на вектор социального развития как локально, так и глобально. Роль личности-аттрактора становится особенно заметной в самоорганизующемся сетевом социальном пространстве в ситуации нестабильности системы. Сетевое самоорганизующееся социальное пространство – это децентрализованное пространство, в котором каждая личность может стать определенным локальным центром, узлом, точкой или сгустком энергии, способным оказывать влияние на других. Данное влияние может иметь локальное пространственное положение, но с глобальными масштабными последствиями. Сетевая личность – это личность, существующая и проявляющая себя в пространстве сети. Она обладает большими степенями свободы по сравнению с обычной личностью» [Герасимов О. Ю., 2015, с. 119].

Наличие личности-аттрактора в социуме открывает новые пути для самоорганизации социальной жизни и создает новые альтернативные варианты развития социальной системы и ее трансформаций. Однако важным фактором формирования такой личности становятся не только внешние условия – наличие сетевой социальной среды и разветвленной системы коммуникаций благодаря использованию информационных технологий. Формирование личности протекает также под влиянием внутренних факторов, ее способности к саморазвитию и самоорганизации.

2.4. Самоорганизация личности в условиях социального хаоса: психосинергетические стратегии

В теории социальной самоорганизации моменты нестабильности описываются как моменты, в которые происходит наибольшая хаотизация социальной реальности, поскольку

именно в этот период решается вопрос выбора социальной системой дальнейшего пути развития. Как отмечает Е. Н. Князева: «существуют два типа неустойчивости: неустойчивость в точке бифуркации, ветвления путей развития и неустойчивость вблизи обострения, момента максимального, кульминационного развития сложной структуры. Как в том, так и в ином случае система становится неустойчивой к малым, незначительным флуктуациям на микроуровне, и малое человеческое воздействие способно вывести систему на один из возможных путей эволюции, к одной из целого спектра структур-аттракторов. Важнейшим мировоззренческим выводом является то, что человек действительно способен принимать непосредственное участие в конструировании желаемого будущего, но его творческая, созидательная роль имеет ограничения в виде собственных, внутренних тенденций развития сложных социальных систем» [Князева Е. Н., 2013, с. 21]. Действительно, действия каждой личности в такие моменты развития социальной системы значительны, но вместе с тем и ограничены. Сценарии будущего развития социума не являются бесконечными, но органичиваются внутренними тенденциями, которые определяются его прежним состоянием. Вопрос заключается в том, чтобы выявить эти тенденции и в какой степени это является возможным, усилить их в том направлении, которое принесет положительные социальные изменения и качественно новые условия существования общества. Поэтому действия отдельного человека так важны: они могут усилить или ослабить те или иные варианты развития, могут привести к стабилизации или дестабилизации социальной системы.

Особенно этот эффект действий каждого социального субъекта проявляется в связи с концепцией «окружающего мира» (Umwelt), которая была предложена в 1930-х гг. немецким ученым Я. фон Икскулем. Ее суть заключается в изучении жизнедеятельности любого живого организма (животного, в

первую очередь, поскольку Я. фон Иксюль был зоологом) как особенного сочетания его собственных действий и с окружающей его средой. «Телесная (морфологическая) организация живого организма определяет возможности его восприятия окружающего мира и действий в нем; его восприятия и действия сугубо избирательны: организм строит под себя свою среду, которая обратно воздействует на него, его формируя» [Князева Е. Н., 2015]. Иными словами, всякий Umwelt определяется как замкнутая целостность, которая управляется внутренними смыслами: «объективный внешний мир и субъективный внутренний мир находятся в отношении взаимной детерминации...Живое существо отчасти вне себя, в своих действиях и в их продуктах (бобр в построенной им платформе, ласточка в слепленном ею гнезде), а значимая часть внешнего мира вовлечена в их действия, встроена в их собственную природу, поставлена им на службу» [Князева Е. Н., 2015].

Хотя немецкий ученый занимался исследованием животного мира и понятие Umwelt возникло в результате его научных наблюдений, тем не менее, оно оказывается вполне применимым к человеку и окружающему его социальному миру. «Umwelt – то, в чем живет человек (как и иные живые существа), это не просто среда, не просто окружение (environment). Мир как Umwelt отчасти задан телесной и психической организацией живого существа, отчасти активно создается, строится им, и как создаваемый, конструируемый обратно воздействует на него, определяя его самого. Миры живых существ в живой природе – это их экологические ниши, в человеческом мире – когнитивные, культурные, социальные и т.п. ниши» [Князева Е. Н., 2015]. Таким образом, можно говорить о том, что человек строит свой собственный окружающий мир, исходя из особенностей своей психической организации и социального окружения. Это мир его ближайшего повседневного существования, который согласуется с его психикой как сложной

«психомерной средой», включающей в себя телесные, эмоциональные, энергетические, когнитивные аспекты и ее проявления во внешней социальной среде. Поэтому фактически концепция Umwelt ставит вопрос о взаимном существовании индивидуальных человеческих личностей в общей социальной среде – социуме – как проблеме экологическую и социальную. «Устойчивое общество будет иметь место, если каждый из нас будет руководствоваться императивом индивидуального устойчивого развития. Еще Гегель говорил: «Хочешь изменить мир, измени самого себя» [Князева Е. Н., 2015]. Таким образом, можно сделать вывод о существенной связи между психологией, экологией и социологией, благодаря которой вопросы социального развития и изменения получают новое измерение и новое поле исследования.

Так, например, в социально-философском познании сегодня актуальной представляется теория «экологии индивидуального действия» французского философа Э. Морена. Она исходит «из положения о незавершенности, непредзаданности, открытости и нелинейности всякого процесса познавательной и практической деятельности. Это предполагает понимание и осознание того, что всякое предпринимаемое нами действие, детерминированное условиями окружающей природной и социальной среды, может отклониться от первоначально заданной ему траектории и привести к состоянию нестабильности и кризиса» [Колядко И. Н., 2016, с. 85]. Французский философ предлагает рассматривать действия человека в социальной среде не просто как линейные, т.е. каждое индивидуальное действие достигает своего результата в соответствии с намерениями человека. Но, наоборот, нелинейно, каждое индивидуальное действие отклоняется от первоначальных намерений и может привести к другим результатам. «Как только индивид предпринимает действие, каким бы оно ни было, оно начинает ускользать от его намерений, – поясняет Морен. – Это

действие вливается во вселенную взаимодействий и в конечном счете поглощается окружением, так что в результате может получиться даже нечто противоположные по отношению в первоначальному намерению. Часто действие возвращается бумерангом к нам самим. Это обязывает нас внимательно следить за действием, пытаться его исправить, – если еще не поздно, – а иногда его торпедировать, как это делают ответственные работники НАСА, которые взрывают ракету в том случае, если она отклоняется от заданной траектории» [Морен Э., 2006, с. 73-74]. В этом и проявляется экологический аспект действия, оно соотносится по принципу резонанса с окружающей средой и предполагает корректировку и изменение. Следовательно, это не просто резонанс с окружающей средой на основании бессознательных, эмоциональных проявлений, которые выражаются в порывах, влечениях и т.д. Речь идет о сознательной составляющей человеческой психики, которая будучи встроенной в определенную внешнюю среду (Umwelt) взаимодействует с ней по принципу резонанса, улавливая возможные последствия своих действий. «Мыслить и действовать интерактивно и оказывать управляющие воздействия адекватно складывающейся ситуации означает, стало быть, понимать неоднозначность и относительную непредсказуемость получаемого отклика от среды, от организации, на которую осуществляется управляющее воздействие, отдавать себе отчет о сложности и нелинейности устанавливающихся обратных связей... Экология действия и способность вырабатывать самокорректирующиеся стратегии управленческих действий – это прерогатива человека. Слабая предсказуемость связана с неустойчивостью траекторий развития сложных систем и в природе, и в обществе. И здесь, и там требуется реагировать ситуационно, настраивать свое поведение в зависимости от изменяющейся ситуации. Природные существа менее гибки в этом отношении, биологический вид скорее вымрет или мигрирует при су-

щественном изменении ситуации в окружающей его природной среде, а человек перестроится, приспособится, изменится. Он является более пластичным, гибким. Это связано, в частности, с тем, что мир человека строится по образцам не только генетической, но и социальной памяти, которая более мобильна» [Князева Е. Н., 2013, с. 23].

Экологический подход и экология, в связи с этим, приобретают в настоящее время расширительное значение, которое уже не только связано с ее пониманием области познания, связанной с сохранением природной среды обитания всего живого, но экологии, включающей в себя широкий мировоззренческий аспект, связанный с изменением мышления и действия человека в социокультурном мире. «Экологический подход выходит ныне далеко за пределы своей первоначальной области – биологического знания. Он оказывается перспективным в разных областях естественнонаучного, социального и гуманитарного знания, в том числе и в медицине. Сегодня говорят об экологии действия (Э. Морен), разума (Г. Бейтсон), жизни, познания и творчества, мысли и слова, идей, коммуникации и управления» [Князева Е. Н., 2019, с. 17]. Такое расширенное понимание экологии и появление «экологической философии» отвечает требованиям как внутреннего, психического развития человеческой личности, так и внешнего развития – общества как социальной системы.

В социальной системе экологический подход меняет радикальным образом понимание взаимодействия между индивидами в обществе, показывая, что интерсубъективность как социальный феномен имеет психологическое измерение. Иными словами, социальная коммуникация как проявление интерсубъективности имеет не просто интеллектуальный уровень, но также определяется более глубокими уровнями психической деятельности, такими как эмоционально-телесный уровень, энергетический и т.д. Таким образом, психологиче-

ская характеристика не является чем-то дополнительным к социальной коммуникации и общению между индивидами, но наоборот, только на этой основе появляется возможность подлинной реализации и осуществления социальных взаимодействий индивидов. «Коммуникация и строящаяся на ее основе интерсубъективность – это не просто сотрудничество между взаимодействующими индивидами и координация их ментальной деятельности; ее следует рассматривать в рамках понятий нерепрезентатизма, энактивизма, телесности, вдействия в мир и в друг друга и взаимного отелеснивания (интеркорпоральности). Мы моделируем верования и намерения других людей, с которыми мы имеем дело, как будто мы находимся в их ситуации. За такой процесс ответственны в мозге так называемые зеркальные нейроны» [Князева Е. Н., 2016, с. 177]. Теория энактивизма как основы для построения интерсубъективности была предложена Т.Фуксом и Х. де Джеггером, которые считали, что человек вовлечен в мире не только ментально, но и телесно, эмоционально, т.е. задействуя все возможные формы психического, чтобы встроиться в окружающую его среду и преобразовывать ее. «Мы понимаем социальное взаимодействие как интерактивный и интеркорпоральный процесс, в который погружены оба партнера и в котором ведущую роль для понимания играет сам процесс взаимодействия. Короче говоря, социальное познание возникает из телесного социального взаимодействия...» [Fuchs T., Jaegher de H., 2009, p. 469].

Это положение вносит ряд существенных дополнений в социальное познание и социальное действие, которые становятся соединенными. По мнению Е. Н. Князевой, в социальной системе интерсубъективность «опирается на телесность в самом широком смысле этого слова, т.е. на динамические действия, которые производят целостные телесно воплощенные и определенным образом телесно организованные индивиды» [Князева Е. Н., с. 116]. Это означает, что цели и намерения ин-

дивидов также выражаются в действиях, и не являются заранее предзаданными, но создаются и изменяются в процессе социального взаимодействия. Таким образом, индивид участвует в социальной деятельности (общении, коммуникации, т.д.) целостно, во всех телесных, эмоциональных, ментальных проявлениях психического, а не только интеллектуально. «Коммуникация похожа на танец, в котором люди находятся в совместном пространстве, передача информации сопровождается передачей эмоциональных состояний (удивление, сострадание, интерес, отчаяние, разочарование и т.д.). Динамика коммуникации является сложной и нестабильной. Нарушение межличностной симметрии приводит к фазовым переходам» [Князева Е. Н., 2019, с. 22]. Поэтому становится актуальным экологический подход, который акцентирует внимание на том, как нужно оказывать воздействия на окружающую среду, а также на других индивидов, которые адекватны складывающейся социальной коммуникации. Иными словами, необходимо понимать неоднозначность и относительную непредсказуемость получаемого отклика от среды, отдавать себе отчет о сложности и нелинейности устанавливающихся обратных связей, допускать определенную долю хаоса, внутренней подвижности и гибкости в социальной системе.

С другой стороны, экологический подход также важен для самого индивида, поскольку он актуализирует проблему «экологии психики» как проблему самоорганизации личности в условиях неопределенности и сложности социальной среды, которые могут быть представлены разнопланово и разносторонне. Например, существует проблема воздействия на психику человека «информационной среды», созданной в современном мире на основе развития IT-технологий, которые существенным образом меняют образ жизни человека, его мышление и поведение, даже затрагивают биологические возможности человеческого организма [Петрова Е. В., 2017, с. 98-114].

Но наиболее важной частью экологической проблематики психики является исследование влияния неопределенности и хаотичности окружающей среды, что проявляется в увеличении стрессов и психических расстройств личности. «Поэтому внимание психосинергетики сконцентрировано на состоянии внутриспсихической среды человека в аспекте ее нелинейности и продуктивной хаотичности, способности существовать в условиях разной степени хаотизации и непрерывности динамического хаоса как на уровне условий, так и на уровне поведения. Также это относится к реальным возможностям согласовываться с ней в этих состояниях, изменять, обеспечивая уменьшение стрессовости как реакции за счет оснащения человека определенными навыками или иным мировоззрением, иными характеристиками мыслительного процесса и поведения» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 54].

Действительно, сегодня как никогда ранее возрастает важность «психологического» оснащения личности, которое заключается в выработке определенных стратегий самосохранения своей «психомерной среды», умения ее настраивать в сбалансированном режиме существования, умения ориентироваться в условиях неопределенности и непредсказуемости развития будущих событий и т.д. По сути речь идет о необходимой перестройке мышления человека, которое еще в не столь далеком прошлом было ориентировано на поиск стабильности, определенности и порядка, на новое мышление, признающее изменчивость, неопределенность и хаос неотъемлемыми характеристиками жизни и развития. «Неопределенность, предельным выражением которой является хаос – это свойство жизни, по отношению к которому большинство людей испытывают широкий спектр отрицательных эмоций от дискомфорта до паники и стараются ее в своей жизни минимизировать... Однако жизнь сама постоянно порождает неопределенность (энтропию). Мир порождает энтропию, а живые системы, в

особенности самодетерминируемые субъекты, преобразуют энтропию во что-то более упорядоченное, способны вырабатывать из этой неопределенности частичную определенность, порядок из хаоса, понимая при этом, что неопределенности все равно будет оставаться много. Неопределенность и определенность таким образом не противоречат друг другу, а дополняют друг друга» [Леонтьев Д. А. с. 37].

Для преодоления хаоса и неопределенности жизни американский автор Нассим Талеб предлагает понятие «антихрупкости», которое означает приобретение новых качеств и характеристик личности после прохождения ситуаций хаоса, неопределенности и стресса [Талеб Н., 2017]. «Все то, что от случайных событий или потрясений скорее улучшается, чем ухудшается, является антихрупким. Соответственно, согласно Талебу, системы, которые расцветают от случайности, должны сегодня доминировать. Получается, что антихрупкость – это то, что не любит также случайности, беспорядка, неопределенности, ошибок, стрессоров и т.д. Не любит этого и стойкость, она не ломается, но и не развивается в этой ситуации. Антихрупкость получает выгоду от таких явлений, хрупкость и стойкость – наоборот. То есть, главным аспектом подхода Талеба есть ориентация на развитие в этом транзитивном, то есть сложном, неопределенном и трудно прогнозируемом мире» [Смульсон М. Л., 2018, с. 13]. Таким образом, хаос конструктивен не только в своей «разрушительной» функции, действующей по отношению к прежнему состоянию психомерной среды/системы (личности или общества), но он также позволяет проявляться новым качествам и характеристикам системы, которых не было ранее. Иными словами, прохождение хаоса и неопределенности делает психомерную среду/систему «сильнее», добавляя в нее новые свойства. Поэтому можно принять утверждение И. Пригожина о том, что «бифуркации являются одновременно показателем нестабильности и показателем

жизненности какого-либо рассматриваемого общества» [Пригожин И., 2013, с.79]. Следовательно, жизненность психомерной среды/системы проявляется в умении развиваться в условиях хаоса, неопределенности и непредсказуемости. С точки зрения психомерной среды/системы личности это означает обладать готовностью к изменениям и трансформациям, которые неизбежны в процессе жизни. Французский философ А. Бадью вводит понятие «готовность к событию» для описания этого нового состояния мышления человека: «быть готовым к событию» – значит быть в субъективном расположении, позволяющем признать новую возможность. ...Готовить событие – значит быть расположенным его принять... Быть готовым к событию – значит быть в таком состоянии духа, в котором порядок мира, господствующие силы не обладают абсолютным контролем над возможностями» [Бадью А., 2013, с. 20-21].

Другой частью конструктивной стратегии развития личности в условиях неопределенности и хаоса становится ее способность к саморегуляции и самокоррекции психических состояний. Понятие саморегуляции и самокоррекции основано на том, что психомерная система не столько опирается на свои априорные внутренние качества и адаптативные ресурсы, сколько на свое постоянное взаимодействие с окружающей средой. Психомерная среда/система личности, например, формирует свои внутренние ресурсы на основании источников обратной связи и корректирует их в соответствии с получаемой извне информации. Этот механизм известен в философской мысли на основании двух по-разному сформулированных, но по сути говорящими об одном и том же принципов. В философии экзистенциализма этот принцип считался основополагающим: «существование предшествует сущности»(Ж.-П. Сартр). В психологии ему соответствует тезис А. В. Леонтьева «деятельность порождает психику». Общим для этих положений является то, что на первое место выходят отношения психо-

мерной среды с внешней средой, т.е. индивид находится в потоке изменяющихся отношений и эти отношения предшествуют любым структурам психики. Исходя из этого, «выбор субъекта в той или иной ситуации не определен его изначальными диспозициями, предпочтениями и т. д., наоборот, актуально совершаемый выбор определяет, каким становится субъект в результате его осуществления. Это не означает, что нет таких выборов, которые были бы предсказуемы, predeterminedены какими-то чертами или особенностями субъекта. Это означает, что бывают выборы и того, и другого типа, и даже в поведении одного и того же человека в разных ситуациях...В жизнедеятельности человека присутствуют и те, и другие процессы, и центральная проблема заключается в том, чтобы понять, как они между собой соотносятся и сопрягаются...По отношению к человеку верно и то, и другое, мы одновременно находимся и в поле необходимого, и в поле возможного, проблема заключается в связи между этими двумя уровнями существования, в переходе между ними» [Леонтьев А. Д., 2018, с. 303-304]. Таким образом, большинство современных психологических техник и практик самонастраивания и самокоррекции человека сталкиваются с проблемой их несоответствия внутренней психомерной среде личности, поскольку они пытаются влиять на психику индивида, исходя из некоторых уже установленных характеристик (устойчивых структур) личности. В то время как наряду с устойчивостью психомерная среда/система личности обладает нестабильностью, нелинейностью, самоорганизацией. Поэтому важным в настоящее время является разработка психосинергетических методик и практик в неразрушающем психику режиме, т.е. таких которые запускают самоорганизационные механизмы психики человека и резонируют с его внутренней психической средой. «Информационно-эмоциональная среда, ценностная сфера личности определяется принимаемыми, трансформируемыми в свои структуры, а также

ценностями, взглядами, мировоззрением, воспитанием, культурой, врожденными и тренируемыми нейрофизиологическими характеристиками, сформированными поведенческими и психоэмоциональными навыками, наконец, экологическими природными и психомерными условиями» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 55].

В психосинергетике предлагается определенный набор методов и методик, позволяющий осуществлять психологическую корректировку и оснащение внутриспсихической среды личности необходимыми средствами для развития в условиях нестабильности, хаоса и неопределенности [Ершова-Бабенко И. В. 2019 (а); 2019 (б)]. Разработанный композиционный метод «Созидающая сила» и его различные варианты, включающие группу методик, «обеспечивает в краткие сроки оснащение внутриспсихической среды человека такими средствами, которые соответствуют специфике психического мира человека и не являются ему чуждыми. Они могут быть произведенными ею или привнесенными в нее, но по характеру своему, по сути своей, по принципам макрокомпозиции и организации/саморганизации они ей соответствуют, а не противоречат» [Ершова-Бабенко И. В., 2015, с. 56].

Таким образом, психосинергетические исследования психомерных сред (личности) показывают свою применимость не только с точки зрения решения вопросов оказания психологической помощи, но имеют теоретическую значимость для решения вопросов взаимодействия психомерной среды/системы личности с хаосом. Они ориентированы на нелинейность и нестабильность, основаны на саморганизации личности, соответствуют принципу резонансного взаимодействия со средой (Umwelt). Они также могут быть приняты в рамках экологического подхода к человеческой психике и экологии «социального действия», поскольку в качестве базовой концепции предполагают модель взаимодействия нелинейных целостностей

(личности и общества как психомерных сред/систем). Кроме того, психосинергетические стратегии органично входят в современный социальный дискурс (теорию социальной организации), поскольку показывают возможности и перспективы самоорганизации личности как психической нелинейной целостности, что приобретает важное значение в условиях социальных бифуркаций и трансформаций.

Однако детальное описание и действие этих методик выходит за рамки данного исследования, поскольку они являются составной частью практических разработок в области психологии, реабилитологии и психокоррекции. В этом исследовании представлена только их теоретическая значимость с точки зрения решения вопросов взаимодействия психомерной среды/системы личности с хаосом и транзитивностью современного мира.

Список литературы к разделу II:

1. Ярхо В. Н. 2001. Введение // Гесиод. Теогония // Гесиод. Полное собрание текстов. / Пер. В. В. Вересаева, О. П. Цыбенко. Ком. О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 256 с.
2. Гесиод. 2001. Теогония // Гесиод. Полное собрание текстов. / Пер. В. В. Вересаева, О. П. Цыбенко. Комм. О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. М.: Лабиринт, 256 с.
3. Ахутин А. 2018. Философское уморасположение: Курс лекций по введению в философию. М.: Рипол Классик, 384 с.
4. Рожанский И. Д. 1972. Анаксагор. У истоков античной науки. М.: Мысль, 320 с.
5. Древнегреческо-русский словарь Дворецкого И. Х. 1958. В 2-х тт. Т.2. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1906 с.
6. Аристотель. 1999. Физика // Философы Греции основы основ: логика, физика, этика / Пер. В. П. Карпова. Харьков: Фолио, 1056 с.
7. Eusebius Pamphili. 1857. Praeparatio Evangelica (Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου εὐαγγελικῆς ἀποδείξεως βιβλία δέκα) // Patrologia Cursus Completus Series Graeca. Rec J-P. Migne Parisius. Т. XXI, Col. 21-408
8. Тураев Б. А. 1999. Введение. Отрывки финикийской космологии и мифологии Филона Бибилского // Финикийская мифология / Сост. Н. К. Герасимова. Под общ. ред. Ю. С. Довженко. СПб.: «Летний сад», Журнал «Нева», 331с., с. 39-68.
9. Финикийская история. 1999 // Финикийская мифология / Сост. Н.К. Герасимова. Под общ. ред. Ю. С. Довженко. СПб.: «Летний сад», Журнал «Нева», 331 с., с. 69-119.
10. Skully S. 2016. Hesiod's Theogony: from the Near Eastern Creation Myths to Paradise Lost. N.Y. Oxford University Press, 268 p.
11. Touzyla H. 2000. Slimy stones and Philosophy // Scandinavian Jewish Studies. Vol. 2I, No. 1-2, p. 91-110
12. Walcot P. 1966. Hesiod and Near East. Cardiff: Wales U.P., 154p.
13. Драч Г. В. 2003. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М.: Гардарики, 318 с.

14. Лебедев А.В. 1989.Фрагменты ранних греческих философов. Т.1. М.: Наука, 576 с.
15. Рожанский И. Д. 1989. Ранняя греческая философия // Лебедев А. В. Фрагменты ранних греческих философов. Т.1. М.: Наука, с. 5-32.
16. Лосев А. Ф. 2008. Хаос // Мифы народов мира : Энциклопедия. Электронное издание / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 2008 (Советская Энциклопедия, 1980). Т. 2. с. 579-581.
17. Аристофан. 2000. Облака // Аристофан. Комедии. Фрагменты / Пер. А. Пиотровского. М.: Ладомир, Наука, 1080с.
18. Лосев А.Ф. 1996. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 948 с.
19. Рак И.В. 2000. Египетская мифология. СПб.: «Журнал «Нева»», «Летний сад», 212 с.
20. Мелетинский Е. М. 1976. Поэтика мифа. М.: Наука, 407 с.
21. Топоров В. Н. Хаос первобытный // Мифологии народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т.2. с. 581-582
22. Платон. 1993. Пир / Пер. С.К. Апта // Платон. Соч. в 4 т. : Т. 2 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, с. 97-161.
23. Платон. 1994. Аксиох / Пер. С. Я. Шейнман-Топштейн // Платон. Соч. в 4 т. : Т. 3. Ч. 2. М.: Мысль, РАН ИФ, с. 603-611.
24. Платон. 1994. Тимей // Платон. Соч. в 4 т. : Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, РАН ИФ, с. 495-588.
25. Кулик А. 2013. Представления Платона о хаосе // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 26 (65). No 4. с. 119-126.
26. Лосев А. Ф. 1975. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. Т.IV. М.: Искусство, 1975. с.
27. Аристотель. 2006. Метафизика // Перевод с греч. П. Д. Первова и В. В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 232 с.
28. Аристотель. 1981. О небе // Аристотель. Соч. в 4-х т. Перевод /статья и примеч. П. Д. Рожанский. Т.3. М.: Мысль, 613 с.
29. Столяров А. А. 1998. Фрагменты ранних стоиков. Т.I. М.:

Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 234 с.

30. Секст Эмпирик. 1976. Против ученых // Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Общ. ред. А. Ф. Лосева. Пер. с древнегреч. Т. 1. М.: Мысль, с. 61-376.

31. Аврелий Марк. 1995. Наедине с собой // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий/Вступ. ст., подгот. текста В.В.Сапова. М.: Республика, с. 271-363.

32. Плотин. 1995. Эннеады. Пер. с греч. и англ. К.: УЦИММ-ПРЕСС, 394 с.

33. Брагина Н. В. 2007. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 520 с.

34. Овидий Публий Назон. 1983. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии / Перевод с латинского С.В.Шервинского. М.: Художественная литература, с. 5-879.

35. Овидий Публий Назон. 1994. Фасты // Овидий. Собрание сочинений в 2-х тт. Т.2. Пер. Ф. Петровского, М.: Студия биографика, 528 с.

36. Вергилий. 2018. Энеида / Перевод С.А. Ошерова. М.: Азбука-Аттикус, 384 с.

37. Кулик А.В. 2014. Идеи раннехристианской философской мысли о необходимости порядка // Грамота. Философские науки. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. I. с. 99-101.

38. Кулик А. А. 2014. Взаимосвязь понятий «хаос» и «зло» в истории философской мысли // Вестник РУДН (Москва), серия Философия, № 2, с. 58-65.

39. Кулик А. В. 2014. Идеи философов Нового времени о способах взаимодействия с хаосом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, № 5, Ч. 1. с. 113-116.

40. Хаос (мифология) // Википедия // <https://ru.wikipedia.org/wiki>

41. Макаров А. И., Пигалев А. И. 2002. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторение // История философии. Энциклопедия. Под ред. А. А. Грицанова. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 1376 с. Электронный ресурс: Режим доступа: http://velikanov.ru/philosophy/mif_o_vechnom_vozvraschenii_arhetipy_i_povtorenie_eliade.asp

42. Мелетинский Е. М. 1980. Время мифическое // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 1. с. 252-253.

43. Элиаде М. 1998. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость. Пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой; СПб.: Алетейя, 250 с.

44. Ницше Ф. 1990. Так говорил Заратустра. Пер. с нем. В.В. Рынкевича, под ред. И.В. Розовой. М.: Интербук, 304 с.

45. Ницше Ф. 1996. Злая мудрость. Афоризмы и изречения / [пер. с нем. К. Свасьяна] // Сочинения в 2 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1996. с. 720-768.

46. Ницше Ф. 1996. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше [пер. с нем. Я. Бермана] // Сочинения в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, с. 158-230.

47. Кулик А. В. 2014. Учение Ф.Ницше о должном отношении к хаосу // Грани. 2014, №6 (110). с. 20-23.

48. Емелин В.А. Ницше и постмодернизм // <http://emeline.narod.ru/nietzsche.htm>

49. Грицанов А. 2007. Хаос // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 815 с.

50. Грицанов А. 2007. Хаосмос // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 815 с.

51. Ламеко Н. В. 2005. «Хаосмос» Джеймса Джонса как мультистабильная система (синергетическая природа художественного феномена) // Вестник Беларускаго государственнаго университета. Сер. 4. №3. с. 37-41.

52. История современной музыки: музыкальная культура США в XX веке. 2019. Под ред. М. Переверзевой. М.: Юрайт, 540 с.

53. Делез Ж. 1998. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 384с.

54. Делёз Ж., Гваттари Ф. 1998. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 288 с.

55. Рендл М. 2014. Актуализация метафизического хаоса в современной философии // Вестник Волжского университета им. В. И. Татищева. № 3 (16), с. 127-136.

56. Кулик О. 2014. Теорії Ж. Дельоза і Ф. Гваттарі щодо взаємодії з хаосом // Науковий вісник Чернівецького університету. Збірник наук. праць. Вип. 665-666. Філософія. с. 150-154

57. Орлова Э.А. 2012. Синергетические идеи в изучении микродинамики // Культура и искусство, №4 (10), с.18-31.

58. Астафьева О. Н., Добронравова И. С. 2009. Социокультурная синергетика в России и Украине: предметная область, история и перспективы // Постнеклассика: философия, наука, культура: Коллективная монография. СПб.: «Миръ», с. 634-670.

59. Бородкин Л. И. 2005. Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах // Международные процессы. Том 3. №1 (7), с.4-16.

60. Мещерякова Н. Н. 2015. Закономерное место исторической случайности // Исторический журнал: научные исследования. №5 (29). с. 533-541.

61. Теория и методология истории. 2014. Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Кортаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 504 с.

62. Бранский В. П. 1999. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. №6, с. 117-127.

63. Овшинов А. Н. 2018. Хаос и порядок – модусы социальной диффузии как процесса (коммуникативный подход) // Гуманитарий Юга России, т.7, №5, с. 63-75.

64. Романов В. Л. 2000. Социальная самоорганизация и государственность. М.: РАГС, 141 с.

65. Ворников В. И. 2014. Самоорганизующееся общество как сложная конвенциональная среда. Наукове пізнання: методологія та технологія, №1 (32), с. 50-55.

66. Chaos theory in the social sciences: Foundations and Applications. 1996 // Ed. D. Kiel, E. Elliott. Michigan: University of Michigan Press, 330p. <https://muse.jhu.edu/book/6326>

67. Добронравова И. С. 1990. Синергетика: становление нелинейного мышления. К.: Либідь, 149 с.

68. Предборська І. М. 1995. Мінливість, соціум, Людина. Суми : Видавництво «Слобожанщина», 136 с.

69. Predborska I. 2006. The concept of «Multi-Dimensionality» in

Social Philosophy // The proceedings of the Twenty-first World congress of Philosophy. Vol. 2. Ankara, pp. 17-22.

70. Ершова-Бабенко И. В. 1992. Методология исследования психики как синергетического объекта. Одесса: ОДЭКОМ, 124 с.

71. Ершова-Бабенко И. В. 2015. Психосинергетика. Херсон: изд-во Гринь Д. С., 488 с.

72. Ершова-Бабенко И. В., Козобродова Д. М. 2018. Дальнейшее развитие представлений о самоорганизации в ложных социо-гуманитарных средах/системах в работах украинских философов (2010-е гг.) // Наукові записки Міжнародного гуманітарного університету. Зб.статей, від.ред. К.Ю.Гормовенко. Вип.№28, Одеса: Гельветика, с. 107-110.

73. Бевзенко Л. Д. 2002. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций., К.: Институт социологии НАН Украины, 437 с.

74. Синергетика і освіта. 2014 / за ред. В.Г. Кременя. К.: Інститут обдарованої дитини, 348 с.

75. Морен Э. 2007. Образование в будущем: семь неотложных задач / Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс-Традиция. с. 24-96.

76. Семенова А. В. 2009. Теоретичні і методичні засади застосування парадигмального моделювання у професійній підготовці майбутніх учителів: автореф. дис. на здобуття наукового ступеня докт. пед. наук: спец. 13.00.04. «Теорія і методика професійної освіти» . Тернопіль, 42 с.

77. Baker S. 1995. Chaos theory in educational system: principals, perceptions of sensitive dependence on initial conditions. East Tennessee State University // Електроний ресурс: Режим доступу: // <https://dc.etsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4024&context=etd>

78. Cutright M. 1997. Planning in higher education and chaos theory: a model, a method // paper presented at the Education Policy Research Conference (Oxford, March 15, 1997) // Електроний ресурс: Режим доступу: // <https://eric.ed.gov/?id=ED416741>).

79. Горбунова Л. 2015. Філософія трансформативної освіти для дорослих: університетські стратегії і практики. Монографія. Суми: «Університетська книга», 710 с.

80. Горбунова Л. С., 2017. Трансформативне навчання: стратегія самоорганізації індивіда в контексті складності сучасного світу / Людина в складному світі. Збірка наукових праць. Суми: Університетська книга, с. 286-321.

81. Донникова И. 2011. Культурогенная сущность социальной самоорганизации: монография, Одесса: Печатный дом, 2011, 280 с.

82. Донникова И. 2015. Постнеклассическое гуманитарное знание: границы и возможности // Філософія освіти. №1(16), с. 157-167.

83. Платонова С. И. 2014. Парадигмальный характер социального знания: монография. Ижевск: Ижевская ГСХА, 296 с.

84. Платонова С. И. 2017. Эпистемологические особенности современного социально-гуманитарного знания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. Сб. ст. Том: 6, №3А, с. 131-142.

85. Гречко П. К. 2006. Понятие «Мирового порядка» в контексте глобальных преобразований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. №1 (11), с. 43-65.

86. Князева Е. Н. 2000. Синергетический вызов культуре // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 243-261.

87. Василькова В. В. 1999. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб.: Лань, 480 с.,

88. Макиавелли Н. 1987. История Флоренции / Пер. Н. Я. Рыковой. Общ. ред., послесл. и комм. В. И. Рутенбурга. Кн.5-8. М.: Наука, 446 с.

89. Гоббс Т. Левіафан. 2000. Пер. с англ. Передмова Т. Польської, В. Малахова. К.: Дух і літера, 601 с.

90. Соболевская М. А. 2013. Проблема социального порядка в современной социологической теории: от дискурса порядка к порядку дискурса // Молодой ученый. – 2013. – №12. – С. 794-798. – URL <https://moluch.ru/archive/59/8423/> (дата обращения: 03.09.2019)

91. Гофман А. Б. 2013. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е.Покровский, Д.В.Ефременко. М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, с. 97-167.

92. Будрайтскис И. 2019. О стабильности хаоса и хрупкости порядка // Общество и политика. Сигма. Журнал // Электронный ресурс: Режим доступа: <https://syg.ma/@sygma/o-stabilnosti-khaosa-i-khrupkosti-poriadka>.

93. Кильдюшов О. 2016. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и практике конститутивного вопроса современной теории общества. Социологическое обозрение, Т.15, №3, с. 122-149.

94. Рубанов А.В. 2017. Социальный порядок: традиции и современные подходы к его изучению. Журнал БГУ. Философия. Психология. № 1. с. 45-56.

95. Тишин А. И. Самоорганизация в динамическом хаосе социальных процессов. Электронный ресурс: Режим доступа: <http://rusnauka.narod.ru/lib/sociolog/1/selforg.htm>.

96. Colijn C. 1999. Addressing to Complexity: Exploring Social Changes through Chaos and Complexity Theory. Ontario, 201 p.

97. Ласло Э. 1995. Век бифуркации: постижение изменяющегося мира // Путь. №1., с. 3-129.

98. Бачинин В. А. 2003. Социология. Харьков: Консум, 576с. Электронный ресурс: Режим доступа: <http://politics.ellib.org.ua/pages-cat-179.html>

99. Бляхер Л. 1998. Социальный хаос: философский анализ и интерпретация. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук, по специальности: 09.00.11. Владивосток, 35 с.

100. Бляхер Л. 2005. Нестабильные социальные состояния. М.: РОССПЭН, 208 с.

101. Воробьев Г. А. 2017. Траектории проявления социальной энтропии в оппозиции социального порядка-социального хаоса в современном российском обществе // Научная мысль Кавказа, №3 (91). с. 32-44.

102. Павлов П.А., Павлов А.П. 2015. Онтология социального хаоса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. I. с. 136-139.

103. Бранский В. 1999. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. №6, с. 117-127.

104. Бевзенко Л. Д. 2017. Соціальна самоорганізація і механіз-

ми регуляції соціальної поведінки // Український соціологічний журнал, №1(2), с. 6-17.

105. Омельченко Н. 2006. Феномен соціального хаосу: філософський аналіз. Автореферат на здобуття наукового ступеня кандидата філософських наук спеціальністю 09.00.03. – соціальна філософія та філософія історії. Запоріжжя: ЗНУ, 20с.

106. Спица Н. В. 2010. Особливості взаємодії хаосу і порядку в самоорганізаційних системах суспільства: проблема категорії міри в контексті дослідження Є. Седова. Гуманітарний вісник ЗДІА, вип. 43, с. 152-165.

107. Бадью А. 2013. Философия и событие. М.: Институт общегуманитарных исследований, 192 с.

108. Василькова С. С. 2012. Сети в социальном познании: от метафоры к метатеории // Журнал социологии и социальной антропологии. Том XV. № 5. с. 11-24.

109. Герасимов О. Ю. 2015. Сетевая социальная морфология гражданского общества // Известия Уральского федерального университета. Том. 10. №3, с. 117-121.

110. Гончарова О.О. 2014. Соціальна апатія і соціальний протест як форми біфуркації в умовах трансформаційних суспільств // Міжнародний науковий форум: соціологія, психологія, педагогіка, менеджмент. К.: ТОВ «Інтерсервіс», вип. 16. с. 103-116.

111. Добронравова И. С. 1990. *Синергетика: становление нелинейного мышления*. К.: Вид-во «Либідь», 149 с.

112. Ершова-Бабенко И. В. 1992. Методология исследования психики как синергетического объекта. Монография. Одесса: ОДЭКОМ, 124 с.

113. Ершова-Бабенко И. В. 2005. Психосинергетические стратегии человеческой деятельности (Концептуальная модель). К. : Книга–Нова, 368 с.

114. Ершова-Бабенко И. В., Корниенко С. 2006. Психосинергетические основания концептуально-стратегической модели высшего образования // Філософія освіти, №2(4), с. 24-35.

115. Ершова-Бабенко И. В., Гончарова О. 2015. Нечеловекомерные составляющие поля человекомерности. Філософія освіти. № 2 (17), с. 243-259,

116. Ершова-Бабенко И. В. 2015. Психосинергетика. Херсон: изд-во «Гринь Д.С.», 488 с.

117. Ершова-Бабенко И. В., 2017. Явление неучтенного продукта/субъекта //»Дні науки філософського факультету – 2017», Міжн. наук. конф. (2017 ; Київ) / редкол.: А. Є. Конверський [та ін.]. – К. : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», Ч. 5. с. 18-19

118. Ершова-Бабенко И. В. 2019 (а). Гипертеория «brain-psyche-mind/consciousness» постнеклассическое общее решение проблемы и методология исследования психомерности // Norwegian Journal of Development of the International Science. #29, part 3, pp. 45-50

119. Ершова-Бабенко И. В. 2019 (б). Integrity and initial «hybridity of the «brain-psyche-mind/consciousness» hypersystem. Research Methodology // Norwegian Journal of Development of the International Science. #31, part 2, pp. 58–64. Web of Science Core Collection.

120. Зинченко Ю. П., Первичко Е. И. 2012. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л. С. Выготского – А.Р. Лурия // Национальный психологический журнал. №8, с. 32- 45

121. Іщук Н. В. 2015. Обрисы системного розуміння психики // Вісник НАУ. Серія: Філософія. Культурологія. № 1 (21), с. 46-50

122. Каган М. С. 1996. Системность и целостность. Вопросы философии. №12. с. 13 -18

123. Князева Е. Н. 2013. Социальная сложность: самоорганизация, тренды, инновации // Общество: философия, история, культура. №1, с. 20-28.

124. Князева Е. Н. 2014. Интерсубъективность с позиций энактивизма // Интерсубъективность в науке и философии / Под редакцией Н. М. Смирновой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», с. 106-122.

125. Князева Е. Н., 2015. Понятие «Umwelt» Якоба фон Иксюля и его значимость для современной эпистемологии. ВФ, 2015, http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1155&Itemid=52.

126. Князева Е.Н. 2016. Расширенный экологический подход: сети жизни, познания, разума и коммуникации // Філософія освіти. 2016. No 1(18). с. 163-188.

127. Князева Е. Н. 2019. Экологическая философия: мировоззренческие измерения современной экологии // Вестник Международной академии наук (Русская секция), №1, с. 16-23.

128. Ковтунова Д. В., Лойтаренко М. В., Попов В. В., Щеглов Б. С. 2014. Философия нестабильности: особенности интерпретации хаоса в точке бифуркации // Современные проблемы науки и образования. №5 //

129. Козобродова Д. 2019. Самоорганізація як предмет соціально-філософського аналізу. Автореферат на здобуття наукового ступеня кандидата філос.наук за спец. 09.00.03. Одеса: ПНПУ ім. К.Д. Ушинського, 24 с.

130. Колядко И. Н. 2016. Социальный кризис как предмет социосинергетической интерпретации. Философия и социальные науки. 2016. № 4. с. 82-86

131. Лаппо-Данилевский А. С., 2010. Методология истории. Т.1. М.: РОССПЭН, 408 с.

132. Леонтьев А. Д. 2018. Экзистенциальный подход в современной психологии личности // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. Александра Асмолова. М.: Издательский Дом ЯСК, с. 293-307.

133. Леонтьев Д. А. 2018. Жизнь на волнах хаоса: уроки Пригожина и Талеба // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под общ. ред. Александра Асмолова. — М.: Издательский Дом ЯСК, с. 29-39.

134. Луговой А. А., Куракина Е. В. 2017. Нелинейная социальная динамика общественного развития// <https://cyberleninka.ru/article/n/nelineynaya-sotsialnaya-dinamika-obschestvennogo-razvitiya>

135. Морен Э. 2006. Образование в будущем: семь неотложных задач // Синергетическая парадигма. Синергетика образования / пер. с франц. Е.Н. Князевой. М., с. 26–96.

136. Петрова Е. В. 2017. Информационная среда и ее воздействие на человека: проблемы экологии человека в информационном обществе. *Философские науки*. №5, с. 98-114.

137. Плющ А. Н. 2017. Социально-психологические механизмы информационного влияния: монография. Нежин: Аспект-Поліграф, 244 с.

138. Попов В. В., Ковтунова Д. В., Лойтаренко М. В. 2015. Социальный субъект в контексте нестабильного общества // Философия права. №6 (73). с. 92-96.

139. Пригожин И. 2013. Кость еще не брошена // Синергетика. Антология / Науч. ред., сост., автор пер. и вступит. статьи Е. Н. Князева. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, с. 76-82.

140. Смульсон М. Л. 2018. Спілкування і саморозвиток людей похилого віку // Проблеми розвитку особистості у комунікативному просторі: збірник тез доповідей всеукраїнського науково-практичного семінару «Проблеми розвитку особистості у комунікативному просторі», 27 листопада 2018 р. Київ [електронний друкмент] / ред. кол.: Н.В.Чепелева (гол.ред.). Чернівці : Чернівецький нац.-й унів-т ім.Ю.Федьковича, с. 10-14.

141. Степин В.С. Философский анализ универсалий культуры // Гуманитарный науки, 2011, №1, с. 8-15.

142. Талеб Н. Н. 2017. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 768 с.

143. Яскевич. Я. С. 2015. Философские основания трансдисциплинарной синергетической методологии // Научные труды РИВШ, №14, с. 307-313.

144. Fuchs T., Jaegher de H. 2009. Enactive Intersubjectivity: Participatory Sense-making and Mutual Incorporation // Phenomenology and Cognitive Sciences. Vol. 8, № 4. pp. 465-486.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Проблема психомерности в постнеклассическом социально-гуманитарном знании	
1.1. Постнеклассическое решение проблемы психомерности в свете гиперсистемы «brain-psyche-mind/consciousness»	
1.2. Гибридность гиперсистемы «brain-psyche-mind/consciousness»: человекомерный аспект.....	
1.3. Хаотизация психики в гиперсистеме «brain-psyche-mind/consciousness»	
Список литературы к I главе	
Глава II. Хаотизация социальной реальности	
2.1. Взаимосвязь хаоса и порядка в социально-гуманитарных исследованиях	
2.2. Методологические основания исследований социального хаоса	
2.3. Психосинергетические стратегии взаимодействия с хаосом.....	
2.4. Самоорганизация личности в условиях социального хаоса: психосинергетические стратегии	
Список литературы к II главе.....	
Общие выводы.....	

Наукове видання

І. В. Єршова-Бабенко, Г. С. Селіверстова

**Хаотизація психомерности
соціальноїреальності:
соціально-філософський і
психосинергетичний контекст**

монографія

Підписано до друку 04.09.2020 р.
Формат 60×84/16. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Друк офсетний. Ум. друк. арк. 11,27. Наклад 150 прим.
Зам. № 0409/2.

Надруковано з готового оригінал-макету у друкарні «Апрель»
ФОП Бондаренко М.О.
65045, м. Одеса, вул. В.Арнаутська, 60
тел.: +38 048 700 11 55
www.aprel.od.ua

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців ДК № 4684 від 13.02.2014 р.